

**ВЕСТНИК
САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**
Научно-практический журнал
2 (33) / 2019

Выходит 5 раз в год

Учредитель издания:

федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – Уголовный процесс; 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность; 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования; 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии; 19.00.06 – Юридическая психология

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-67319 от 30.09.2016

ISSN 2307-6852

Главный редактор (председатель редакционной коллегии) – кандидат педагогических наук, доцент полковник внутренней службы **А. А. Вотинов**

Редакционная коллегия

Акопов Г. В. – заведующий кафедрой общей и социальной психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии психологических наук, Академии социальных и педагогических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Президиума Российского психологического общества, председатель Самарского регионального отделения РПО, сопредседатель Самарского отделения Лиги профессиональной психотерапии;

Акопян Л. С. – профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Алехин И. А. – заведующий кафедрой педагогики Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Арбузова С. А. – заместитель начальника Самарского юридического института ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент, член экспертного совета по вопросам прав и свобод человека при Уполномоченном по правам человека в Самарской области;

Архимандрит Георгий (Шестун) – заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии Самарской духовной семинарии, доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН;

Бездухов В. П. – профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО;

Борер В. М. – заведующий кафедрой информационного права и правоведения Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Вележнев С. И. – профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Волов В. Т. – заведующий кафедрой физики и экологической теплофизики Самарского государственного университета путей сообщения, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор физико-математических наук, доктор технических наук, член-корреспондент ГАН РАО, академик МАИ, РАЕН, РАТ, МАНПО, Нью-Йоркской академии наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Воронов В. Н. – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Галущин А. Ф. – заместитель прокурора Саратовской области (в отставке), профессор кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дашин А. В. – профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, доктор юридических наук;

Каминский А. М. – заведующий кафедрой криминалистики и судебной экспертизы Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Удмуртской Республики;

Кленова Т. В. – заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Колоколов Н. А. – судья Верховного суда Российской Федерации (в отставке), профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского педагогического государственного университета, доктор юридических наук, доцент;

Кудрявцев А. В. – заместитель директора, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, член Ассоциации юристов России;

Куриленко Л. В. – заведующая кафедрой теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор педагогических наук, профессор;

Лазарева В. А. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член научно-консультативного совета при Верховном суде Российской Федерации;

Лисецкий К. С. – декан психологического факультета, заведующий кафедрой психологии развития Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, доктор психологических наук, доцент, действующий член Международной психологической академии, член Антинаркотической комиссии при администрации г. Самары, член Международного экспертного совета этического комитета, заместитель председателя Самарского отделения Российского психологического общества, официальный эксперт Российского психологического общества по сертификации специалистов образовательных и тренинговых программ;

Позднякова О. К. – профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО;

Расторопов С. В. – профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Рукавишников А. А. – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сливин Т. С. – Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, доктор педагогических наук, доцент;

Уткин В. А. – директор Юридического института, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Фасоля А. А. – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Хачатуров Р. Л. – профессор кафедры истории государства и права Института права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук России, член комиссии по адвокатской деятельности Министерства юстиции Республики Беларусь.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) <http://elibrary.ru>

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс: **70018**

Адрес редакции: 443022, г. Самара, ул. Рылская, 24в, тел. 205-67-14, e-mail: science@samlawin.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна. Направляя материалы в редакцию журнала, автор соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет

**BULLETIN
OF THE SAMARA LAW INSTITUTE**
Science and practical journal
2 (33) / 2019

Comes out 5 times a year

Founder of journal:

Federal Government Educational Institution of Higher Education
«Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service»

The journal is on Higher Attestation Commission of the Russian Federation and the List of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of theses for the degree of Candidate of Science, Doctor of Sciences according to the following scientific areas should be published: 12.00.01 – Theory and History of State and Law; History of Law and State doctrine; 12.00.08 – Criminal Law and Criminology; Penal Law; 12.00.09 – Criminal Procedure; 12.00.11 – judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activity; 12.00.12 – Criminalistics; Forensic Expert Activity; operative detective activity; 13.00.01 – General Pedagogy, History of Pedagogy and Education; 19.00.01 – General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology; 19.00.06 – Legal Psychology

The journal is registered in the Federal Service for Supervision in the sphere of Communications, Information Technology
and Mass Communications, PI № FS77-67319 from 30.09.2016

ISSN 2307-6852

Editor in Chief (Editorial Board Chairman) – Candidate of Pedagogics, Associate Professor Colonel **A. Votinov**

Editorial Board

Akopov G. – Head of General and Social Psychology Department of Samara State Social and Pedagogical University, Doctor of Psychology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, member of the International Academy of Psychology, Academy of Social and Pedagogical Sciences, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Presidium member of the Russian Psychological Society, chairman of Samara regional branch of the Russian Psychological Society, Co-chairman of Samara Office of the Professional Psychotherapy League;

Akopyan L. – Professor of Developmental and Educational Psychology Department of Samara State Social and Pedagogical University, Doctor of Psychology, Professor;

Alekhin I. – Head of Pedagogy Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation;

Arbuzova S. – Deputy Head for academic work of Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor, member of the Human Rights and Freedoms Expert Council for Human Rights Ombudsman in Samara region;

Archimandrite Georgiy (Shestun) – Head of Interacademic Department of Orthodox Pedagogy and Psychology of Samara Theological Seminary, Doctor of Pedagogics, Professor, Academician of Russian Academy of Natural Sciences;

Bezdukhov V. – Professor of Pedagogy and Psychology Department of Samara State Social and Pedagogical University, Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education;

Boer V. – Head of Data Protection Law and Jurisprudence Department of Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Velezhev S. – Professor of Criminal and Penal Law Department of Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Associate Professor;

Volov V. – Head of Physics and Ecological Thermophysics of Samara State University of Railway Transport, Doctor of Engineering, Doctor of Pedagogics, Doctor of Economics, Doctor of Sociology, Doctor of Physics and Mathematics, corresponding member of the State Academy of Sciences of the Russian Academy of Education, Academician of the MAI, Academy of Natural Sciences, RTA, International Academy of Sciences for Pedagogical Education, New York Academy of Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Voronov V. – Senior Researcher of the Research Department of Peter the Great Strategic Rocket Forces Academy, Doctor of History, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Galuzin A. – Deputy prosecutor of Saratov region (in retirement), Professor of Professional Disciplines Department of Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Candidate of Law, Associate Professor;

Dashin A. – Professor of Theory and History of State and Law Department of Kuban State Agrarian University named after I. Trubilin, Doctor of Law;

Kaminskiy A. – Head of Criminal Investigation and Forensic Expertise of Institute of Law, Social Management and Security of Udmurt State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Udmurt Republic;

Klenova T. – Head of Criminal Law and Criminology Department of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Kolokolov N. – Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (in retirement), Professor of the Criminal and Legal Disciplines Department of Moscow State Teacher's Training University, Doctor of Law, Associate Professor;

Kudryavtsev A. – Deputy Chief, Head of Constitutional and Municipal Law of Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of national Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor, a member of Association of Russian Lawyers;

Kurylenko L. – Head of Theory and Social Work Technology Department of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Doctor of Pedagogics, Professor;

Lazareva V. – Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of Scientific and Advisory Council under the Supreme Court of the Russian Federation;

Lisetskiy K. – Dean of Psychology Faculty, Head of the Developmental Psychology Department of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Doctor of Psychology, Associate Professor, active member of the International Academy of Psychology, member of the counter-drugs commission under the administration of the city of Samara, member of the International Expert Council of the Ethics Committee, deputy chairman of Samara regional branch of the Russian Psychological Society, official expert of the Russian Psychological Society for certification of specialists in educational and training programs;

Pozdnyakova O. – Professor of the Pedagogy and Psychology Department of the Samara State Social and Pedagogical University, Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Author's Society;

Rastoropov S. – Professor of the Prosecutor's Supervision over the Laws Implementation in the Operative-Detective Activity and the Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings Department at the Prosecutor's Office University of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;

Romashov R. – Professor of Law Theory and Law Enforcement Department of St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Rukavishnikova A. – Assistant Professor of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law-Enforcement Department of the Law Institute of National Research Tomsk State University, Candidate of Law, Associate Professor;

Seliverstov V. – Professor of the Criminal Law and Criminology Department of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Slivin T. – Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Pedagogics, Associate Professor;

Utkin V. – Director of the Law Institute, Head of Penal Law and Criminology Department of National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Fasolya A. – Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Pedagogics, Professor;

Khachaturov R. – Professor of History of the State and Law Department of the Institute of Law of Togliatti State University, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Shabanov V. – Head of Criminalistics Department of the Law Faculty of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, active member of the Academy of Military Sciences of Russia, member of the Commission on legal practice of the Ministry of Justice of the Republic of Belarus.

The journal is in the Russian Science Citation Index <http://elibrary.ru>

The journal is distributed by subscription. Index: **70018**

Editorial address: Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022; tel. 205-67-14, e-mail: science@samlawin.ru

Published articles contain the opinions of the authors, which may not coincide with the point of view of the editorial board. Responsibility for the content and reliability of the facts has the authors of materials. The editorial board reserves the right to make changes and reductions. In case of complete or partial reprinting or reproduction by all means it is necessary to make reference to the source. Sending materials to the journal the author agrees to place the materials in free access on the Internet

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бедняков И. Л., Развейкина Н. А. ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	11
Галузин А. Ф. ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ФУНКЦИЙ НАДЗОРА И ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРОКУРАТУРЫ	15
Голик Ю. В., Александрова В. В. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ОБ ИТОГАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА	21
Ельчанинов А. П. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ТЮРЕМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	27
Ельчанинова О. Ю. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРЕСТУПНОСТЬ» В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ М. Н. ГЕРНЕТА	32
Калач А. В., Кулакова Н. Г. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ И БОРЬБА С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ В СИНГАПУРЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	37
Куанышева В. В. ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЙ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА В СВЕТЕ НОВОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	46
Лапшин В. Е., Шаханов В. В. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО (ПЕНИТЕНЦИАРНОГО) ПРАВООТНОШЕНИЯ: МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ, ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ОБЩИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СФЕРЕ	52
Никитюк С. М. ТЕОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	57
Петроградская А. А. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА	63
Самиулина Я. В. ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	69
Скиба А. П., Родионов А. В. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ ОСУЖДЕННОГО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ, ШВЕЙЦАРИИ И США	74

Смирнов А. М., Самойлова А. А. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАДЗОРА ЗА ОСУЖДЕННЫМИ – ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ СОВЕРШЕНИЯ ИМИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ	80
Сухарев С. Н. РОЛЬ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	86
Трофимцева С. Ю. ПРОКУРОР СССР А. Я. ВЫШИНСКИЙ И СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ В УСЛОВИЯХ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ в 1930-е гг.	91
Южанин В. Е. ПРИНУЖДЕНИЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	100

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреанова А. С. АКАДЕМИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КУРСАНТОВ КАК ОБЪЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	107
Волошин Д. В., Дворцов В. Б. ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ В СИСТЕМЕ ВЕДОМСТВЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	115
Румянцев Н. В., Бондарева О. А. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ АККРЕДИТАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПО ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ФСИН РОССИИ.....	120

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ежова О. Н., Ушков Ф. И. ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПСИХОЛОГА.....	125
Родионова О. Г. СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН О МЕЖЛИЧНОСТНОМ КОНФЛИКТЕ	132

Трибуна молодого ученого

Грязева Н. В., Закиров Т. М. ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ, ИЗЪЯТИЯ, ПОРЯДКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ РЕЖИМНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ (ОБЫСКА И ДОСМОТРА) В РАССЛЕДОВАНИИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	139
Китаева А. В., Закиров Т. М. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	145
ТРЕБОВАНИЯ К ПОДАЧЕ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА».....	149

CONTENTS

LEGAL SCIENCES

Bedniakov I., Razveykina N. OPPORTUNITIES OF USING DIGITAL INTELLIGENCE IN LEGAL PROCEEDINGS	11
Galuzin A. EDUCATION IN THE LAW IN FUNCTIONS SUPERVISION STRUCTURE AND LEGAL TRAINING OF PROSECUTOR'S OFFICE	15
Golik Y. , Alexandrova V. ECONOMIC AND OFFICIAL CRIMINALS IN PLACES OF DETENTION: THE RESULTS OF THE RESEARCH PROJECT	21
Elchaninov A. THE PECULIARITIES OF PRISON ADMINISTRATION SOCIAL WELFARE IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY	27
Elchaninova O. THEORETICAL BASES OF RATIONALIZATION CONCEPTS «CRIME» IN M. N. GERNET LEGAL DOCTRINE	32
Kalach A., Kulakova N. COUNTERACTION OF CORRUPTION AND FIGHT AGAINST CORRUPTION FORMS IN SINGAPORE AND RUSSIAN FEDERATION: COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS	37
Kuanysheva V. QUALIFYING VIOLATIONS QUESTIONS OF LABOR PROTECTION REQUIREMENTS AS A PART OF NEW RESOLUTION SUPREME COURT PLENUM OF THE RUSSIAN FEDERATION	46
Lapshin V., Shakhanov V. THEORETICAL ANALYSIS OF CRIMINAL-EXECUTIVE (PENITENTIARY) LAW RELATIONS: THE POINT OF ENDING THE PENITENTIARY LAW RELATIONS, THE PROBLEM OF ALLOCATION OF GENERAL RELATIONS IN THE PENITENTIARY SPHERE	52
Nikityuk S. LAW ENFORCEMENT THEORY AND ENABLING LEGISLATION IN LAW ENFORCEMENT BODIES ACTIVITIES	57
Petrogradskaya A. THE MAIN THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF INTERACTION OF PENAL BODIES AND ESTABLISHMENTS WITH LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE LAW ENFORCEMENT SPHERE	63
Samiulina Ya. PROBLEMS OF REDRESS OF NON-PROPERTY DAMAGE ON CRIMES AGAINST LEGAL ENTITIES	69
Skiba A., Rodionov A. EXEMPTION FROM PUNISHMENT IN CONNECTION WITH CONVICTS' ILLNESS UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA, SWITZERLAND AND THE USA	74
Smirnov A., Samoilova A. SUPERVISION IMPLEMENTATION OF CONVICTS – REPRESENTATIVES OF DIFFERENT ETHNIC GROUPS IN PENAL INSTITUTIONS AS A MEANS OF PREVENTING THEIR PENITENTIARY OFFENSES.....	80
Sukharev S. THE ROLE OF SECURITY MEASURES IN THE IMPLEMENTATION OF THE TASKS OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE	86
Trofimtseva S. PROSECUTOR OF THE USSR A. Y. VYSHINSKY AND SOVIET JUSTICE IN THE CONDITIONS OF MASS REPRESSION IN THE 1930s	91
Yuzhanin V. ENFORCED PUNISHMENT AS THE FORM OF IMPRISONMENT.....	100

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Andrianova A. ACADEMIC COMPETENCE OF CADETS AS AN OBJECT OF PEDAGOGICAL RESEARCH.....</i>	107
<i>Voloshin D., Dvortsov V. SOME ISSUES OF TEACHERS' TRAINING FOR EDUCATIONAL FACILITIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA IN THE DEPARTMENTAL PROFESSIONAL EDUCATION SYSTEM.....</i>	115
<i>Rumyantsev N., Bondareva O. THE PROFESSIONAL AND PUBLIC ACCREDITATION OF EDUCATIONAL PROGRAMS FOR THE PREPARATION OF SPECIALISTS OF THE SYSTEM OF FSIN RUSSIA</i>	120

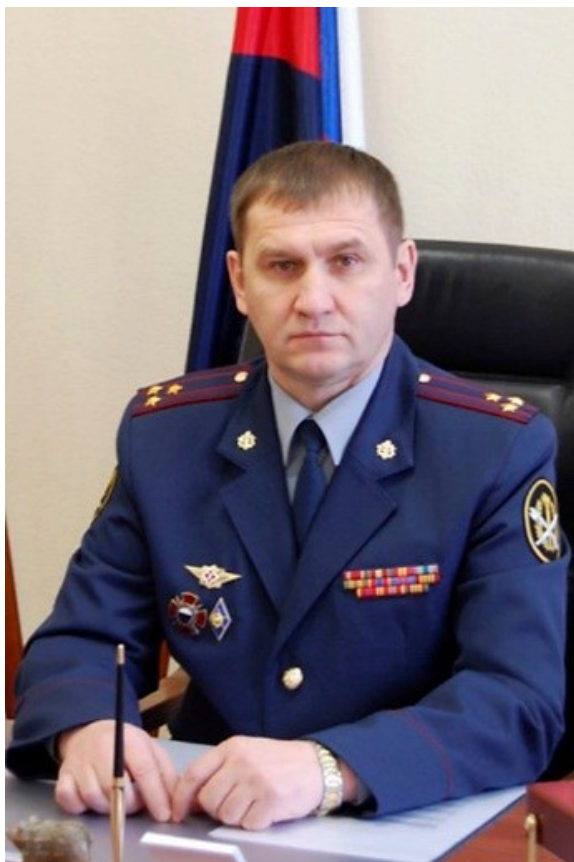
PSYCHOLOGICAL SCIENCES

<i>Ezhova O., Ushkov F. THE PROBLEM OF EFFICIENCY OF A PENITENTIARY PSYCHOLOGIST</i>	125
<i>Rodionova O. SPECIFICS OF THE IDEAS AMONG CONVICTED WOMEN OF INTERPERSONAL CONFLICT</i>	132

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Gryazeva N., Zakirov T. SPECIAL FEATURES OF DOCUMENTATION, SEIZURE, PRESENTATION AND USING THE RESULTS OF REGIME MEASURES (SEARCH AND INSPECTION) IN THE INVESTIGATION OF PENITENTIARY CRIMES.....</i>	139
<i>Kitaeva A., Zakirov T. PROBLEMATIC ISSUES OF PARTICIPATION OF CONVICTS IN CIVIL PROCEEDINGS.....</i>	145
<i>THE REQUIREMENTS FOR THE MATERIALS SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL «BULLETIN OF THE SAMARA LAW INSTITUTE».....</i>	149

Уважаемые коллеги!

В этом году Самарский юридический институт ФСИН России отмечает 25-летний юбилей.

Свой исторический путь вуз начал в 1994 г., когда было принято решение об открытии на территории Самарской области первого учебного заведения по подготовке специалистов для правоохранительной системы – Самарского филиала Елабужской специальной средней школы милиции МВД России. За прошедшие со дня основания годы менялось название, ведомственная принадлежность, неизменным же оставалось высокое качество подготовки специалистов, в чем несомненная заслуга всего коллектива.

Творческое отношение к своему делу и высокий профессионализм позволили руководству и профессорско-

преподавательскому составу вуза в короткие сроки создать необходимую учебно-методическую, научную и материальную базу, наладить конструктивные отношения с учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, с образовательными и научно-исследовательскими учреждениями России и зарубежных стран, с институтами гражданского общества.

Актуальные исследования, проекты, конференции, проводимые институтом, задают инновационную повестку дня в целом спектре вопросов, укрепляя авторитет уголовно-исполнительной системы.

Созданные благоприятные условия способствуют раскрытию научных и творческих способностей курсантов и студентов. Они нередко лидируют в профессиональных и творческих конкурсах, спортивных состязаниях.

Сегодня институт – это учебное заведение с высокопрофессиональным профессорско-преподавательским составом и развитой материально-технической базой. Приближенность учебной программы к реальным условиям оперативно-служебной деятельности позволяет выпускникам работать на самых сложных участках, демонстрируя при этом лучшие качества, всесторонние знания и высокую работоспособность.

На современном этапе перед вузом стоят задачи по дальнейшему совершенствованию качества образовательного процесса и наращиванию научного потенциала, укреплению учебно-материальной базы.

От всего сердца поздравляю преподавателей, сотрудников, ветеранов, курсантов, студентов и выпускников с замечательным юбилеем и желаю крепкого здоровья, творческих успехов, оптимизма и благополучия!

*Главный редактор
начальник Самарского юридического института ФСИИ России
кандидат педагогических наук, доцент
полковник внутренней службы
А. А. Вотинов*

УДК 34.037

Бедняков Иван Львович

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного
процесса и криминалистики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рылская, 24в,
e-mail: 1981ivan@mail.ru

Ivan L. Bedniakov

Candidate of Law, Associate Professor,
Head of Criminal procedure and criminology department,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: 1981ivan@mail.ru

Развейкина Надежда Андреевна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой социальных систем и права,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королева,
443086, Россия, г. Самара, Московское ш., д. 34,
e-mail: razveykina@ssau.ru

Nadezhda A. Razveykina

Candidate of Law, Associate Professor,
Head of Social systems and rights department,
Samara National research university
named after academician S. P. Korolyov,
Moskovskoye sh., 34, Samara, Russia, 443086,
e-mail: razveykina@ssau.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Аннотация.** В статье анализируются возможности использования системы искусственного интеллекта в сфере судопроизводства, в том числе по уголовным делам. Изучены существующие в науке мнения о возможности и целесообразности внедрения технологий искусственного интеллекта в решение спорных правовых вопросов. Рассмотрены примеры опытной реализации возможностей искусственного интеллекта в мировой юридической практике. Сформулированы проблемные теоретические вопросы, решение которых определит будущее технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве. Проанализированы мнения ученых и правоприменителей относительно возможных направлений внедрения искусственного интеллекта в юридическую практику. Обозначены направления возможного внедрения искусственного интеллекта в рамках уголовного, гражданского, арбитражного процесса. Сделан вывод о потенциальной применимости в судопроизводстве системы искусственного интеллекта, обеспечивающей поддержку принятия решений человеком или представляющей собой инструменты принятия решений.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, суд, судья, судопроизводство, правосудие, уголовный процесс, бот-юрист, свобода оценки доказательств.*

OPPORTUNITIES OF USING DIGITAL INTELLIGENCE IN LEGAL PROCEEDINGS

***Summary.** The article considers the possibilities of using the system of digital intelligence in the field of legal proceedings including criminal cases. The existing opinions about the possibility and advantages of the introduction of digital intelligence technologies for solvation of controversial legal issues are studied. The examples of the experimental realization of the capabilities of digital intelligence in world legal practice are examined. The author formulates problematic theoretical issues and their solution will determine a future of technologies of digital intelligence in legal proceedings. Scientists' opinions as well as law enforcers regarding the possible ways of digital intelligence using in legal practice are analyzed. directions of the possible implementation of digital intelligence in a criminal, civil, arbitration process are marked. There is a conclusion that the digital intelligence system is potentially applicable in court proceedings, providing support for decision-making by a person or representing decision-making tools.*

***Keywords:** digital intelligence, court, judge, legal proceedings, justice, criminal procedure, bot lawyer, freedom to evaluate evidence.*

Понятия искусственного интеллекта на сегодняшний день в российском законодательстве не содержится. Вместе с тем термин «искусственный интеллект» встречается в некоторых нормативных правовых актах стратегического характера (например, в Указе Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»). Известно, что в

экспертном совете при Молодежном парламенте РФ обсуждаются законодательные инициативы о введении такого понятия, как искусственный интеллект, в текст ГК РФ.

В научной литературе встречаются объемные определения искусственного интеллекта, в которых существенными признаками значатся: автономность (полностью или частично), самоорганизация, самообучаемость, программируемость, системность, способность к принятию самостоятельных решений (автономная самоорганизующаяся компьютерно-программная система (юнит) [1, с. 10]. Несомненно, что распространение сфер применения искусственного интеллекта неизбежно. Однако целесообразность, возможность и эффективность его применения в некоторых видах юридической деятельности, в частности в судопроизводстве, весьма дискуссионны.

Анализ источников по поставленному вопросу позволил обнаружить ряд предложений по наделению искусственного интеллекта функционалом в гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве, которые в ряде случаев вызывают обоснованные сомнения и возражения.

Так, П. М. Морхат, являясь судьей Арбитражного суда Московской области, полагает, что искусственный интеллект может быть задействован в судопроизводстве по нескольким направлениям [1].

1. При сопоставлении юнитом искусственного интеллекта норм права, нормативных правовых актов в целях определения их иерархии и юридической силы. Так, благодаря искусственному интеллекту под названием Watson умная программа-юрист, подключенная к базе данных судебных разбирательств, умеет распознавать вопросы и находить на них ответы, добавляя к ним цитаты из профессиональной литературы [2].

2. При осуществлении юнитом искусственного интеллекта синхронного профессионального юридического перевода в судебном процессе с целью обеспечения соответствующих прав сторон процесса и основных принципов правосудия. Предполагаем, что речь идет о замене переводчика в судопроизводстве (ч. 2 ст. 18, ст. 59 УПК РФ, ч. 2 ст. 9 ГПК РФ, ст. 12 АПК РФ). Примеров автором не приводится. В литературе не встретилось упоминания о такого рода разработках и опыте их применения в судопроизводстве.

3. При автоматической классификации юнитом искусственного интеллекта юридических документов, формировании и документарном ведении дел. Согласимся, что это удобно и возможно. Например, в 2016 г. Сбербанк России запустил бота-юриста для составления типовых исковых заявлений на физических лиц [3]. Однако результаты внедрения и эффективности работы именно этой системы пока нигде не озвучены. Вместе с тем следует признать, что рутинная работа судьи по делопроизводству тоже могла бы быть значительно облегчена за счет автоматизации многих процессов. Но это не имеет непосредственного отношения к функции разрешения дела.

4. При оказании юнитом искусственного интеллекта помощи судье в выявлении обстоятельств, указывающих на возможное злоупотребление стороной правом, на необоснованное затягивание судебного процесса, в выявлении сфальсифицированных материалов и аргументов, при применении манипулятивных приемов. Фактически это подразумевает внедрение искусственного интеллекта в реализацию полномочий по оценке судом доказательств. Но как применение систем искусственного интеллекта будет учитывать принцип свободы оценки доказательств, формировать внутреннее убеждение судьи и откуда у искусственного интеллекта совесть (ч. 1 ст. 17 УПК РФ, ч. 1 ст. 67 ГПК РФ, ч. 1 ст. 71 АПК РФ)? И как соотносить эти предложения применять искусственный интеллект с судом присяжных, в котором доказательства по делу оценивает коллегия присяжных заседателей?

5. При оказании юнитом искусственного интеллекта помощи судье и адвокату обвиняемого в выявлении обстоятельств, обуславливающих сомнения в виновности подсудимого. Вероятно, здесь имеются в виду разработки систем искусственного интеллекта, позволяющие выявлять ложные показания или фальсифицированные документы. Например, в США в 2017 г. учеными университета Мэриленд была разработана система Dare, способная разоблачать лживые показания на основе анализа мимики, голоса и жестов. Достоверность Dare достигает 92 %, что на 5–7 % выше, чем у полиграфа, и ее планируют допустить до применения в судебном заседании [4]. Подобные предложения тоже вызывают сомнения, поскольку вторгаются в сферу оценки доказательств. Кроме того, до сих пор есть масса споров о признании результатов таких экспертиз допустимыми в качестве доказательств, и нет единства судебной практики.

6. При содействии принятию решений по крупным объемам неоднородных задач в сложных условиях неопределенностей, на основе неточной, недостаточной или плохо определенной

информации, в ситуациях, когда получение оптимальных или точных ответов и решений трудно-ко ввиду больших объемов специфичных знаний или вовсе невозможно. Здесь можно привести в качестве примера применение разработки CaseCruncherAlpha: создан тремя студентами юридического факультета Кембриджского университета и представляет собой чат-бот, который вначале лишь отвечал на юридические вопросы, а со временем его улучшения привели к тому, что он смог предсказывать исход судебных разбирательств. Это стало поводом для проведения эксперимента, в котором 100 лучших юристов Лондона и робот CaseCruncherAlpha получили одинаковое задание – предсказать решение финансового омбудсмана по 775 спорным делам о страховании платежей. В итоге юристы оказались правы в 66,3 % случаев, а прогнозы искусственного интеллекта совпали с решением судьи в 86,6 % случаев [5].

7. Для выдачи юнитом искусственного интеллекта оперативных экспертных оценок в рамках судебной экспертизы или мнения специалиста. Это уже используется в российской судебной практике. По делам о нарушении авторских прав, в частности, о публичном воспроизведении музыки без лицензии в торговых центрах, кафе и ресторанах ранее требовалось заключение музыковеда, вместе с которым предъявляется видеозапись самого правонарушения. Сейчас в суде у правообладателя принимают данные из приложения Shazam, экспертиза в котором оказалась быстрее музыковедческой. При этом ее можно быстро перепроверить с помощью другого приложения Яндекс. Музыка. Однако Shazam допускает ошибки в 20–25 % случаев, что фактически может повлечь вынесение неправоудного решения [6].

Из приведенных примеров видно, что внедрение систем искусственного интеллекта может оказать судье лишь содействие в решении типовых задач [7], или там, где имеется повторяемый алгоритм действий, или там, где можно допустить и гарантировать стабильность принимаемых решений на основе заданных алгоритмов. Учитывая такие возможности систем искусственного интеллекта, поддерживаем предложения о замене судьи системой искусственного интеллекта в делах о выдаче судебного приказа (гл. 11 ГПК РФ). Перечень требований, по которым выдается судебный приказ, указан в ст. 122 ГПК РФ и является закрытым. Так, в п. 3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» содержится разъяснение о том, что требования, рассматриваемые в порядке приказного производства, должны быть бесспорными. Более того, законодательство уже допускает, что заявление о выдаче судебного приказа и прилагаемые документы могут быть представлены в суд в электронном виде, с использованием формы, размещенной на официальном сайте суда (ч. 1.1 ст. 3, ч. 1.1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 7 ст. 4 АПК РФ). Однако на практике пока такой возможности не предоставлено. Например, из 9 сайтов мировых судов городского округа Самары ни на одном нет формы для подачи заявления и прикреплении документов для выдачи судебного приказа.

Кроме того, нельзя упускать из внимания и недооценивать риски внедрения систем искусственного интеллекта в судопроизводство:

- не решен вопрос о том, является ли искусственный интеллект субъектом или объектом права;
- отсутствие законодательных гарантий и возможность совершения ошибок;
- вопрос ответственности (как правовой, так и моральной) за совершение ошибок в случае придания системе искусственного интеллекта правосубъектности;
- вопросы соблюдения принципов правосудия (устности, непосредственности, свободы оценки доказательств, справедливости, добросовестности, разумного срока).

Подводя итог, нужно признать, что уже полным ходом идет мировая legaltech революция. Следовательно, нам, юристам, необходимо обратить серьезное внимание на процессы правового регулирования искусственного интеллекта, на изменение законодательной базы, необходимой для определения статуса искусственного интеллекта, а также возможных сфер его применения, принимая в расчет этические, экономические, политические аспекты его внедрения.

На сегодняшний день уже созданы или могут быть созданы потенциально применимые в судопроизводстве системы искусственного интеллекта, обеспечивающие поддержку принятия решений человеком или представляющие собой инструменты принятия решений, то есть такие системы, которые дополняют человеческие навыки с помощью компьютерных средств и помогают лицам, принимающим решения, улучшить их производительность путем автоматизации процессов. Вместе с тем следует резюмировать, что заменить судью-человека искусственный интеллект не

может, поскольку не рассчитан на решение нестандартных ситуаций или сложных коммуникаций с учетом сугубо человеческих свойств (совесть, справедливость, милосердие и пр.) и принципов правосудия.

Библиографический список

1. Морхат П. М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 8–12.
2. Финансовый мониторинг: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А. Г. Братко, И. Е. Волуевич, В. И. Глотов и др.; под ред. Ю. А. Чиханчина, А. Г. Братко. М.: Юстицинформ, 2018. Т. 2. 480 с.
3. Ларионов В. Сбербанк поручит составление исков роботам-юристам [Электронный ресурс]. URL: <https://hi-news.ru/software/sberbank-poruchit-sostavlenie-iskov-robotam-yuristam.html> (дата обращения: 27.02.2019).
4. Рыжкова А. Бот рассудит. Как искусственный интеллект вживляют в судебную практику // Русский репортер. 2018. № 1–2. С. 34–35.
5. Кузнецов В. Искусственный интеллект победил лучших лондонских юристов [Электронный ресурс]. URL: <https://hi-news.ru/> (дата обращения: 27.02.2019).
6. Кирова Л. М., Макаревич М. Л. Правовые аспекты использования нейронных сетей // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 1(27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ispolzovaniya-neyronnyh-setey> (дата обращения: 27.02.2019).
7. Никифорова Т. С., Смирнова К. М. Оставят ли роботы юристов без работы? // Закон. 2017. № 11. С. 110–123.

References

1. Morkhat P. M. Vozmozhnosti, osobennosti i usloviya primeneniya iskusstvennogo intellekta v yuridicheskoi praktike [Capabilities, features and application of artificial intelligence in the practice of law]. *Administrators suda* [The court Administrator], 2018, no. 2, pp. 8–12 [in Russian].
2. Finansovyy monitoring: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury [Financial monitoring]. A. G. Bratko, I. E., Voluevich, V. I. Glotov and others; in Yu. A. Chikhanchin, A. G. Bratko (eds.). Moscow, 2018, t. 2, 480 p. [in Russian].
3. Larionov V. Sberbank poruchit sostavlenie iskov robotam-yuristam [Sberbank will instruct the preparation of claims robots lawyers]. URL: <https://hi-news.ru/software/sberbank-poruchit-sostavlenie-iskov-robotam-yuristam.html> (Accessed: 28.02.2019) [in Russian].
4. Rizhkova A. Bot rassudit. Kak iskusstvennii intellect vzhvlyaut v sudebnuyu praktiku [Bot will judge. How artificial intelligence is implanted in judicial practice]. *Russkii reporter* [Russian reporter], 2018, no. 1–2, pp. 34–35 [in Russian].
5. Kuznetsov V. Iskustvennii intellect pobedil luchikh londonskikh yuristov [Artificial intelligence defeated the best London lawyers]. URL: <https://hi-news.ru/> (Accessed: 27.02.2019) [in Russian].
6. Kirova L. M., Makarevich M. L. Pravovie aspekty ispolzovaniya neironnix setei [Legal aspects of the use of neural networks]. *Innovacionnaya ekonomika perspektivi razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative economy: prospects of development and improvement], 2018, no. 1(27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ispolzovaniya-neyronnyh-setey> (Accessed: 27.02.2019) [in Russian].
7. Nikiforova T. S., Smirnova K. M. Ostavyat li roboti yuristov bez raboti? [Whether to Leave the robot lawyers?]. *Zakon* [Law], 2017, no. 11, pp. 110–123 [in Russian].

УДК 343.163

Галузин Александр Федорович

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры профессиональных дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, д. 24в,
e-mail: science@samlawin.ru

Alexander F. Galuzin

Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of Professional Disciplines Department,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: science@samlawin.ru

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ФУНКЦИЙ НАДЗОРА И ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. В статье показана взаимосвязь функций надзора и юридического образования в деятельности органов прокуратуры посредством правового просвещения населения с использованием практики Прокуратуры Самарской области.

Системообразующей отрасли прокурорского надзора функцией (направлением деятельности) является надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, определяющий суть, задачи и взаимосвязь всех отраслей и направлений деятельности прокуратуры России, включая функцию юридического образования.

Образовательную функцию составляют обучение студентов – будущих работников прокуратуры, повышение квалификации сотрудника во время службы в органах прокуратуры и правовое просвещение населения, непосредственно связанное с надзорными функциями выявления, пресечения и устранения последствий любых нарушений закона как по обращениям граждан, так и по инициированным прокурорами проверкам.

Правовое просвещение в виде разъяснения законодательства, информирования о практике его применения в реализации функции прокуратуры дает населению знание алгоритмов самозащиты своих прав, в том числе посредством мер прокурорского надзора, и предупреждения совершения правонарушений.

В результате этой деятельности возникает обратная связь – обращение граждан в прокуратуру в целях защиты своих нарушенных прав, а также непосредственное взаимодействие и участие граждан в выявлении правонарушений органами прокуратуры – способствующая реализации функций прокурорского надзора.

Ключевые слова: прокурорский надзор, функция, юридическое образование, правовое просвещение.

EDUCATION IN THE LAW IN FUNCTIONS SUPERVISION STRUCTURE AND LEGAL TRAINING OF PROSECUTOR'S OFFICE

Summary. The article examines the interrelation of the functions of supervision and legal training in the activities of the prosecution authorities through legal training of population using the practice of the prosecutor's office of Samara region.

The function of the backbone industry of the prosecutor's supervision (activity) is the supervision of the observance of the rights and freedoms of a person and a citizen, defining the essence, tasks and interrelation of all industries and activities of the Russian prosecutor's office, including the function of legal education.

The educational function consists of teaching students – future employees of the prosecutor's office, raising the qualifications of an employee while serving in the prosecution bodies and legal education of the population, directly related to the supervisory functions of identifying, suppressing and eliminating the consequences of any violations of the law, both at the requests of citizens and by prosecutors.

Legal education in the form of clarification of legislation, informing about the practice of its use in the implementation of the function of the prosecutor's office gives the population knowledge of the algorithms for self-defense of their rights, including through measures of prosecutorial supervision, and the prevention of offenses.

As a result of this activity, there is a feedback – the appeal of citizens to the prosecutor's office in order to protect their violated rights, as well as direct interaction and participation of citizens in the detection of offenses by the prosecution authorities – contributing to the implementation of the functions of prosecutorial supervision.

Keywords: prosecutor's supervision, function, education in the law, legal training.

Юридическое образование населения включает в себя обучение и просвещение (распространение, распространенность знания, культуры, образованности [1]). ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» в ч. 1 ст. 1 устанавливает, что прокуратура кроме надзора осуществляет иные

функции, то есть перечисленные в ч. 2 ст. 1 этого Закона ненадзорные направления деятельности, которые являются дополнительными или вспомогательными в осуществлении надзора функциями прокуратуры [2].

Таковой является образовательная функция прокуратуры, которая регламентирована законом «О прокуратуре Российской Федерации» в ст. 43.5 и п. 5 ст. 4.

Правовое просвещение прокуратуры является особым видом образования граждан: средством оказания превентивной правовой помощи населению в целях профилактики правонарушений и самозащите своих нарушенных прав, а также вовлечения населения в информирование органов прокуратуры о правонарушениях, в том числе в отношении них, в целях самозащиты права, участия в их выявлении, пресечении, посредством проведения надзорных проверок и принятия мер прокурорского реагирования, поскольку основным назначением прокуратуры является надзор, суть которого – выявление и устранение нарушений Закона [3].

Организация, формы, способы осуществления правового просвещения определяет приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 471 «Об организации работы в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» от 02.08.2018 [4].

Прокуратура Самарской области проводит различные мероприятия правового просвещения. В 2018 г. их проведено 10 453, в том числе 2935 лекций, бесед, иных выступлений перед гражданами, 118 информационно-разъяснительных материалов.

В средствах массовой информации и на интернет-ресурсах дано 7400 разъяснений законодательства (1755 – в печати, 279 – на радио, 240 – на телевидении, 2014 – на интернет-ресурсах, зарегистрированных в качестве средств массовой информации, 653 – на официальном интернет-сайте Прокуратуры Самарской области в рубрике «Правовое просвещение», 2459 – на интернет-сайтах органов государственной власти и местного самоуправления).

С целью размещения информации правового просвещения прокуратура взаимодействует с редакциями 25 городских и районных газет области, 10 корпоративных печатных изданий: «Вестник РКЦ» (АО «Ракетно-космический центр «Прогресс»), «Салют» (ОА «Корпорация «Тактическое ракетное вооружение»), «Время моторов» (ПАО «Кузнецов»), «Волжский химик» (ПАО «Тольяттиазот»), «Энергетик Тольятти (ООО «Тольяттинский трансформатор»), «Право» (ГУ МВД России по Самарской области), «Народная трибуна» («Федерация профсоюзов Самарской области»), журналов «Информационный вестник по вопросам социально-демографической и семейной политики Самарской области», «Информационный вестник здравоохранения Самарской области», «Юрист Поволжья», а также с 10 сайтами государственной власти и 23 сайтами органов местного самоуправления региона.

Прокурорами городов и районов реализуется просветительский проект «Азбука права» в школьных печатных изданиях, позволяющий прокурорам наладить прямой и конструктивный диалог с учениками школ, лицеев, колледжей, их родителями, с педагогическими коллективами в целях предупреждения, а также выявления, пресечения правонарушений и устранения их последствий проведением надзорных проверок и принятием мер прокурорского реагирования.

К примеру, в результате размещенной в школьных печатных изданиях Комсомольского района г. Тольятти публикации прокурора района «О запретах и ограничениях, предусмотренных антикоррупционным законодательством» в прокуратуру района поступило обращение о нарушениях антикоррупционного законодательства со стороны руководства МБУ «Школа № 85». Результаты прокурорской проверки подтвердили информацию заявителей: директор учебного заведения, злоупотребляя служебным положением, намеренно приняла на работу свою дочь и ее сожителя на должности, квалификационным требованиям которых указанные лица не соответствовали. Им были незаконно начислены стимулирующие выплаты, чем был нанесен ущерб муниципальному и региональному бюджетам на общую сумму 603 623 рубля. Материалы прокурорской проверки были направлены в органы внутренних дел для проверки в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ для решения вопроса об уголовном преследовании директора. В отношении директора было возбуждено уголовное дело по ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (злоупотребление должностными полномочиями), проводится предварительное расследование.

Городские и районные прокуроры организуют правовые конкурсы, интеллектуальные игры, викторины, привлекая к этой работе общественные институты гражданского общества, органы государственной власти и местного самоуправления. Работы конкурсантов в целях профилактики и выявления нарушений посредством обращений граждан в органы прокуратуры

размещаются в формате социальной рекламы на стендах и баннерах центральных улиц городов и сел Самарской области.

Такие формы соединения правового просвещения и надзорных мероприятий впервые применили похвистневский межрайонный прокурор и прокурор г. Октябрьска, которые в 1-м полугодии 2018 г. организовали проведение городских конкурсов социальной рекламы среди школьников муниципальных образований с последующим размещением этой рекламы на центральных улицах городов. Прокурор Клявлинского района в преддверии 25-летия Конституции России во взаимодействии с администрацией района и местным подразделением Следственного комитета Российской Федерации организовал проведение конкурса среди школ района «Я рисую закон». По его итогам рисунок победителя был размещен на баннере на площади им. В. Ленина в центре села Клявлино в качестве социальной рекламы.

Во взаимодействии с органами местного самоуправления и общественными объединениями прокуроры разрабатывают и размещают социальную правовую рекламу, разъяснения законодательства на баннерах, стендах и плакатах на центральных улицах городов и районов области.

Такая работа организована в Кировском и Советском районах г. Самары, городах Тольятти, Сызрани, Новокуйбышевске, в Приволжском, Ставропольском, Сызранском, Кинельском и Похвистневском районах.

Самарским прокурором по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Самарской области во взаимодействии с Уполномоченным по правам человека в Самарской области разработана брошюра, посвященная вопросам реализации трудовых прав осужденных.

Прокуратурой Самарской области во взаимодействии с территориальным управлением Минюста России по Самарской области 20 ноября 2018 г. во Всероссийский день оказания правовой помощи ребенку на 70 площадках региона организованы и проведены масштабные просветительские мероприятия. Лекции, беседы и тематические круглые столы проходили с участием работников прокуратуры, представителей аппаратов уполномоченных по правам человека и ребенка в Самарской области, Общественной палаты Самарской области, членов регионального отделения Ассоциации юристов России, сотрудников государственного юридического бюро по Самарской области, нотариусов, адвокатов, студентов юридических клиник вузов региона, представителей Пенсионного фонда РФ по Самарской области, Фонда социального страхования по Самарской области, а также общественных организаций в сфере защиты прав детей. Основными площадками проведения Всероссийского дня правовой помощи детям в Самарской области стали: центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей; центры социального обслуживания населения; реабилитационные центры для несовершеннолетних; дошкольные и школьные учреждения, а также колледжи и лицеи; юридические клиники в вузах региона; общественные организации по защите прав несовершеннолетних, а также детей-инвалидов.

В 2018 г. системно использован новый формат «горячих линий» для населения – в редакциях СМИ.

В газете «Волжская коммуна» проведены 2 «горячие линии»: по разъяснению участия прокурора в судебной защите прав инвалидов (октябрь 2018 г.), а также в сфере профилактики коррупционных правонарушений (декабрь 2018 г.).

Прокурорами городов и районов на площадках местных печатных изданий организованы «горячие линии» по разъяснению требований федерального законодательства в сфере защиты прав предпринимателей, соблюдения жилищных, трудовых и социальных прав граждан, исполнения законов в сфере долевого строительства, по вопросам соблюдения миграционного законодательства и другим направлениям.

«Горячие линии» позволяют выявлять и разрешать актуальные для граждан проблемы защиты своих нарушенных прав, в том числе посредством надзорных мероприятий прокуроров.

Например, прокурором Шигонского района совместно с редакцией местной газеты «Время» была проведена «горячая линия» по вопросам благоустройства. Опубликованные в газете разъяснения прокурора, в том числе по вопросам содержания дорог местного значения, послужили основанием для обращения местного жителя в прокуратуру района с жалобой на бездействие администрации по реконструкции так называемого «лежачего полицейского» на автодороге районного центра, причинявшего при его переезде повреждение автотранспорту.

Проверка прокуратурой подтвердила – высота этого ограничителя скорости в два раза превышала установленный норматив. Прокурор района внес представление главе сельского поселения, которое было удовлетворено, нарушение устранено.

Прокуроры г. Тольятти и Автозаводского района г. Тольятти во взаимодействии с городскими газетами «Площадь Свободы», «Миллион плюс недвижимость» организовывали «горячие линии» по вопросам защиты прав дольщиков и субъектов предпринимательской деятельности. Вопросы и разъяснения законодательства были опубликованы в печати. Аналогичная работа проведена прокурором г. Сызрани с сетевым изданием «Маленькая Сызрань», прокурором Кинель-Черкасского района – с местным телеканалом «51 канал» в правовой телепередаче «Слово прокурору» и т. д.

Во взаимодействии с региональными телеканалами прокуроры продолжают осуществлять правовое просвещение в постоянных телепередачах «Слово прокурору» (ТРК «Губерния»), «Ваше право» (ТК «Терра – Рен-ТВ»). Кроме того, прокуроры продолжили работу по выпуску правовых передач еще в 26 муниципальных образованиях Самарской области.

В радиопередачах с разъяснениями законодательства на постоянной основе выступают работники прокуратур 20 городов и районов.

Прокуроры 9 сельских районов, на территории которых отсутствуют местные телестудии, взаимодействуют с телеканалами и радиостанциями соседних районов, эфир которых позволяет вещать и на территориях поднадзорных районов. Прокуроры Борского и Челно-Вершинского районов продолжили взаимодействие с радиостанциями («Эхо Москвы. Бузулук» Оренбургской области и «Бим Радио Нурлат» Республики Татарстан соответственно), диапазон радиоволн которой позволяет слушать данные радиостанции жителям Борского и Челно-Вершинского районов Самарской области.

После разъяснений прокуратуры г. Отрадного в радиопередаче «Имею право знать» на местной радиостанции в полицию города обратилась гражданка Ненагляднова Р. Ш. по факту оскорбления своей дочери в социальных сетях. В обращении заявительница сослалась на разъяснения работников прокуратуры города о формах и способах защиты в случаях оскорбления в социальных сетях. Прокурорская проверка установила, что в сентябре 2018 г. в социальной сети «ВКонтакте» к дочери заявительницы «пришли» два голосовых сообщения от ее одноклассницы Т. с оскорблениями, содержащими ненормативную лексику и угрозы. В отношении законного представителя нарушительницы прокурором города возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.61 КоАП РФ (Оскорбление). Дело рассмотрено мировым судом, назначено наказание в виде штрафа в размере 1500 р. Оскорбительные действия были пресечены и более не повторялись.

Прокуратурой области в июне 2018 г. проведена в формате круглого стола открытая общественная дискуссия на тему «Опыт Прокуратуры Самарской области по взаимодействию с молодежными организациями» в рамках совместного проекта Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Общественной палаты России «Диалог с прокурором».

В ее проведении участвовали прокурор области К. Н. Букреев, член Общественной палаты Российской Федерации Д. Ю. Носов, заместитель председателя Общественной палаты Самарской области, уполномоченный по правам ребенка в Самарской области, исполняющий обязанности руководителя департамента по делам молодежи Самарской области, представители общественных организаций и студенческого сообщества, руководители структурных подразделений прокуратуры области.

Итогом дискуссии стал перечень поручений прокурора области о проведении надзорных и организационных мероприятий прокуратуры, направленных на повышение эффективности взаимодействия прокуратуры с молодежью по выявлению нарушений законодательства, организации просветительской работы, созданию правовой социальной рекламы. В исполнении поручений Прокуратура Самарской области инициировала во взаимодействии с региональным штабом «ОНФ» и Общественной палатой Самарской области просветительский проект «Помощник прокурора», вовлекающий учащихся и студентов в проведение надзорных проверок и просветительских мероприятий прокуратуры.

Основной целью проекта является объединение студентов юридических вузов Самарской области, проявляющих интерес к работе органов прокуратуры, и ориентирование их на применение теоретических знаний для пресечения и профилактики правонарушений в регионе совместно с Прокуратурой Самарской области.

Прокуроры во взаимодействии с представителями ГКУ СО «Государственное юридическое бюро по Самарской области» с июля по сентябрь 2018 г. принимали участие в информационно-просветительском проекте «Территория» в целях профилактики и пресечения правонарушений

средствами прокурорского надзора. Формат мероприятий был реализован с помощью открытого диалога с жителями г. Самары по различным правовым вопросам. В г. Самаре состоялись 11 встреч работников прокуратуры с гражданами. В проекте участвовали представители ГУ МВД России по Самарской области, управления Роспотребнадзора, службы судебных приставов, трудовой и жилищной инспекций, нотариусы и представители банковской сферы.

Это мероприятие способствовало, в частности, выявлению на территории фактов фиктивной постановки на миграционный учет иностранных граждан со стороны 17 организаций.

Прокурорами городов и районов осуществляется взаимодействие с молодежными общественными организациями в согласовании рейдовых мероприятий, осуществляемых представителями добровольных народных дружин (далее – ДНД), студентами вузов региона в целях выявления фактов размещения на улицах городов и районов области настенной рекламы наркотиков, экстремистских символики и надписей, несанкционированных мест размещения отходов и др.

По инициативе прокурора г. Самары представителями ДНД в 2018 г. проведены 9 рейдов, которыми на территории 7 районов города на фасадах зданий и сооружений выявлены 234 факта размещения рекламы интернет-магазинов, осуществляющих сбыт наркотических средств. Принятыми мерами прокурорского реагирования была удалена «наркореклама», по материалам проверок возбуждены, расследованы и направлены в суд 3 уголовных дела. Вынесены обвинительные приговоры назначением виновным в сбыте наркотиков лицам наказаний в виде лишения свободы.

За последние 2 года сотрудниками полиции благодаря взаимодействию представителей ДНД и Прокуратуры г. Самары из незаконного оборота изъято 13 килограммов наркотиков, в 2017 г. пресечена преступная деятельность организованной группы, осуществлявшей сбыт наркотических средств через интернет-магазины.

Помимо выявления фактов незаконного оборота наркотических средств с помощью членов ДНД прокуроры пресекают факты незаконной предпринимательской деятельности. Так, благодаря информации дружинников и общенадзорной проверке прокурор Красноглинского района г. Самары добился прекращения деятельности 3 незаконных автостоянок путем сноса (демонтажа) будок охраны и металлического ограждения.

Прокурором Комсомольского района г. Тольятти по результатам круглого стола с участием представителей общественной организации «Общенародный общественный фронт» выработан алгоритм взаимодействия по выявлению и фиксированию несанкционированных мест размещения отходов потребления. В итоге только в августе 2018 г. было выявлено 15 свалок отходов. Прокурор в судебном порядке обязал администрацию района их ликвидировать.

Прокуратурами Автозаводского и Центрального районов г. Тольятти во взаимодействии с представителями спортивной общественной организации «Арсенал» и общественной городской организации «Пионеры Тольятти» продолжена реализация рейд-акции «Сигнал». По результатам акции 6 надписей на фасадах домов и зданий, содержащих экстремистскую символику, были удалены управляющими компаниями во исполнение требований актов прокурорского реагирования.

Аналогичное взаимодействие с общественными организациями осуществляется прокурорами города Тольятти, Центрального района г. Тольятти, Железнодорожного района г. Самары, Волжского района, похвистневским межрайонным прокурором – заблокирован доступ к сайтам с экстремистским содержанием; прокурорами городов Жигулевска, Отрадного, Чапаевска, Ленинского и Красноглинского районов г. Самары, Челно-Вершинского, Алексеевского, Кинель-Черкасского районов – заблокирован доступ к сайтам с предложениями приобрести поддельные дипломы об образовании, советами, как «правильно» дать взятку.

С помощью организаций по защите прав инвалидов прокуроры г. Тольятти, Богатовского района, похвистневский и нефтегорский межрайонные прокуроры мерами прокурорского реагирования понудили организации, осуществляющие публичные функции, «модернизировать» свои сайты для слабовидящих.

Все чаще прокуроры городов и районов в целях профилактики правонарушений и привития гражданам чувства уважения к Закону, соблюдения здорового образа жизни взаимодействуют с представителями спортивных общественных объединений.

Соревнования по футболу, баскетболу среди молодежи организованы прокурорами Клявлинского района, Советского и Куйбышевского районов г. Самары.

Прокурор г. Тольятти в июле 2018 г. на обычной спортивной площадке одного из многоквартирных домов, расположенных в Автозаводском районе г. Тольятти, при участии спортивной общественной организации «Арсенал» провел соревнования по воркауту – уличной гимнастике.

В мероприятии приняло участие более 50 человек разного возраста. Ребята выполняли упражнения преимущественно на уличных конструкциях – турнике, брусках, лестницах, лавках. Соревнования привлекли внимание многих подростков. Промо-ролик об этом мероприятии неоднократно демонстрировался в образовательных учреждениях во время проведения «Уроков здоровья», в которых также принимали участие работники Прокуратуры г. Тольятти.

В целях оптимизации правового просвещения, обеспечивающего повышение результативности надзорной деятельности прокуратуры, старший помощник прокурора области по правовому обеспечению А. С. Русских принял участие в разработке законопроекта Самарской области «О правовом просвещении граждан на территории Самарской области» внесением в Самарскую губернскую думу предложений по закреплению основных принципов правового просвещения граждан: плановости, последовательности, дифференцированности, своевременности и всеобщности, способов распространения информационно-разъяснительных материалов, внесением в название законопроекта дополнения указанием на правовое просвещение «граждан». Самарской губернской думой 25 декабря 2018 г. закон принят в редакции Прокуратуры Самарской области.

Библиографический список

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 619 с.
2. Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
3. Галузин А. Ф., Русских А. С. Юридическое образование как функция прокуратуры // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 1(19)/2016. С. 11–14.
4. Законность. 2018. № 9.

References

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 1997, 619 p. [in Russian].
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Meeting of the legislation of the Russian Federation], 1995, no. 47, st. 4472 [in Russian].
3. Galuzin A. F., Russkih A. S. *Yuridicheskoe obrazovanie kak funkciya prokuratury* [Legal education as a function of the Prosecutor's office]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Bulletin of the Samara law Institute: scientific and practical journal], no. 1(19)/2016, pp. 11–14 [in Russian].
4. *Zakonnost'* [Legality], 2018, no. 9 [in Russian].

УДК 343.81

Голик Юрий Владимирович

доктор юридических наук, профессор,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12,
e-mail: ygolik@list.ru

Александрова Виктория Викторовна

кандидат юридических наук,
ассистент кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13,
e-mail: v.domnikova@mail.ru

Yuriy V. Golik

Doctor of Law, Professor,
Moscow Academy of Investigative Committee of the Russian Federation,
Vrubel str., 12, Moscow, Russia, 125080,
e-mail: ygolik@list.ru

Viktorya V. Alexandrova

Candidate of Law,
assistant of Criminal law and criminology department,
Law Faculty,
Lomonosov Moscow State University,
Lenin hills, 1, p. 13, GSP-1, Moscow, Russia, 119991,
e-mail: v.domnikova@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ОБ ИТОГАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА

Аннотация. Данная статья представляет собой рецензию на научное исследование, посвященное подготовке теоретической Модели отбывания лишения свободы осужденными за экономические (в сфере предпринимательства) и (или) должностные преступления. Научный проект был реализован научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права имени Ю. М. Ткачевского» МГУ имени М. В. Ломоносова под научным руководством заслуженного деятеля науки РФ доктора юридических наук, профессора В. И. Селиверстова.

Существующая в настоящее время система совместного отбывания наказания в виде лишения свободы экономических и должностных преступников с остальными категориями преступников не только не соответствует современным реалиям, но и опасна по многим параметрам. Во-первых, сращивание экономической, должностной и общеуголовной преступности в местах лишения свободы может привести к дальнейшей криминализации предпринимательской деятельности, и соответственно качественно новому воспроизводству преступности в целом. Во-вторых, при совместном отбывании лишения свободы становятся возможными массовые нарушения прав и законных интересов осужденных за экономические и должностные преступления, так как данная категория осужденных часто подвергается незаконному воздействию со стороны осужденных за общеуголовные преступления.

В рецензии содержится анализ проведенного научного исследования, выявляются его достоинства и недостатки, делается вывод об актуальности, значимости и полноте проведенного исследования.

Ключевые слова: экономические и должностные преступники, научное исследование, теоретическая Модель отбывания лишения свободы, раздельное отбывание наказания экономическими и должностными преступниками.

ECONOMIC AND OFFICIAL CRIMINALS IN PLACES OF DETENTION: THE RESULTS OF THE RESEARCH PROJECT

Summary. This article is a review of the scientific research devoted to preparation of a theoretical Model of serving imprisonment by economic and official criminals. This project has been prepared by MSU Penal law Science and Education center under the guidance of Doctor of Law, Professor Vyacheslav I. Seliverstov.

The current system of joint serving of sentences in the form of deprivation of liberty of economic and official criminals with other categories of criminals not only does not correspond to modern realities, but also dangerous in many ways. First, the merging of economic, official and ordinary crime in places of imprisonment can lead to further criminalization of business activity, and accordingly qualitatively new reproduction of crime in General. Secondly, mass violations of the rights and legitimate interests of convicted persons for economic and official crimes become possible during the joint serving of imprisonment, as this category of convicted persons is often subjected to illegal influence by convicted persons for ordinary crimes.

The review includes the interpretation of the scientific research, shows its advantages and disadvantages, concludes on the relevance, topicality and completeness of the research.

Keywords: *economic and official criminals, scientific research, theoretical Model of serving imprisonment, separate serving imprisonment by economic criminals and officials.*

В 2019 г. в издательстве «Юриспруденция» вышло в свет издание, являющееся результатом всестороннего и полномасштабного научного исследования, посвященного подготовке теоретической Модели отбывания лишения свободы осужденными за экономические (в сфере предпринимательства) и (или) должностные преступления [1]. Данный научный проект был реализован научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права имени Ю. М. Ткачевского» МГУ имени М. В. Ломоносова под научным руководством заслуженного деятеля науки РФ доктора юридических наук, профессора В. И. Селиверстова при содействии Фонда развития юридического образования на пожертвования Фонда поддержки социальных инноваций «Вольное Дело».

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1772-р от 14 октября 2010 г. [2], содержится указание на дальнейшую дифференциацию отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы для различных категорий осужденных. Представляется, что задача выделения в отдельную группу осужденных к лишению свободы за совершение экономических и должностных преступлений в условиях современной России является сверхактуальной.

Действующие Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы РФ должны адекватно отражать происходящие коренные трансформации социально-экономических отношений в России. Современные экономические реалии, перспективы развития российской экономики определяют и новые задачи, стоящие перед уголовно-исполнительным законодательством. В этих условиях возникает необходимость в приближении уголовного и уголовно-исполнительного законодательства к реальной экономической ситуации, имеющейся в обществе, создании и поддержании механизмов, способных позитивно повлиять на экономические отношения в целом и корпоративную культуру бизнеса в Российской Федерации в частности.

Как сказано в Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, подготовленной в 2010 г. на основании Поручения Президента Российской Федерации от 28.11.2009 №ПР 3169 Центром правовых и экономических исследований в сотрудничестве с Институтом современного развития, современное уголовное законодательство в экономической сфере является неэффективным и чрезмерно репрессивным, а практика применения уголовного закона тормозит экономическое развитие страны. Кроме того, в Концепции также утверждается, что глубина и важность проблем в этой области требует кардинального преобразования уголовного законодательства, чтобы обеспечить концептуально новый подход к правовому регулированию предпринимательской деятельности в стране [3].

На VII Петербургском международном юридическом форуме, состоявшемся 16–20 мая 2017 г., также подчеркивалась необходимость «усовершенствовать уголовное законодательство РФ, приблизить его к реальной экономической ситуации, имеющейся в обществе, что, несомненно, будет позитивно влиять на корпоративную культуру бизнеса в РФ» [4].

Существующая в настоящее время система совместного отбывания наказания в виде лишения свободы экономических и должностных преступников с остальными категориями преступников не только не соответствует современным реалиям, но и опасна по многим параметрам. Во-первых, сращивание экономической, должностной и общеуголовной преступности в местах лишения свободы может привести к дальнейшей криминализации предпринимательской деятельности, и соответственно качественно новому воспроизводству преступности в целом. Во-вторых, при совместном отбывании лишения свободы становятся возможными массовые нарушения прав и законных интересов осужденных за экономические и должностные преступления, так как данная категория осужденных часто подвергается незаконному воздействию со стороны осужденных за общеуголовные преступления.

Об актуальности данного научного исследования и его результатов свидетельствует также необходимость разработки в ближайшем будущем новой концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на 2021–2030 гг. Особенно следует учитывать при этом неудовлетворительные результаты реализации некоторых положений действующей Концепции развития до 2020 года. Таким образом, глубокая научная проработка поставленных в публикуемом исследовании проблем может быть положена в основу решения вопросов об исполнении наказания

в виде лишения свободы и дифференциации отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы для различных категорий осужденных.

Следовательно, выводы данного исследования могут быть востребованы для законодательной деятельности в Российской Федерации, а кроме того, могут быть полезны широкому кругу специалистов уголовно-исполнительной системы и научным работникам, занимающимся изучением проблем реформирования уголовно-исполнительной системы.

Публикуемое научное исследование полностью теоретически и эмпирически обосновано. Выводы данного исследования получены в результате тщательного изучения общественного, профессионального и экспертного мнения о возможности дифференциации условий и порядка отбывания лишения свободы осужденными за совершение экономических и должностных преступлений. Представленная теоретическая Модель отбывания лишения свободы осужденными за совершение экономических и (или) должностных преступлений опирается на ряд научных исследований, в частности:

1) аналитический обзор с предложениями по результатам исследования отечественного исторического опыта отбывания лишения свободы осужденными за совершение экономических преступлений;

2) аналитический обзор с предложениями по результатам исследования современного отечественного опыта отбывания лишения свободы осужденными за совершение экономических преступлений;

3) аналитический обзор с предложениями по результатам исследования зарубежного опыта отбывания лишения свободы осужденными за совершение экономических преступлений;

4) аналитический обзор с предложениями по результатам исследования международно-правовых документов и стандартов обращения с осужденными к лишению свободы, правовых позиций Европейского суда по правам человека и Европейского комитета против пыток (ЕКПП);

5) аналитический обзор с предложениями по результатам исследования норм Конституции Российской Федерации, правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации, Верховного суда Российской Федерации и практики судов общей юрисдикции, а также норм федерального законодательства, регламентирующего назначение и исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы.

При подготовке исследования были использован обширный эмпирический материал, включающий в себя:

1) обобщение результатов анкетирования населения по вопросам отбывания лишения свободы осужденными за совершение экономических и должностных преступлений с учетом их криминологических и социально-демографических особенностей с предложениями по созданию благоприятного общественного мнения;

2) обобщение результатов анкетирования персонала исправительных учреждений по вопросам отбывания лишения свободы осужденными за совершение экономических и должностных преступлений с учетом их криминологических и социально-демографических особенностей с предложениями по формированию благоприятного профессионального мнения;

3) обобщение результатов анкетирования осужденных за совершение экономических и должностных преступлений по вопросам отбывания лишения свободы с учетом их криминологических и социально-демографических особенностей;

4) обобщение результатов анкетирования экспертов по вопросам отбывания лишения свободы осужденными за совершение экономических и должностных преступлений с учетом их криминологических и социально-демографических особенностей с предложениями по формированию благоприятного профессионального мнения.

Вместе с тем, как нам представляется, было бы необходимым исследование мнения судей, поскольку исходя из представленного издания на суды будут возложены дополнительные функции по дифференциации правового статуса осужденных за совершение экономических и должностных преступлений и решению вопроса о их направлении в отдельные исправительные учреждения.

Целесообразность реализации опубликованного Проекта обоснована авторами при помощи анализа совокупности экономических, политических, социальных и духовных факторов. На наш взгляд, особое значение здесь имеют социальные факторы, рассматриваемые в работе. В частности, авторами справедливо отмечается, что в случае размещения лиц, осужденных за экономические и должностные преступления, в отдельных исправительных учреждениях можно по-

высить эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Карательная составляющая такого наказания, как лишение свободы, будет очищена от сопутствующего ей карательного содержания в виде давления общеуголовной среды осужденных. Согласно ч. 2 ст. 7 Уголовного кодекса РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Поэтому идея устрашающего воздействия на лиц, осужденных за экономические и должностные преступления, со стороны криминальных элементов как дополнительного элемента кары нарушает принципы законности и гуманизма. Как было установлено в исследовании, совместное содержание экономических и должностных преступников с общеуголовными преступниками, приводит зачастую к серьезными нарушениям прав и законных интересов этих уязвимых категорий осужденных (путем причинения вреда их здоровью, чести и достоинству, лишения собственности и проч.).

При рассмотрении целесообразности реализации анализируемого Проекта нельзя не отметить следующее.

В Послании Федеральному собранию РФ на 2016 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что вынесением приговора заканчиваются только 15 % дел по экономическим составам, что объясняется широким использованием уголовно-правовых механизмов в недобросовестной конкурентной борьбе [5]. Кроме того, Президент РФ в своих ежегодных посланиях Федеральному собранию РФ на 2016–2017 гг. неоднократно подчеркивал необходимость снижения давления на бизнес со стороны правоохранительных органов. На наш взгляд, создание благоприятного инвестиционного климата в России должно обеспечиваться и запретом произвольного вмешательства норм уголовного права в экономические процессы, и пересмотром некоторых положений уголовно-исполнительного законодательства в отношении лиц, осужденных за экономические преступления.

С другой стороны, идея чрезмерной гуманизации уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия в отношении субъектов предпринимательской деятельности может повлечь ряд неблагоприятных последствий. Криминализация экономических отношений представляет собой серьезную угрозу экономической безопасности РФ. А преступность в сфере экономики «использует наиболее высокие технологии, новейшие средства коммуникации, а также все передовые достижения международной и отечественной юридической мысли» [6].

Удельный вес преступлений экономической направленности в структуре общей преступности в последние годы составляет примерно 5 % от общего числа зарегистрированных преступлений. По данным ГИАЦ МВД России, за январь – ноябрь 2018 г. всего выявлено 107,3 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных преступлений составил 5,8 % [7]. При этом преступления экономической направленности причиняют материальный ущерб, в 5 – 8 раз превышающий ущерб, причиненный остальными преступлениями вместе взятыми [6]. Согласно статистике ГИАЦ МВД России, материальный ущерб по уголовным делам экономической направленности за 2017 г. составил более 234 млрд р. [8], а за период январь – ноябрь 2018 г. материальный ущерб от указанных преступлений составил 361,3 млрд р. [9]. В условиях действия санкций и переживаемых нашей страной экономических трудностей приведенные суммы выглядят весьма значительно.

Представляется, что в публикуемом издании авторам научного исследования удалось соблюсти определенный баланс между интересами противодействия экономической (и должностной) преступности и соблюдением прав и законных интересов соответствующих категорий осужденных.

В проведенном исследовании уделено также внимание соблюдению принципу равенства граждан перед законом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или других обстоятельств. Убедительно показано, что Проектом не предусматривается создание льготных условий отбывания наказания в предлагаемых для содержания экономических и должностных преступников отдельных исправительных учреждениях. Условия отбывания наказания по-прежнему должны будут дифференцироваться в зависимости от вида совершенного преступления, формы вины, рецидива, поведения осужденного и других признаков. А предлагаемая в Проекте идея отдельного содержания данных категорий осужденных устраним криминальное влияние и тем самым обеспечит правовое равенство осужденных перед законом.

В публикуемом исследовании тщательно взвешены потенциальные риски реализации публикуемого научного Проекта. Были выделены экономические риски, учитывающие значительные материальные затраты из средств федерального бюджета на реализацию Проекта; *политические риски* (в том числе внешнеполитические риски), которые заключаются в дискредитации власти в России, а также в отходе от выполнения международных стандартов обращения с осужденными; *социальные риски*, которые заключаются в проявлении ряда негативных социальных явлений или последствий, которые могут существенно осложнить реализацию проекта. Среди социальных рисков весомыми представляются аргументы о возможном нарушении прав и законных интересов осужденных за экономические или должностные преступления в связи с возможным отходом от принципа отбывания наказания в виде лишения свободы по месту жительства или осуждения. Авторами Проекта поясняется, что отбывание лишения свободы вблизи места жительства трудно реализовать в условиях большой территориально-географической структуры отечественной уголовно-исполнительной системы.

Тем не менее в публикуемом исследовании перечисленные риски были исчерпывающим образом проанализированы, и предложены меры по их недопущению или минимизации. Например, в качестве мер минимизации негативных последствий нарушения возможности отбывания лишения свободы вблизи места жительства осужденного в исследовании предлагается предусмотреть возможность получения письменного согласия осужденных на направление в эти учреждения. Также в исследовании говорится о возможности создания механизмов учета законных интересов членов семьи осужденного на такое направление.

В качестве положительной стороны следует отметить и то, что издание содержит не только итоги проведенного исследования в виде доктринальной Модели отбывания лишения свободы осужденными за экономические (в сфере предпринимательства) и (или) должностные преступления, но и исходные материалы в виде результатов проведенных эмпирических исследований, аналитических обзоров, экспертных заключений зарубежных специалистов и научных статей. При этом часть материала опубликована на английском языке, что расширяет его востребованность.

Подводя итог, хочется отметить, что рецензируемое издание, посвященное итогам подготовки теоретической Модели отбывания лишения свободы осужденными за экономические (в сфере предпринимательства) и (или) должностные преступления, представляет собой актуальное, научно обоснованное, аргументированное и крайне важное для современной России исследование, представляющее безусловный интерес как для законотворческой, так и для научно-исследовательской деятельности. Оно будет полезным в учебном процессе при подготовке юристов для работы в правоохранительной, правозащитной, экономической и иных сферах деятельности.

Библиографический список

1. Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и должностные преступления: итоги теоретического исследования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2019.
2. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 28.02.2019).
3. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/76082780> (дата обращения: 02.02.2019).
4. Международный форум по банкротству в рамках VII Петербургского Международного юридического форума [Электронный ресурс]. URL: https://spblegalforum.ru/ru/2017_International_Insolvency_Forum (дата обращения: 02.02.2019).
5. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 02.02.2019).
6. Сычев П. Г. О дифференциации уголовного судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности (в связи с решением Верховного суда РФ) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 28.02.2019).
7. Данные ГИАЦ МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.пф/folder/101762/item/15304733> (дата обращения: 02.02.2019).

8. Данные ГИАЦ МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.пф/reports/item/12167987> (дата обращения: 02.02.2019).
9. Данные ГИАЦ МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.пф/folder/101762/item/15304733> (дата обращения: 02.02.2019).

References

1. Otbivanie lisheniya svobody osujdannymi za ekonomicheskie I doljnostnye prestupleniya: itogy teoreticheskogo issledovanya [The serving imprisonment convicted of economic crimes or official misconduct: results of theoretical researches]. In V. I. Seliverstov (ed.). Moscow, 2019 [in Russian].
2. O Konceptii razvitiya ugolovno-ispolnitelnoi sistemy Rossiyskoi Federatzii do 2020 goda: Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 14.10.2010 No. 1772-p [About the Concept of development of criminal and Executive system of the Russian Federation till 2020: the Order of the Government of the Russian Federation of 14.10.2010 No. 1772]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 28.02.2019) [in Russian].
3. Natsionalniy issledovatel'skiy universitet Vysshaya shkola ekonomiki [National research University Higher school of Economics]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/76082780> (Accessed: 02.02.2019) [in Russian].
4. Mejdunarodniy Forum po bankrotstvu v ramkah VII Peterburgskogo mejdunarodnogo uyridicheskogo foruma [International forum on bankruptcy within the VII St. Petersburg International legal forum]. URL: https://spblegalforum.ru/ru/2017_International_Insolvency_Forum (Accessed: 02.02.2019) [in Russian].
5. Poslanie Prezidenta RF V. V. Putina Federalnomu Sobraniyu [The message of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>. (Accessed: 02.02.2019) [in Russian].
6. Sychev P. G. O differentsiacii ugolvnogo sudoproizvodstva po ugolovnim delam o prestupleniyah v sfere ekonomicheskoi I predprinimatelskoy deyatel'nosti (v svyazi s resheniem Verhovnogo Suda RF) [On differentiation of criminal proceedings in criminal cases on crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity (in connection with the decision of the Supreme court of the Russian Federation)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 02.02.2019) [in Russian].
7. Dannye GIATZ MVD RF [Information GIATZ MVD RF]. URL: <https://мвд.пф/folder/101762/item/15304733> (Accessed: 02.02.2019) [in Russian].
8. Dannye GIATZ MVD RF [Information GIATZ MVD RF]. URL: <https://мвд.пф/reports/item/12167987> (Accessed: 02.02.2019) [in Russian].
9. Dannye GIATZ MVD RF [Information GIATZ MVD RF]. URL: <https://мвд.пф/folder/101762/item/15304733> (Accessed: 02.02.2019) [in Russian].

УДК 343.812

Ельчанинов Андрей Петрович

кандидат юридических наук,
ученый секретарь ученого совета,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: petrovich2102@rambler.ru

Andrey P. Elchaninov

Candidate of Law,
Scientific Secretary of the Academic Council,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: petrovich2102@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ТЮРЕМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация. В статье анализируются особенности социального обеспечения администрации тюрем в Российской империи во второй половине XIX в.

Представленная тема крайне актуальна в условиях совершенствования действующего законодательства в сфере пенсионного обеспечения граждан и подготовки Концепции развития УИС до 2030 года.

Автор, опираясь на положения нормативных актов, выявил в рассматриваемый период существенное улучшение социального положения смотрителей (начальников) тюрем и их помощников. На протяжении второй половины XIX в. у рассматриваемой категории тюремных служащих повышалось денежное содержание, было введено бесплатное вещевое обеспечение форменной одеждой, улучшились условия пенсионного обеспечения. Совершенствование системы социальных гарантий и льгот классных чинов тюремного ведомства было обусловлено внутренней политикой государства, направленной на поддержку чиновничьего аппарата в целом, усилением роли правоохранительных органов Российской империи в условиях обострения общественных противоречий между различными классами и социальными группами населения, а также созданием в России в 1879 г. Главного тюремного управления.

Проведенное исследование наглядно показало, что улучшение социального обеспечения администрации тюрем позитивно повлияло на престиж тюремной службы, позволило привлекать более образованные кадры для организации деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания.

Ключевые слова: Главное тюремное управление, социальное обеспечение, классные чины тюремного ведомства, пенсии, вещевое и денежное содержание.

THE PECULIARITIES OF PRISON ADMINISTRATION SOCIAL WELFARE IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Summary. The article analyzes the features of social security of prison administration in the Russian Empire in the second half of the XIX century.

The presented topic is extremely relevant in the context of improving the current legislation in the field of pensions and preparation Of the concept of development of the penal system until 2030.

The author, based on the provisions of normative acts, revealed a significant improvement in the social situation of prison wardens (chiefs) and their assistants in the period under review. During the second half of the XIX century, the category of prison officers under consideration increased their monetary content, introduced free clothing, improved the conditions of pension provision. The improvement of the system of social guarantees and benefits of class ranks of the prison Department was due to the internal policy of the state aimed at supporting the bureaucracy as a whole, strengthening the role of law enforcement agencies of the Russian Empire in the conditions of aggravation of social contradictions between different classes and social groups of the population, as well as the creation in Russia in 1879 of The main prison administration.

The study clearly showed that the improvement of social security of the prison administration had a positive impact on the prestige of the prison service, allowed to attract more educated staff to organize the activities of institutions executing criminal penalties.

Keywords: General prison administration, social security, class ranks of the prison Department, pensions, clothing and money maintenance.

В процессе развития государства как основного института политической системы социальное обеспечение всегда занимало и занимает одно из ключевых, определяющих мест в жизни общества. Оно оказывает существенное влияние на социальное благополучие граждан, занятых в различных сферах деятельности.

В юридической науке под социальным обеспечением, как правило, понимают форму выражения социальной политики государства, направленную на материальное обеспечение определенных категорий граждан из средств госбюджета и специальных внебюджетных государственных фондов в случае наступления событий, признаваемых государством на данном этапе своего развития социально значимыми, с целью выравнивания социального положения этих граждан по сравнению с остальными членами общества [1, с. 13–14].

В данной работе будет проведено исследование особенностей социального обеспечения лишь одной категории государственных служащих Российской империи в XIX в., а именно администрации тюрем.

Необходимо отметить, что в России функции надзора за осужденными за уголовные преступления до первой трети XIX в. осуществляли или военные, или гражданская губернская или уездная администрация в лице полицейских чиновников различного уровня.

Начатые в начале XIX в. Александром I реформы затронули все сферы государственного управления, в том числе систему исполнения уголовных наказаний. В частности, организация этой деятельности была возложена на Министерство внутренних дел.

В начале 30-х гг. XIX в. был утвержден ряд нормативных актов, всесторонне регламентирующих исполнение уголовных наказаний в Российской империи, среди которых необходимо особо выделить Инструкцию смотрителю губернского тюремного замка (1831 г.) и Устав о содержащихся под стражею (1832 г.).

В этих документах давался конкретный перечень персонала тюремных замков. Так, в Инструкции смотрителю губернского тюремного замка упоминаются следующие должностные лица: смотритель тюремного замка, его помощник, дежурный офицер, надзиратели, священник, врач и фельдшер.

В Уставе о содержащихся под стражею определялись должности администрации тюрем – смотрители и его помощники, а также низшие чины, к которым относились надзиратели.

В XVIII–XIX вв. все гражданские чины были разделены на специальные классы согласно Табелю о рангах по должностям с целью их сравнения с военными чинами для определения размеров жалования и пенсий. Согласно Уставу о пенсиях и единовременных пособиях (1827 г.) [2, с. 1032–1044] должности гражданских ведомств были разделены на 9 разрядов. В тюрьмах классный чин присваивался смотрителю тюремного замка и его помощникам. В XIX в. ранг должности тюремного смотрителя зависел от размещения учреждения исполнения наказаний (столичный, губернский, уездный город), а также количества осужденных, содержащихся в тюрьме. Как правило, смотрители тюремных замков и их помощники имели XIV–XII класс. Лишь в столичных тюрьмах должность смотрителя могла соответствовать VI классу, а его помощников VIII–IX классам [3, с. 107–110].

Как показывают исследования нормативно-правовых актов, в XIX в. к основным формам социального обеспечения администрации тюремных замков можно отнести денежное и вещевое довольствие; обеспечение квартирами или квартирными деньгами; пенсионное обеспечение; оплачиваемые и неоплачиваемые отпуска.

В ст. 989 Устава о службе по определению от правительства [4, с. 1416] отмечалось, что лицам, состоящим на гражданской службе, для содержания их определяются: 1) жалование; 2) столовые деньги; 3) квартирные деньги или квартиры в натуре.

В соответствии со ст. 21 Устава о содержащихся под стражею (1832 г.) [5, с. 7–8] жалование классным чинам тюремных замков выплачивалось из губернских средств. В отдельных случаях по ходатайству губернских властей смотритель в губернские и уездные тюрьмы назначался Министерством внутренних дел. В этом случае жалование выплачивалось из казны: 228 р. 80 к. серебром в год в губернском тюремном замке; 143 р. – в уездном.

Существенное повышение жалования классным чинам тюремной администрации было определено Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 5 мая 1865 г. «О замене военных караульных постов в тюрьмах вольнонаемными надзирателями». В п. 5 этого документа отмечалось, что ранг тюремных смотрителей должен быть приравнен по классу должности и разряду пенсии к помощникам полицеймейстеров и уездных исправников. Жалование увеличилось до 500–900 р. в год в зависимости от количества содержащихся в тюрьме арестантов.

Дальнейшее улучшение денежного содержания администрации тюрем продолжилось после создания в 1879 г. Главного тюремного управления (далее – ГТУ).

Так, в соответствии со штатом управления С.-Петербургскими местами заключения и тюремными больницами, состоящими в непосредственном подчинении ГТУ, утвержденным в 1884 г., начальнику тюрьмы был установлен оклад 1800 р. в год, а также 600 р. в год на питание. Его помощникам устанавливались оклады жалования от 600 до 800 р. в год, а также столовые деньги от 200 до 400 р. в год [6, с. 1360–1361].

Согласно аналогичному документу 1894 г. начальники мест заключения были распределены на три категории с годичным окладом жалования соответственно 1800, 1400, 800 р. Кроме жалования каждому смотрителю в год выделялось от 400 до 600 р. на питание (столовых). Помощники столичных смотрителей тюремных замков были разделены на 5 категорий с годовыми окладами жалования от 400 до 1000 р. Им также полагались столовые деньги из расчета 200–500 р. в год [7, с. 272–273].

В соответствии со штатом как 1884 г., так и 1894 г. всем перечисленным чиновникам полагалась казенная квартира, находящаяся в здании тюрьмы, при отсутствии у них собственного жилья.

В Уставе о службе по определению от правительства отмечалось, что квартиры в натуре могли предоставляться гражданским чиновникам или казенные, или в форме постоя в квартирах и домах обывателей. Вариант предоставления жилья чиновнику определялся в штатном расписании ведомства. Размещение чиновников в казенных квартирах зависело от усмотрения непосредственных начальников исходя из возможностей учреждения.

При отсутствии такой возможности классным чинам тюрем предоставлялись дополнительные выплаты из казны для найма помещений для себя и членов своей семьи. Суммы, выделяемые для этих целей, могли составлять 25 % от жалованья и столовых денег, выплачиваемых сотруднику. Квартирный годовой оклад начальника тюрьмы составлял не менее 240 р., а его помощника – не менее 180 р.

Квартирные и столовые деньги выплачивались авансом, первые – за треть, а последние – за месяц.

Вещевое довольствие классных чинов тюремного ведомства определялось Высочайшим повелением Императора от 27 сентября 1884 г. «Об установлении формы одежды для чинов управления и надзора С.-Петербургских мест заключения» [8, с. 2022–2024].

Изначально обеспечение форменной одеждой полагалось только гражданским чинам администрации по надзору дома предварительного заключения, тюрьмы, исправительного арестантского отделения, пересыльной тюрьмы Санкт-Петербурга, а также чинам Главного тюремного управления во время командировок и при посещении тюрем.

Высочайшим повелением от 5 октября 1885 г. «О форме одежды гражданских чинов и нижних служителей тюремного ведомства» обеспечение форменной одеждой за счет казенных денег предусматривалось для всех категорий служащих тюремного ведомства [9, с. 429].

Для классных чинов предусматривались следующие элементы обмундирования:

1) мундир черного сукна образца, установленного для офицеров армейских войск. В летний период мундир разрешалось заменять кителем офицерского образца из парусины без выпушек и галунов с пуговицами Министерства внутренних дел;

2) шаровары черного сукна, с выпушкой, укороченные для носки в сапоги;

3) кушак офицерского образца такого же цвета, как выпушка на мундире;

4) фуражка черного сукна офицерского образца с кокардой на тулье;

5) плащ (пальто) офицерского образца, но черного цвета, с золочеными пуговицами с орлами образца Министерства внутренних дел.

После 1885 г. классным чинам тюремного ведомства полагалась как парадная, так и повседневная форма одежды.

Форменная одежда для классных чинов тюремного ведомства предполагала ношение оружия (шашки с темляком военного образца) на плечевой портупее золотого галуна.

После перевода ГТУ в Министерство юстиции двумя Высочайшими повелениями от 22 февраля 1895 г. «О некоторых изменениях в форме одежды чинов тюремного ведомства» и от 20 декабря 1895 г. «О замене пуговиц на форме одежды, установленной для чинов тюремного ведомства, пуговицами образца, установленного для чинов судебного ведомства» были внесены изменения в форму одежды классных чинов. Так, вместо наплечных жгутов были введены погоны из золотого галуна с синими просветами и выпушками; золотые галунные портупее заменили армейскими обер-офицерскими, черной лакированной кожи. В виде обыкновенного головного убора была сохранена фуражка. Классным чинам Пермской, Вятской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерний разрешалось носить папахи, как в сибирских губерниях. В остальных губерниях Европейской России классным чинам тюремного ведомства выдавались для носки шапки из чер-

ной мерлушки с черным суконным донышком, и синей выпушкой. При несении службы обувь являлись обыкновенные кожаные сапоги офицерского образца. Также к элементам форменной одежды относились шинель или тужурка черного цвета.

На протяжении XIX в. пенсионное обеспечение классных чинов тюремного ведомства в основном регламентировалось Уставом о пенсиях и единовременных пособиях (1827 г.) [2, с. 1032–1044], в который по мере необходимости вносились изменения.

Для начальников тюрем и их помощников (помощниц) устанавливались льготные сроки выслуги (30 лет), по сравнению с другими чиновниками гражданского ведомства (35 лет). Таким образом, данная категория лиц получала право на назначение полной пенсии, прослужив в календарном исчислении 30 лет, а половинного пенсионного содержания – 20 лет.

Размер пенсии определялся по должности чиновника, которую он занимал не менее пяти лет. Если он состоял в должности менее пяти лет, то пенсия назначалась исходя из оклада по предыдущей должности. При определении пенсий учитывался размер жалования по должности, прибавочное жалование, а также столовые деньги.

При выходе на пенсию чины тюремного ведомства имели право претендовать на выходное пособие, размер которого зависел от жалования сотрудника и его выслуги лет, а также состояния здоровья. Так, при отставке классного чина, выслужившего максимальный срок службы, ему полагался единовременный годовой оклад жалования. Размер пенсии и пособия исчислялся на основе оклада сотрудника на день выхода в отставку.

Чиновники тюремного ведомства, которым при отставке была установлена пенсия, при возвращении на службу могли получать или жалование по новой должности, или продолжать получать пенсию, в зависимости от того, какая выплата была больше по размеру.

Уставом о службе по определению от правительства в определенных случаях разрешалось представление отпусков классным чинам тюремного ведомства. В этом документе отмечается, что отпуск мог предоставляться по домашним делам или другим надобностям от одного до четырех месяцев.

Если был необходим отпуск более четырех месяцев, то чиновник увольнялся с должности, а после решения всех своих вопросов, мог быть восстановлен в должности. Время, проведенное чиновником в отпуске более 4 месяцев, не включалось в выслугу лет при определении права выхода на пенсию.

При увольнении в отпуск чинов тюремного ведомства на срок свыше одного месяца у них удерживались все виды денежного довольствия (жалование, дополнительные выплаты) за исключением получаемых на службе пенсий, арендных и квартирных денег, столовых денег.

Если увольняемый в отпуск чиновник получал содержание по двум или более должностям, то вычеты производились по всем занимаемым им должностям.

Подводя итоги, отметим, что социальное обеспечение администрации тюрем во второй половине XIX в. по сравнению с первой половиной XIX в. существенно улучшилось: было повышено денежное содержание, вещевое довольствие обеспечивалось за счет казны, совершенствовалось пенсионное обеспечение, правовое положение классных чинов тюремного ведомства приравнивалось к положению полицейских чиновников.

Повышение социальных гарантий смотрителям (начальникам) тюрем и их помощникам именно во второй половине XIX в. объясняется, по нашему мнению, несколькими факторами.

Во-первых, внутренняя политика государства в этот период была направлена на усиление роли чиновничьего аппарата. Во-вторых, нарастание протестных настроений в обществе заставляло правительство укреплять силовой блок (армия, полиция, тюремное ведомство), вводя для сотрудников этих ведомств дополнительные льготы и социальные гарантии. В-третьих, создание в 1879 г. Главного тюремного управления создало предпосылки лоббирования интересов ведомства как перед правительством, так и перед императором.

В целом, улучшение социального обеспечения администрации тюрем не только способствовало повышению престижности тюремной службы, но и благоприятно сказалось на стабильности кадров тюремной системы вплоть до крушения Российской империи.

Библиографический список

1. Право социального обеспечения: учебник / под ред. К. Н. Гусова. М.: Проспект, 2001. 328 с.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. II. 1827. СПб.: Издательство Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1561 с.

3. Желтов А. А. Классы чинов тюремного ведомства Российской Империи по «Табели о рангах» // Международный научный журнал. 2017. № 12(66). Ч. 2. Декабрь. С. 107–110.
4. Свод законов Российской Империи. Том третий. Уставы о службе гражданской. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 1416 с.
5. Свод законов Российской Империи. Том четырнадцатый. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею и о ссыльных. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 909 с.
6. Штат управления С.-Петербургскими местами заключения и тюремными больницами, состоящими в непосредственном подчинении ГТУ // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1884. № 77. 13 июля. С. 1360–1361.
7. Штат управления С.-Петербургскими местами заключения и тюремными больницами, состоящими в непосредственном подчинении ГТУ // Тюремный вестник. 1894. № 6. Июнь. С. 272–273.
8. Высочайшее повеление «Об установлении формы одежды для чинов управления и надзора С.-Петербургских мест заключения» // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1884. № 110. 30 октября. С. 2022–2024.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. V. 1885. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1887. 833 с.

References

1. Pravo sotsial'nogo obespecheniya: uchebnik [Social security law]. In K. N. Gusov (ed.). Moscow: Prospekt, 2001, 328 p. [in Russian].
2. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe. Tom II. 1827 g [Complete collection of laws of the Russian Empire. Assembly The Second. Volume II. 1827] Saint-Petersburg, 1830, 1561 p. [in Russian].
3. Zheltov A. A. Klassy chinov tyuremnogo vedomstva rossijskoj imperii po «Tabeli o rangakh» [Classes of ranks of the prison Department of the Russian Empire on the «Table of ranks»]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal [International scientific journal]*, 2017, no. 12(66), part 2, December, pp. 107–110 [in Russian].
4. Svod zakonov Rossijskoj imperii. Tom tretij. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoj [Code of laws of the Russian Empire. Volume three. Statutes of the civil service]. Saint-Petersburg, 1857, 1416 p. [in Russian].
5. Svod zakonov Rossijskoj imperii. Tom chetyrnadsatyj. Ustavy o pasportakh, o preduprezhdenii prestuplenij, o tsenzure, o soderzhashhikhsya pod strazheyu, i o ssyl'nykh [Code of laws of the Russian Empire. Volume fourteen. Charters about passports, about the prevention of crimes, the censorship, contained in custody, and about exiles]. Saint-Petersburg, 1857, 909 p. [in Russian].
6. Shtat upravleniya S.-Peterburgskimi mestami zaklyucheniya i tyuremnymi bol'nitsami, sostoyashhimi v neposredstvennom podchinenii GTU [The management staff of the St. Petersburg places of detention and prison hospitals, consisting in the direct control GTU]. *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushhem Senate [Meeting of legalizations and orders of the government published at the Governing Senate]*, 1884, no. 77, July 13, pp. 1360–1361 [in Russian].
7. Shtat upravleniya S.-Peterburgskimi mestami zaklyucheniya i tyuremnymi bol'nitsami, sostoyashhimi v neposredstvennom podchinenii GTU [The staff of management of St. Petersburg places of detention and prison hospitals, which are directly subordinate to the GTU]. *Tyuremnyj vestnik [Prison Bulletin]*, 1894, no. 6, June, pp. 272–273 [in Russian].
8. Vysochajshee povelenie «Ob ustanovlenii formy odezhdy dlya chinov upravleniya i nadzora S.-Peterburgskikh mest zaklyucheniya» [Supreme decree «About establishment of forms of clothes for officials of control and supervision of the St. Petersburg prison»]. *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushhem Senate [Meeting of legalizations and orders of the government published at the Governing Senate]*, 1884, no. 110, October 30, pp. 2022–2024 [in Russian].
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Tret'e. Tom V. 1885 g [Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting The Third. Volume V. 1885] Saint-Petersburg, 1887, 833 p. [in Russian].

УДК 340

Ельчанинова Ольга Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент,
начальник кафедры теории
и истории государства и права,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рылская, 24в,
e-mail.ru: olga220169_69@mail.ru

Olga Yu. Elchaninova

Candidate of History, Associate Professor,
Head of Theory and History of State and Law department,
Samara Law institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail.ru: olga220169_69@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРЕСТУПНОСТЬ» В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ М. Н. ГЕРНЕТА

Аннотация. В отечественной правовой доктрине вопросы познания сущности преступности, ее диалектической связи с факторами общественного развития нуждаются в дальнейшем изучении. Исследование истории национальной правовой мысли предопределило обращение автора статьи к трудам М. Н. Гернета, посвятившего свою жизнь исследованию проблем борьбы с преступностью, поиску наиболее эффективных мер исправления осужденных. Объектом исследования является преступление как правовой институт. Предметом исследования выступают воззрения М. Н. Гернета на дефиницию преступления. В данном исследовании использовались ретроспективный анализ, диалектический метод, в рамках которого применялись такие приемы, как анализ, синтез, определение через род и видовое отличие и т. д.

Автором обобщены положения, составляющие систему взглядов ученого на виды преступности и ее детерминанты. Рассмотрена позиция ученого относительно направлений, по которым должна вестись борьба с преступностью.

Ключевые слова: преступление, преступность, классическая школа уголовного права, социологическая школа уголовного права, антропологическая школа уголовного права, факторы преступности.

THEORETICAL BASES OF RATIONALIZATION CONCEPTS «CRIME» IN M. N. GERNET LEGAL DOCTRINE

Summary. In the domestic legal doctrine, the issues of knowledge of the nature of crime, its dialectical connection with the factors of social development need further study. The study of the history of national legal thought predetermined the appeal of the author of the article to the works of M. N. Gernet, who devoted his life to the study of the problems of combating crime, the search for the most effective remedial measures for convicts. The object of the study is a crime as a legal institution. The subject of the research are the views of M. N. Gernet on the definition of crime. Within the framework of the study, a retrospective analysis, a dialectical method, in which such methods as analysis, synthesis, determination through genus and species difference, etc. were used, were used.

The author summarizes the provisions that make up the scientist's views on the types of crime and its determinants. Considered the position of the scientist regarding the directions in which the fight against crime should be conducted.

Keywords: crime, criminality, classical school of criminal law, sociological school of criminal law, anthropological school of criminal law, factors of crime.

Как известно, преступность занимает особое место среди различных форм девиантного поведения, а преступление является самым опасным видом «социальной патологии». Первые наиболее успешные попытки теоретической рационализации понятий «преступление» и «преступность» в российской науке начались в XIX в. Со временем в теории уголовного права оформились классическая, антропологическая и социологическая школы.

Представители классической школы в основу догматики уголовного права вводили следующие положения: преступление является проявлением свободной воли субъекта; лицо можно привлекать к ответственности лишь за деяние, а не за мысли; наказания не должно быть без преступления; применение наказания должно основываться на букве закона; и др. [1, 2, 3].

В представлении сторонников антропологического подхода преступность возникает «обыкновенно на почве болезненной порочности и исцеляется или медицинским лечением, или

благоприятным изменением жизненной обстановки. Эта болезненно-порочная природа передается далее путем унаследования различных дефектов» [4, 5].

Ученые, относящиеся к социологической школе, позитивно оценивая своих коллег, все же находили в их теоретических конструкциях формальные противоречия, настаивая на расширении традиционных уголовно-правовых представлений. В частности, они указывали на необходимость изучения преступления не только как юридического, но и как социального явления. Внутри этого направления долгое время доминировала теория множественности факторов, в контексте которой при изучении истоков преступности необходимо выявлять причинно-следственные связи между преступным деянием и другими многочисленными факторами. Среди них они называли климат, времена года, время суток, погодные условия, уровень жизни населения, уровень миграции, половозрастные и психические особенности, наследственность и т. д. [6, 7, 8].

Особое место на олимпе советских правоведов по праву принадлежит М. Н. Гернету, который, обобщив достижения своих предшественников, заявлял о формировании нового направления в науке уголовного права, в котором он попытался связать криминологию, пенологию с научным социализмом.

Его выводы базировались на понимании того, что источник и причины преступности лежат не в генетике человека, как это утверждают антропологи, а в порождаемых общественным строем экономических условиях жизни людей, среди них он особо выделял безработицу, бедность, низкий образовательный и культурный уровень. Однако, отвечая на вопрос, есть ли выход из этого, он соглашался с мнением социологов о том, что преступность так же вечна, как болезнь и смерть, что наказания вряд ли победят преступность, точно так же, как самая лучшая гигиена не может победить болезни и смерть, но он был убежден, что устранение нищеты уменьшит количество преступлений [9].

В работе «Общественные причины преступности. Социалистическое направление в науке уголовного права» он на основе огромного эмпирического материала по России и по другим европейским странам обосновывал социологический подход к преступности как к сложному социальному феномену, порождению общества. Он писал, что единственной причиной преступности является «весь социально-экономический строй». Он прослеживал корреляционные зависимости между уровнем преступности, ее отдельных видов и полом, возрастом, социальным статусом, алкоголизацией и наркотизацией населения, уровнем самоубийств [10]. Одним из первых он стал рассматривать закономерности пространственно-временного распределения преступлений.

Михаил Николаевич в генезисе преступности уделял особое внимание социальному неравенству как источнику различных форм девиантности. Поэтому совсем не случайно новым явлением в исследовании преступности вообще и детской в частности стали его труды, в которых с присущей ученому тщательностью и детализацией рассмотрены вопросы, связанные с детерминантами преступности, личностью преступника, эффективностью мер противодействия.

Так, первым опытом в этом направлении следует назвать издание сборника статей «Дети-преступники», в основу которого была положена программа «Детская преступность и меры борьбы с ней», разработанная М. Н. Гернетом для участников первого в России криминологического семинара. Сборник состоял из 3 частей: юридической, которая содержала тезисы об ответственности «юных преступников» по российским законам; социологической, содержащей тезисы о «факторах», влияющих на состояние детской преступности; политической, где речь шла в основном о деятельности «детских судов» за границей и в России.

В данном труде были обобщены около 100 тыс. дел, рассмотренных в 1908–1909 гг. в судах Москвы. Приведенные статистические данные наглядно указывали на значительное влияние бедности на уровень и виды детской преступности.

Ученый ставил вопрос перед всем обществом: «Не остается ли общество в долгу перед теми, кого оно начинает увещавать лишь у подножия эшафота, кого оно начинает кормить лишь в тюрьме, воспитывать лишь в исправительных колониях, кому она начинает говорить слова долга лишь за высокими стенами тюрьмы, под охраной тюремной стражи?..» [11, с. 14].

М. Н. Гернет писал: «Если преступность взрослых сравнивают с приливающим и отливающим морем, то преступления детей – пенная влага приливающих волн. Не в пене сила, но и она обращается в волны» [11, с. 137].

Резюмируя выводы по работе, автор сформулировал следующие положения. Для любого общества рост преступности несовершеннолетних – это всегда негативная тенденция. Самый

опасный преступник – это тот, кто встал на путь правонарушения с малолетнего возраста. Рост детской преступности страшен не только сам по себе как показатель глубокого морального падения целых слоев детского населения, он имеет и другую сторону. Из ребенка, вступившего на путь порока, не может вырасти честный человек. Падая все ниже, он, становясь взрослым, как правило, превращается в преступника-рецидивиста. Следовательно, рост детской преступности напрямую влияет на увеличение армии взрослых преступников.

В работе «Моральная статистика» на вопрос, откуда появляются малолетние преступники, ученый отвечал так: «На этот вопрос были даны ответы двумя школами в криминологии. Одна из них, уголовно-антропологическая, подчеркнула значение тяжелой наследственности, другая, социологическая, выяснила значение общественной среды и особенно экономических причин. Но и та, и другая воспользовались статистическим методом, и в настоящее время, после долгих лет борьбы, в спорных вопросах о детской преступности одна школа не исключает, а лишь дополняет другую» [12, с. 132].

При подготовке труда «Преступный мир Москвы» автор сумел собрать эмпирический материал, который позволил ему выявить типологические черты личности преступников, определить основные причины преступности в 1920-е гг. Большое практическое значение имели разделы, посвященные характеристике наиболее распространенных составов преступлений (убийство, разбой, грабеж, кража, мошенничество и др.). В работе были затронуты проблемы криминальных психопатов, существования прочных основ воровского сообщества, выделены основные элементы социальной структуры воровского социума, представлены характерные черты межличностных взаимоотношений в рамках мест исполнения наказаний, дана характеристика идеологии, норм и правил поведения внутри воровского сообщества.

Также научную ценность представляют разделы, содержащие подробное описание преступлений несовершеннолетних, рецидивной преступности. Изучение группы подростков 7–18 лет, «прочно вставших на путь преступления», показало, что:

- 67 % из числа исследуемых подростков являлись беспризорниками, только 20 % воспитывались родителями в семьях, 23 % жили в чужих семьях или в детских заведениях;
- подростки начали посещать притоны: в возрасте от 7 до 10 лет – 17 %, 11–12 лет – 10 %, 13–14 лет – 23 %, 15–16 лет – 10 % (всего 60 % от общего количества);
- подростки начали употреблять алкоголь: в возрасте от 7 до 10 лет – 20 %, 11–12 лет – 13 %, 13–14 лет – 23 %, 15–16 лет – 3 % (всего 73 % от общего количества, не употребляли – 27 %);
- подростки начали нюхать кокаин: в возрасте от 7 до 10 лет – 20 %, 11–12 лет – 10 %, 13–14 лет – 27 %, 15–16 лет – 10 % (всего 67 % от общего количества, не употребляли – 33 %);
- подростки первое половое сношение имели: в возрасте от 11 до 12 лет – 7 %, 13–14 лет – 17 %, 15–16 лет – 17 % (всего 41 % от общего количества) [13, с. 198].

М. Н. Гернет с горечью констатировал: «Таковы уроки улицы. Недаром так старчески смотрят их лица и так тусклы их глаза – не по времени много пережито, не по силам борьбы вынесено» [11, с. 196].

Ученым уже в 1920-е гг. был поставлен вопрос о влиянии кинематографа на детскую преступность, потому что, как выяснилось, часто детские преступления были попыткой воспроизвести преступления, увиденные на экране. При этом следует отметить, что в то время кино было еще черно-белым и немым. Данный вывод сегодня звучит более чем актуально. Рассматривая детерминированность детской преступности негативным влиянием кинематографа, современные исследователи добавляют к этим факторам ТВ и сеть Интернет, которые при бесконтрольном их использовании подростками способствуют затормаживанию их психического развития, речевым и эмоциональным патологиям. Дети, которых в раннем детстве «воспитывал» телевизор или Интернет, умеют воспринимать только зрительную информацию. Увлеченность несовершеннолетних разного рода «стрелялками», которые изобилуют смачными картинками крови, разрывания плоти убитых, провоцирует их попробовать такую ситуацию не в виртуальной, а в реальной жизни. Сегодня очень серьезной проблемой является склонность отдельных детей к суицидальному поведению, а ведь именно игры, в которых герой может прыгать с высокого дома, перелетать пропасти и т. п., побуждают их делать что-то подобное, рискуя своим здоровьем и жизнью. Поэтому выводы, сделанные ученым в 1920-е гг., вряд ли можно преувеличить, более того, сегодня они находят дополнительные подтверждения.

В монографии «Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование» М. Н. Гернет, продолжая традиции социологической школы, поставил задачу исследовать «причины преступления» и личность преступника, чтобы «дать руководство законодателю к более правильному построению уголовного закона» [14, с. 19]. В предисловии к книге он писал, что детская преступность и проституция – это явления, неразрывно связанные с социальным укладом нашего общества, что борьба с этими недугами должна вестись посредством воздействия на порождающие их причины» [14, с. 7–8].

Анализируя социальные факторы преступности, ученый предлагал способы борьбы с этой социальной «болезнью», в частности, ликвидацию безработицы, обеспечение трудовой занятости населения; повышение качества жизни членов общества; воспитание населения в духе законопослушного поведения.

Итак, резюмируя, отметим, что проблемы борьбы с преступностью в контексте правоохранительной политики занимают особое место и в настоящее время. Как видим, высказанные ученым много десятилетий назад тезисы звучат более чем актуально и представляют бесспорный интерес и эвристическую значимость не только для исследователей, но и для законодателей и правоприменителей.

Библиографический список

1. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. Киев, 1891. 892 с.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. СПб., 1902. 823 с.
3. Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. 1880. Кн. 21. 179 с.
4. Дриль Д. А. Преступный человек. СПб., 1882. 401 с.
5. Дриль Д. А. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями (Частная психология преступности). М.: Тип. А. И. Мамонтова и К., 1890. 190 с.
6. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М: Юридическая литература, 1970. 286 с.
7. Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / сост. и вступ. ст. В. С. Овчинского, А. В. Федорова. М.: Инфра-М, 2009. 386 с.
8. Фойницкий И. Я. Уголовное право. Учение о наказании: Лекции, читанные в 1-й половине 1886 г. СПб.: Типолитография Х. Ш. Гельперн, 1886. 450 с.
9. Ельчанинова О. Ю. Теоретико-методологические воззрения М. Н. Гернета на задачи и условия тюремного устройства // Ведомости уголовно-исполнительной системы. № 1(200)/2019. С. 12–17.
10. Гернет М. Н. Общественные причины преступности. Социалистическое направление в науке уголовного права. М.: С. Сирмунт, 1906. 214 с.
11. Дети-преступники: сборник статей с предисловием и под редакцией М. Н. Гернета. М.: Типография «В. И. Знаменский и Ко», 1912. 617 с.
12. Гернет М. Н. Моральная статистика. Уголовная статистика и статистика самоубийства: пособие для статистиков и криминалистов. Вып. 1. М.: ЦСУ, 1922. 264 с.
13. Гернет М. Н. Преступный мир Москвы. М.: Право и жизнь, 1924. 246 с.
14. Гернет М. Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 346 с.

References

1. Kistyakovskiy A. F. Elementarnyy uchebnik obshchego ugovnogo prava s podrobnym izlozheniyem nachal russkogo ugovnogo zakonodatelstva. Chast obshchaya [Elementary textbook of General criminal law with a detailed description of the Russian criminal law. Part of the total]. Kiev, 1891, 892 p. [in Russian].
2. Tagantsev N. S. Russkoye ugovnoye pravo [Russian criminal law]. Saint-Petersburg, 1902, 823 p. [in Russian].
3. Sergeyevskiy N. D. O znachenii prichinnoy svyazi v ugovnom prave [About the meaning of causation in criminal law]. *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya* [Temporary Demidov Juridical Lyceum], 1880, b. 21, 179 p. [in Russian].

-
4. Dril' D. A. Prestupnyy chelovek [Is a Criminal man]. Saint-Petersburg, 1882, 401 p. [in Russian].
 5. Dril' D. A. Psikhofizicheskiye tipy v ikh sootnoshenii s prestupnostyu i eye raznovidnostyami (Chastnaya psikhologiya prestupnosti) [Psychophysical types in their relation to crime and its varieties (Private psychology of crime)]. Moscow: Tip. A. I. Mamontova i K., 1890, 190 p. [in Russian].
 6. Gertsenzon A. A. Ugolovnoye pravo i sotsiologiya [Criminal law and sociology]. Moscow: Yuridicheskaya literature, 1970, 286 p. [in Russian].
 7. Gogel S. K. Kurs ugolvnoy politiki v svyazi s ugolvnoy sotsiologiyey [Course of criminal policy in connection with criminal sociology]. Moscow: Infra-M, 2009, 386 p. [in Russian].
 8. Foynitskiy I. Ya. Ugolovnoye pravo. Ucheniye o nakazanii: Lektsii. chitannyye v 1-y polovine 1886 years [Criminal law. The doctrine of punishment: Lectures given in the 1st half of 1886]. Saint-Petersburg: Tipolitografiya Kh. Sh. Gelpert, 1886, 450 p. [in Russian].
 9. Elchaninova O. Yu. Teoretiko-metodologicheskie vozzreniya M. N. Gerneta na zadachi i usloviya tyuremnogo ustrojstva [Theoretical and methodological views of M. N. Gerneta on the tasks and conditions of the prison system]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy* [Sheets of the penitentiary system], no. 1(200)/2019, pp. 12–17 [in Russian].
 10. Gernet M. N. Obshchestvennyye prichiny prestupnosti. Sotsialisticheskoye napravleniye v nauke ugolvnogo prava [Social causes of crime. Socialist direction in the science of criminal law]. Moscow: S. Skirmunt, 1906, 214 p. [in Russian].
 11. Deti-prestupniki: sbornik statey s predisloviyem i pod redaktsiyey M. N. Gerneta [Children-criminals: collection of articles with Preface and edited by M. N. Gernet]. Moscow: Tipografiya «V. I. Znamenskiy i Ko», 1912, 617 p. [in Russian].
 12. Gernet M. N. Moralnaya statistika. Ugolvnaya statistika i statistika samoubiystva: posobiye dlya statistikov i kriminalistov [Moral statistics. Criminal statistics and suicide statistics: manual for statisticians and criminologists]. Vyp. 1. Moscow: Izd. TsSU, 1922, 264 p. [in Russian].
 13. Gernet M. N. Prestupnyy mir Moskvyy [The underworld of Moscow]. Moscow: Pravo i zhizn, 1924, 246 p. [in Russian].
 14. Gernet M. N. Detoubiystvo. Sotsiologicheskoye i sravnitel'no-yuridicheskoye issledovaniye [Infanticide. Sociological and comparative legal research]. Moscow: Tip. Imp. Mosk. un-ta, 1911, 346 p. [in Russian].

УДК 343.35

Калач Андрей Владимирович

доктор химических наук, профессор,
начальник кафедры безопасности информации
и защиты сведений, составляющих государственную
тайну,
Воронежский институт ФСИН России,
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, д. 1а,
e-mail: vifsin-nauka@yandex.ru

Andrey V. Kalach

Doctor of Chemical Sciences, Professor,
Head of Information security
and protection of information constituting a state secret department,
Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Irkutsk str., 1a, Voronezh, Russia, 394072,
e-mail: vifsin-nauka@yandex.ru

Кулакова Надежда Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-исполнительного
и уголовного права,
Воронежский институт ФСИН России,
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, д. 1а,
e-mail: vifsin-nauka@yandex.ru

Nadezhda G. Kulakova

Candidate of Law, Associate Professor,
Assistant Professor of the of Criminal Executive and criminal law
department,
Voronezh Institute of the Federal penitentiary service of Russia,
Irkutsk str., 1a, Voronezh, Russia, 394072,
e-mail: vifsin-nauka@yandex.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ И БОРЬБА С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ В СИНГАПУРЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье отмечается актуальность проблемы борьбы с коррупцией и коррупционными проявлениями в различных сферах жизнедеятельности государств всего мира, ее системный, транснациональный и противоправный (противозаконный) характер. В государствах, подверженных сильному воздействию коррупционных проявлений, в значительной степени снижаются темпы экономического развития, происходит усиление неравенства среди различных групп населения, политика превращается в средство обеспечения личного материального благосостояния, происходит разложение морально-нравственных общественных устоев. В конечном итоге в результате отсутствия должного противодействия коррупции происходит монополизация власти высшим государственным и политическим руководством, наблюдается неограниченный рост полномочий государственных гражданских служащих, ведущий к неподконтрольности коррупционных проявлений нормам действующего закона.

В работе проведен сравнительно-правовой анализ положений законодательства Сингапура и Российской Федерации, предусматривающих противодействие коррупции и борьбу с коррупционными проявлениями, а также определены выводы, проистекающие из опыта Сингапура, которые авторы предлагают перенести на правовую почву России.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, противодействие коррупции, Акт о предотвращении коррупции, Антикоррупционное бюро, антикоррупционная стратегия, Сингапур, Российская Федерация, Закон № 273-ФЗ.

COUNTERACTION OF CORRUPTION AND FIGHT AGAINST CORRUPTION FORMS IN SINGAPORE AND RUSSIAN FEDERATION: COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS

Summary. The article notes the relevance of the problem of combating corruption and corruption in various spheres of life of States around the world, its systemic, transnational and illegal (illegal) nature. In States prone to severe effects of corruption greatly reduced the pace of economic development, there is a growing inequality among various population groups, politics becomes a means of ensuring personal financial wellbeing, the decomposition of the moral and social foundations. In the end, as a result of the lack of proper anti-corruption measures, there is a monopoly of power by the highest state and political leadership, there is an unlimited increase in the powers of civil servants, leading to the uncontrollability of corruption manifestations to the norms of the current law.

The paper presents a comparative legal analysis of the provisions of the legislation of Singapore and the Russian Federation, providing for combating corruption and combating corruption, as well as the conclusions arising from the experience of Singapore, which the authors propose to transfer to the legal basis of Russia.

Keywords: corruption, fight against corruption, corruption counteraction, Act of prevention of corruption, Anti-corruption bureau, anti-corruption strategy, Singapore, Russian Federation, Federal Law No. 273.

В настоящее время проблемы борьбы с коррупцией и коррупционными проявлениями представляются исключительно важными и актуальными в различных сферах жизнедеятельности государств всего мира. Коррупция является одним из самых сильных деструктивных явлений, она отличается системным, транснациональным и противоправным (противозаконным) характером. Масштабы распространения данного явления чрезвычайно значительны: она проникла во все сферы повседневной жизни человека. Вместе с тем в государствах, подверженных сильному влиянию коррупции и воздействию коррупционных проявлений, в значительной степени снижаются темпы экономического развития, происходит усиление нищеты и неравенства среди различных групп (слоев) населения, расширяется пропасть между богатыми и бедными, между обществом и высшей государственной властью, политика превращается в средство обеспечения личного материального благосостояния, происходит разложение морально-нравственных общественных устоев, традиций и нивелирование системы сложившихся ценностей, резко снижается авторитет среди других государств на международном уровне. В конечном итоге в результате отсутствия должного противодействия коррупции происходит монополизация власти высшим государственным и политическим руководством, наблюдается неограниченный рост полномочий государственных гражданских служащих, ведущий к неподконтрольности коррупционных проявлений нормам действующего закона [1, с. 117].

Программа развития ООН «Борьба с коррупцией в целях совершенствования управления» (ПРООН) определяет коррупцию как «злоупотребление государственной властью, управлением или влиянием во имя частной выгоды – посредством взяточничества, вымогательства, использования служебного положения в личных целях, протекции, мошенничества, помощи в получении кредита или займа, или растраты» [2, с. 7].

В странах Юго-Восточной Азии (одной из которых и является Сингапур) выделяют пять основных причин коррупции: 1) низкий уровень заработной платы государственных гражданских служащих; 2) исключительная (доминирующая) роль Правительства в национальном развитии; 3) низкий риск выявления деятельности коррупционной направленности и наказания за нее; 4) национальная культура, в рамках которой превалирующее значение имеют азиатские традиции дарения подарков; 5) отсутствие политической воли в сочетании с неэффективными антикоррупционными стратегиями [3, с. 176–177].

Выбор Сингапура в качестве одного из объектов настоящего исследования был обусловлен следующими причинами: 1) исходя из количественных показателей глобального Индекса конкурентоспособности 2013–2014 гг. Сингапур занял 2-е место среди 148 стран с оценкой 5,61 по шкале от 1 до 7. Уровень экономической свободы (Индекс экономической свободы) Сингапура также высок, а именно 89,4 из 100 [4, с. 612]; 2) по данным базирующейся в Гонконге Консалтинговой компании по политическим и экономическим рискам (PERC) и базирующейся в Берлине неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру «Transparency International» Сингапур признан наименее коррумпированным государством среди 12 стран Юго-Восточной Азии; 3) благодаря успешному сочетанию сильной политической воли, всеобъемлющей антикоррупционной стратегии (в лице антикоррупционного законодательства) и независимого антикоррупционного агентства Сингапур достиг значительных успехов в борьбе с коррупцией и ее проявлениями на государственном уровне.

Юго-восточные государства Азиатского континента применяли различные модели борьбы с коррупцией. Выделим три самые известные из них: 1) применение антикоррупционного законодательства без независимого антикоррупционного ведомства (агентства); 2) применение антикоррупционного законодательства с участием нескольких антикоррупционных ведомств (агентств); 3) применение антикоррупционного законодательства с участием независимого специализированного антикоррупционного ведомства (агентства) [5, с. 77, 82; 3, с. 177–178]. Применение 3-й модели, продемонстрировавшей впоследствии свою эффективность, и инициировал впервые Сингапур.

Активная борьба с коррупцией в Сингапуре началась в 1959 г., когда к власти пришла Партия народного действия (РАР), основанная в ноябре 1954 г. В связи со слабым развитием экономической системы государства тех лет, политические лидеры РАР, понимая всю пагубность коррупционных деятельности и проявлений, сформулировали непосредственные задачи: а) свести коррупцию к минимуму; б) изменить общественное восприятие коррупции с «плюса» на «минус»; в) привлечь в обретшую независимость страну большие объемы иностранных инвестиций (главным образом, исходящих от высокоразвитых стран Запада).

Нужно отметить, что во всеобъемлющей антикоррупционной стратегии Сингапура объединились воедино несколько важнейших факторов:

1. Политический. Правительство РАР заявляло, что их стратегия была основана на «логике борьбы с коррупцией» как «попытках искоренения коррупции, должных быть направленными на сведение к минимуму или исключению условий как побуждения, так и возможностей, которые делают индивидуальное коррупционное поведение непреодолимым» [6, с. 842]. В вышеуказанную стратегию было заложено неукоснительное следование таким принципам, как: а) неотвратимость ответственности за коррупционные деяния; б) тщательное расследование преступлений высокопоставленных чиновников (государственных служащих) и более строгие меры уголовной ответственности за них; в) неоспоримое верховенство гражданского и уголовного закона; г) доступность в понимании смысла и содержания решений, принимаемых органами государственной власти и управления; д) неподкупность высших руководящих должностных лиц; е) предание гласности в средствах массовой информации случаев коррупции и материалов судебных процессов об осуждении коррумпированных лиц; ж) обеспечение положительного имиджа государственной службы и повышение доверия к ней; з) достойная оплата труда государственных гражданских служащих; и) максимальное упрощение бюрократических процедур; к) подача должностными лицами различных уровней деклараций о доходах на регулярной основе; л) осуществление контроля за расходованием средств государственного бюджета [1, с. 119–120]. Благодаря сильной политической воле Правительства РАР были значительно уменьшены возможности для коррупционных деяний и проявлений в сфере Гражданской службы Сингапура, привлечены к уголовной ответственности за коррупцию многие высокопоставленные чиновники (вплоть до бывших соратников премьер-министра Ли Куан Ю (Lee Kuan Yew), значительно повышены зарплаты государственным служащим, занимающим высокие руководящие посты, для исключения соблазна их участия в коррупционных действиях и т.д.

2. Законодательный. основополагающим нормативным правовым актом стал Акт о предотвращении коррупции (Закон о предупреждении коррупции) (РОСА), принятый в июне 1960 г. (далее – Акт). Нужно сказать, что его законодательным предшественником был Указ (Постановление о предотвращении коррупции) 1937 г. (РОСО) (далее – Указ), быстро показавший свою неэффективность и недейственность в условиях британского колониального режима на территории тогдашнего Сингапура. Различия между двумя правовыми актами заключались в следующем: а) сфера действия Акта была расширена (32 главы вместо 12 глав Указа); б) в Акте было дано определение коррупции через различные формы «вознаграждения», впервые был назван специализированный антикоррупционный орган – Антикоррупционное бюро (СРІВ) и обозначен правовой статус его директора; в) Акт предусматривал значительное усиление уголовного наказания за коррупцию; г) согласно Акту человек, признанный виновным в принятии незаконного вознаграждения, должен заплатить сумму, которую он взял в качестве взятки, в дополнение к любому другому наказанию, назначенному судом; д) Акт расширил компетенцию СРІВ посредством придания ему расширенных полномочий (без ограничения средств и методов) в борьбе с коррупцией [7, с. 32]. Для обеспечения гибкости и актуальности Акта в него регулярно вносились поправки с учетом изменяющейся коррупционной обстановки и наличия/отсутствия коррупционных факторов: в 1963, 1966, 1981, 1993, 2002 гг. Помимо Акта 1960 г. антикоррупционную законодательную базу также составили Уголовный кодекс, законы: о коррупции (о конфискации выгод); по обеспечению конфискации выгоды, получаемой от коррупции, незаконного оборота наркотиков и других серьезных преступлений и в целях, связанных с ними; по обеспечению более действенного предупреждения коррупции; о ценных бумагах и фьючерсах; о банковской деятельности; о валюте; о финансовых компаниях; о страховании и др.

3. Организационный. В 1952 г. был образован специализированный орган – выведенное из под юрисдикции полиции Антикоррупционное бюро (Бюро по расследованию [случаев] коррупции). Непосредственным его предшественником был отдел по борьбе с коррупцией Департамента уголовного розыска полиции Сингапура, который был распущен после нашумевшего случая с кражей партии опиума в октябре 1951 г. [5, с. 83], констатирующего полный провал его противостояния столь деструктивному социально-государственному явлению.

СРІВ наделен правом исполнения следующих функций: 1) получать и расследовать жалобы в отношении коррупционных проявлений в государственном и частном секторах; 2) расследовать злоупотребления служебным положением и должностные преступления со стороны государственных гражданских служащих; 3) изучать практику и процедуры на государственной гражданской

службе, чтобы свести к минимуму возможности для коррупционных проявлений [7, с. 33; 4, с. 623]. Миссия СРІВ состоит в том, чтобы ввести антикоррупционные институты, которые поддерживают целостность и умелое управление, чтобы создавать страну, свободную от коррупции.

Особая роль в противодействии коррупции и ее проявлениям принадлежит следующим структурным подразделениям Антикоррупционного бюро – Следственному департаменту (который расследует правонарушения, предусмотренные Актом 1960 г.; в его составе – два подразделения, специализация которых – расследование случаев коррупции в государственном и частном секторах) [8, с. 122], а также Исследовательскому объединению.

4. Материальный. Западный исследователь Лесли Палмье (Leslie Palmier) определил низкие зарплаты в качестве важного фактора, способствующего коррупции. По его словам, чиновник (государственный служащий) не будет поддаваться коррупционному искушению, если Правительство предоставит ему такие льготы, которые обеспечат его лояльность: это может быть названо неявным контрактом [9, с. 2]. Другой исследователь – Абхиджит Банерджи (Abhijit Banerjee) утверждал, что если чиновникам платят достаточно высокую зарплату, то даже небольшие шансы потерять рабочие места отговаривали бы их от коррупции [10, с. 110].

После прихода к власти Правительство РАР не смогло сразу же обеспечить достойный уровень зарплаты лицам, занятым в государственной службе Сингапура. После того как был достигнут экономический рост, с марта 1972 г. началось увеличение заработной платы: все государственные служащие получили месячное не засчитываемое в счет пенсии пособие за 13-й месяц в качестве бонуса (вознаграждения) [11, с. 296]. Премьер-министр Ли Куан Ю обосновывал повышение зарплат и улучшение условий труда в государственной службе Сингапура необходимостью обеспечения «прозрачности» и честности правительства, а также пресечения «утечки мозгов» компетентных старших государственных служащих в частный сектор экономики.

5. Кадровый. В системе подготовки кадров для государственных должностей высшего и среднего управленческого звена используется принцип меритократии: 1) руководителей назначают из числа подлежащих специальной опеке со стороны правительства талантов; 2) для будущих потенциальных руководителей создаются специальные условия для их обучения и профессиональной подготовки.

Вместе с тем все усилия высшей государственной власти Сингапура направлены на формирование чиновничьих династий, причем государственный служащий, заподозренный или обвиненный в совершении коррупционного правонарушения или преступления, ставил под угрозу не только свое должностное будущее, но и аналогичное будущее своих потомков [1, с. 121]. Добавим также, что каждый государственный чиновник и служащий подчинены традиции подготовки и повышения профессиональной квалификации на постоянной основе: им вменяется в обязанность прохождение как минимум 100 часов обучения в год, в том числе – по различным проблемным вопросам и аспектам политики государства, имеющей антикоррупционный характер [12, с. 122].

6. Уголовный. В плане борьбы с коррупцией в Акте 1960 г. были предусмотрены следующие положения: 1) была введена презумпция виновности – любой государственный служащий (или чиновник) должны были доказать, что получаемое ими вознаграждение (в различных формах) не является коррупционным по своему характеру; 2) по подозрению в совершении коррупционного преступления к уголовной ответственности мог быть привлечен любой гражданин, вне зависимости от его статуса, ранга или вероисповедания; 3) уголовному наказанию подлежали лица, не только дающие или получающие взятки от своего имени, но и от имени другого лица; 4) за совершение коррупционного преступления следовало совокупное наказание: лишение свободы (или штраф) плюс штраф, эквивалентный размеру полученной взятки; 5) обеспечивалась защита информаторов, заявляющих о коррупционных преступлениях в Антикоррупционное бюро [13], а также: 6) сформулирована объективная и субъективная сторона преступления «коррупция»; 7) особое внимание уделено, помимо получения и дачи взяток, такому криминальному явлению, как «откаты».

Таким образом, следует констатировать, что антикоррупционная стратегия Сингапура характеризуется многоаспектностью содержания и реалиями осуществления на практике.

Далее остановимся на проблеме противодействия коррупции и борьбы с коррупционными проявлениями в Российской Федерации.

Причинами, стимулирующими развитие коррупции (и сопутствующих ей явлений и проявлений) в России, являются: 1) нестабильность гражданской службы в органах государственной власти и местного самоуправления; 2) подбор управленческих кадров по принципу nepотизма; 3) распространенная практика лоббирования финансовых или политических групп; 4) высокие

ставки налогового и таможенного обложения; 5) несовершенство уголовного, налогового, таможенного законодательства; 6) широко распространенная система «отмывания денег», «откатов» в сфере государственных и муниципальных закупок, строительства; 7) неприкосновенность и несменяемость судейского корпуса [14, с. 273–274] и др.

Политическим фактором противодействия коррупции можно считать инициирование разбирательств в отношении ряда высокопоставленных чиновников (включая бывших вице-премьеров и министров (руководителей федеральных служб), губернаторов и мэров городов субъектов Российской Федерации [15, с. 138]) по вопросу расхищения средств, выделяемых из государственного бюджета на определенные социально-экономические программы, или нецелевого их использования и привлечение вышеназванных лиц к уголовной ответственности.

Законодательный фактор нашел свое отражение в принятии: Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [16], Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы [17], Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов», Указа Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции», Приказа Генпрокуратуры России от 29 августа 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» и др.

Следует также добавить, что в сентябре 2012 г. была подписана Антикоррупционная хартия, в основании которой – свод (система) правил ведения бизнеса, предусматривающий: внедрение в корпоративную политику программ антикоррупционной направленности, мониторинг и оценку текущих результатов их практической реализации, результативный финансовый контроль, обеспечение принципа публичности мер антикоррупционной направленности, отказ от незаконного (противоправного) получения конкурентных преимуществ, участие в тендерах с соблюдением принципов прозрачности и конкуренции, противодействие коррупции в информационном и коммуникационном плане [18, с. 29].

Организационный фактор проявляется в активном привлечении к расследованию коррупционных правонарушений и преступлений Следственного комитета Российской Федерации, Управления экономической безопасности Федеральной службы безопасности, Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Кадровый фактор присутствует в борьбе с коррупцией очень и очень слабо: большинство государственных служащих, главным образом, высшего и среднего управленческого звена, ощущая шаткость своего должностного положения и усиление контроля за практическими достижениями ими конкретными результатами служебной деятельности, как кажется, предпочитают оказать за денежное вознаграждение соответствующего рода услуги, направленные, в частности, на получение государственных и муниципальных контрактов на выгодных условиях, разрешений на строительство объектов жилого и офисного назначения и др.

Уголовный фактор также выражен очень слабо: исследователи отмечают, что большинство обвинительных приговоров выносятся применительно к даче взятки или получению взятки, сумма которой составляет менее 10 тыс. р. [19, с. 160]. Вместе с тем высшие чиновники, расхищающие сотни миллионов и миллиарды бюджетных средств различных уровней, в подавляющем большинстве случаев получают условные сроки уголовного наказания.

Проведем сравнение антикоррупционных законодательных норм и положений России и Сингапура.

В названии Закона № 273-ФЗ ключевым понятием является «противодействие», в Акте 1960 г. – «предотвращение».

Сформулированное в Законе о противодействии коррупции [16] понятие «коррупция» сильно отличается от аналогичного понятия, содержащегося в ПРООН: отсутствует его определение, а сущность излагается через перечисление коррупционных деяний, квалифицирующихся как уголовные преступления.

Закон № 273-ФЗ предусматривает ведение борьбы с коррупцией в контексте противодействия коррупции; Акт 1960 г. говорит о борьбе с коррупцией как о самостоятельном институциональном процессе.

В Законе № 273-ФЗ за совершение коррупционных правонарушений (не преступлений) предусматриваются различные виды юридической ответственности; в Акте 1960 г. за коррупцион-

ные преступления однозначно предусматривается уголовная ответственность (с сочетанием различных видов уголовного наказания).

В Закон № 273-ФЗ введено основание для увольнения за совершение коррупционного правонарушения – «утрата доверия»; такое понятие в Акте 1960 г. отсутствует.

За непредставление государственным чиновником (гражданским служащим) сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений Закон № 273-ФЗ предусматривает всего лишь увольнение (освобождение) от занимаемой должности; Акт 1960 г. прямо говорит об уголовной ответственности за аналогичное, но уже – преступление против государственной службы.

Статья 6 Закона № 273-ФЗ именуется «Меры по профилактике коррупции»; Акт 1960 г. говорит напрямую о борьбе с данным деструктивным общественно-государственным явлением.

Закон № 273-ФЗ предусматривает, что в процессе противодействия коррупции заняты все федеральные и региональные органы государственной власти, а также органы местного самоуправления – это означает отсутствие специализированного антикоррупционного органа; в Акте 1960 г. содержится указание на особый статус Антикоррупционного бюро и расширение его полномочий по борьбе с коррупцией.

Перечни принципов противодействия коррупции в российском и сингапурском законодательствах характеризуются разнонаправленностью их содержания: в Законе № 273-ФЗ на первом месте – признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина, соблюдение принципа законности; а Акте 1960 г. на переднем плане – ответственность обеих сторон отношений, носящих коррупционный характер, а также деbüroкратизация государственного аппарата управления.

В Национальном плане противодействия коррупции (пункт 37 Раздела VII) [17] говорится о подготовке предложений по систематизации российского законодательства о противодействии коррупции; в Акт 1960 г. вносятся поправки в целях обеспечения гибкости его применения в борьбе с коррупцией и ее проявлениями.

На основании вышесказанного в законодательстве Российской Федерации, предусматривающем борьбу с коррупцией и противодействие коррупционным проявлениям, можно обозначить следующие недостатки:

- большое количество законодательных пробелов и противоречий в правовом регулировании в области борьбы с коррупцией (противодействия коррупции);

- отсутствие упоминания о необходимости обеспечения всеми заинтересованными органами наиболее тесных контактов с гражданским обществом (различными группами населения) с целью повышения уровня их антикоррупционной культуры, а также получения его всесторонней поддержки в борьбе с коррупцией и ее проявлениями;

- отсутствие системной установки на изменение морально-нравственного и политического климата в обществе и формирование общественного мнения, действительно нетерпимого к проявлению коррупционных деяний и действий аналогичного характера;

- неакцентирование должного внимания на организации лекционных и семинарских занятий на регулярной основе для государственных гражданских и муниципальных служащих (для тех их категорий, которые активно взаимодействуют с общественностью и средствами массовой информации), посвященных таким актуальным темам, как скрытые аспекты коррупции и методы и способы их преодоления (успешного противостояния им).

Следует также указать на недостатки законодательного регулирования таких вопросов, как: привлечение к реальной уголовной ответственности государственных чиновников (государственных служащих) высшего управленческого звена, а также руководящих должностных лиц в системе органов государственной власти и управления субъектов Российской Федерации; введение уголовной ответственности за «откаты», цель которых – получение на выгодной основе государственных или муниципальных контрактов; размещение на интернет-порталах государственных структур, занятых в процессе борьбы с коррупцией (противодействия ей и ее проявлениям), различных материалов информационного характера – например, видеоклипов, содержащих примеры коррупционной деятельности, от которых нужно отказаться; брошюр и комиксов, изображающих антикоррупционное поведение [4, с. 623].

Мы разделяем мнение М. Мартынова, согласно которому главной проблемой в борьбе с коррупцией, в том числе и на законодательном уровне, является неспособность (или нежелание) высшей государственной власти коренным образом изменить терпимое на практике отношение

к коррупции (при внешней демонстрации горячего ее осуждения) большинства населения нашей страны [20].

Что может предпринять Российская Федерация с целью снижения уровня коррупции, перенимая достижения Сингапура в сфере противодействия ей и борьбы с ней? Думается, что следующие выводы, извлеченные Из опыта Сингапура, по нашему мнению, могут быть перенесены на правовую почву России следующие выводы [17, с. 34-35; 16, с. 86-87]:

1. Высшее политическое руководство должно быть искренне заинтересовано в искоренении коррупции. Оно должно продемонстрировать образцовое поведение, вести скромный образ жизни и всеми силами не допускать благоприятствования развитию коррупции.

2. Чтобы эффективно бороться с коррупцией, действующих антикоррупционных мер, используемых в качестве мер дополнительного характера, недостаточно. Необходима эффективная всеобъемлющая антикоррупционная стратегия.

3. Органы государственной власти и управления (в Сингапуре – Антикоррупционное агентство (АСА)), задействованные в борьбе с коррупцией, сами должны быть вне подозрений в участии в коррупционной деятельности.

4. Вышеназванные органы должны быть выведены из-под юрисдикции полиции (в Российской Федерации – Министерства внутренних дел), поскольку широкое распространение коррупции в полиции может препятствовать их эффективному функционированию.

5. Необходимо исключить возможности для коррупционных проявлений в тех государственных ведомствах, которые уязвимы для коррупционной деятельности (а именно: таможенная служба, иммиграционная служба, служба внутренних доходов и ГИБДД).

6. Важно исключить стимулы для коррупции среди государственных чиновников и государственных служащих высшего звена путем обеспечения того, чтобы их заработная плата и дополнительные материальные льготы были конкурентоспособными с аналогичным финансовым обеспечением в негосударственных секторах экономической деятельности.

Библиографический список

1. Акунов А. А., Иманбекова А. С. Некоторые приемы борьбы с коррупцией на примере Сингапура // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 9. С. 117–121.
2. Fighting Corruption to Improve Governance: United Nations Development Programme (UNDP) [Электронный ресурс]. New York, 1999. URL: [http://www.un.org.my/0912010343United_Nations_Development_Programme_\(UNDP\).aspx](http://www.un.org.my/0912010343United_Nations_Development_Programme_(UNDP).aspx) (дата обращения: 16.04.2019).
3. Quah Jon S. T. Curbing Asian Corruption: An Impossible Dream? // Current History. 2006. Vol. 105. № 690. Pp. 176–179.
4. Assegaf Abd. R. Policy analysis and educational strategy for anti corruption in Indonesia and Singapore // International Journal of Asian Social Science. 2015. № 5 (11). Pp. 611–625.
5. Quah Jon S. T. Comparing Anti-corruption Measures in Asian Countries: Lessons to be Learnt // Asian Review of Public Administration. 1999. Vol. XI. № 2. Pp. 71–90.
6. Quah Jon S. T. Singapore's Experience in Curbing Corruption // Heidenheimer A.J., Johnston M., Levine V. Political Corruption: A Handbook. New Brunswick: Transaction Publishers, 1989. Pp. 841–853.
7. Quah Jon S. T. Combating Corruption in Singapore: What Can Be Learned? // Journal of contingences and crisis management. 2001. Vol. 9. № 1. Pp. 29–35.
8. Харичева М. С. Международный опыт борьбы с коррупцией: Сингапур // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2011. № 3 (25). С. 121–125.
9. Palmier L. The Control of Bureaucratic Corruption: Case Studies in Asia. New Delhi: Allied Publishers, 1985. 272 p.
10. Banerjee A. Can Anything Be Done About Corruption? // Quibria M. G., Dowling J. M. Current Issues in Economic Development: An Asian Perspective. Hong Kong: Oxford University Press for the Asian Development Bank, 1996. Pp. 107–131.
11. Quah Jon S. T. The Public Bureaucracy in Singapore, 1959–1984 // You P. S., Lim C. Y. Singapore: Twenty-Five Years of Development. Singapore: Nan Yang Xing Zhou Lianhe Zaobao, 1984. Pp. 288–314.

12. Манукян А. Р., Хаджиев Т. Д. Антикоррупционная стратегия Сингапура: ориентация на результат // Право и управление. XXI век. 2013. № 1 (26). С. 117–123.
13. Сиротин А. Опыт борьбы с коррупцией в Сингапуре: лечение «заразной жадности» [Электронный ресурс]. URL: http://communitarian.ru/publikacii/strategicheskoe_upravlenie/opyt-borby-s-korrupciej-v-singapore-lechenie-zaraznoj-zhadnosti_13032017 (дата обращения: 16.04.2019).
14. Спицнадель В. Б. Борьба с коррупцией в России. Законодательство и перспективы // Научные труды Северо-Западного института управления. 2018. Т. 9. № 1 (33). С. 272–277.
15. Лоскутникова Д. А. Борьба с коррупцией во властных структурах России // Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов в г. Нерюнгри, с международным участием: Секции 6-8. Нерюнгри, 2018. С. 137–140.
16. О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273-ФЗ. Принят 25 декабря 2008 г. (в ред. от 30 октября 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228; 2018. № 45. Ст. 6837.
17. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: Указ Президента Российской Федерации № 378. Принят 29 июня 2018 г. // Собрание законодательства РФ. 2018. № 27. Ст. 4038.
18. Атагимова Э. И., Макаренко Г. И. Борьба с коррупцией в России: законодательный аспект // Правовая информатика. 2016. № 2. С. 28–33.
19. Осяк А. Н., Осяк В. В. Стратегические направления борьбы с коррупцией в России // Конституция Российской Федерации: теория и практика реализации: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции / отв. ред.: А. Н. Осяк, Ю. В. Капранова. Ростов н/Д, 2018. С. 159–163.
20. Мартынов М. Социологическое исследование коррупции [Электронный ресурс]. URL: <http://rospolitics.ru/300-sociologicheskoe-issledovanie-korrupcii.html> (дата обращения: 17.04.2019).

References

1. Akunov A. A., Imanbekova A. S. Nekotorye priemy bor'by s korrupciej na primere Singapura [Some of the techniques of fight against corruption at the example of Singapore]. *Vestnik KRSU [Bulletin KRSU]*, 2014, t. 14, no. 9, pp. 117–121 [in Russian].
2. Fighting Corruption to Improve Governance: United Nations Development Programme (UNDP). New York, 1999. URL: [http://www.un.org.my/0912010343United_Nations_Development_Programme_\(UNDP\).aspx](http://www.un.org.my/0912010343United_Nations_Development_Programme_(UNDP).aspx) (Accessed: 16.04.2019) [in English].
3. Quah Jon S. T. Curbing Asian Corruption: An Impossible Dream? *Current History*, 2006, vol. 105, no. 690, pp. 176–179 [in English].
4. Assegaf Abd. R. Policy analysis and educational strategy for anti corruption in Indonesia and Singapore. *International Journal of Asian Social Science*, 2015, no. 5(11), pp. 611–625 [in English].
5. Quah Jon S. T. Comparing Anti-corruption Measures in Asian Countries: Lessons to be Learnt. *Asian Review of Public Administration*, 1999, vol. XI, no. 2, pp. 71–90 [in English].
6. Quah Jon S. T. Singapore's Experience in Curbing Corruption. *Heidenheimer A.J., Johnston Moscow, LeVine V. Political Corruption: A Handbook*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1989, pp. 841–853 [in English].
7. Quah Jon S. T. Combating Corruption in Singapore: What Can Be Learned? *Journal of contingences and crisis management*, 2001, vol. 9, no. 1, pp. 29–35 [in English].
8. Haricheva M. S. Mezhdunarodnyj opyt bor'by s korrupciej: Singapur [International experience in the fight against corruption: Singapore]. *Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kaliningrad law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia]*, 2011, no. 3 (25), pp. 121–125 [in Russian].
9. Palmier L. The Control of Bureaucratic Corruption: Case Studies in Asia. New Delhi: Allied Publishers, 1985, 272 p. [in English].
10. Banerjee A. Can Anything Be Done About Corruption? *Quibria M. G., Dowling J. M. Current Issues in Economic Development: An Asian Perspective*. Hong Kong: Oxford University Press for the Asian Development Bank, 1996, pp. 107–131 [in English].
11. Quah Jon S. T. The Public Bureaucracy in Singapore, 1959–1984. *You P. S., Lim C. Y. Singapore: Twenty-Five Years of Development*. Singapore: Nan Yang Xing Zhou Lianhe Zaobao, 1984, pp. 288–314 [in English].

-
12. Manukyan A. R., Hadzhiev T. D. Antikorrupcionnaya strategiya Singapura: orientaciya na rezul'tat [Singapore's anti-Corruption strategy: result orientation]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and governance. Twenty-first century]*, 2013, no. 1(26), pp. 117–123 [in Russian].
 13. Sirotin A. Opyt bor'by s korrupciej v Singapore: lechenie «zaraznoj zhadnosti» [Experience in the fight against corruption in Singapore: treatment of «contagious greed»]. URL: http://communitarian.ru/publikacii/strategicheskoe_upravlenie/opyt-borby-s-korrupciej-v-singapore-lechenie-zaraznoj-zhadnosti_13032017 (Accessed: 16.04.2019) [in Russian].
 14. Spicnadel' V. B. Bor'ba s korrupciej v Rossii. Zakonodatel'stvo i perspektivy [Fight against corruption in Russia. Legislation and prospects]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya [Scientific works of the North-Western Institute of management]*, 2018, t. 9, no. 1(33), pp. 272–277 [in Russian].
 15. Loskutnikova D. A. Bor'ba s korrupciej vo vlastnyh strukturah Rossii [Fight against corruption in the power structures of Russia]. *Materialy XIX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov v g. Neryungri, s mezhdunarodnym uchastiem: Sekcii 6-8 [Proceedings of the XIX all-Russian scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students in Neryungri, with international participation: Sections 6-8]*. Neryungri, 2018, pp. 137–140 [in Russian].
 16. O protivodejstvii korrupcii: Federal'nyj Zakon: prinyat 25 dekabrya 2008 g., no. 273-FZ: v red. ot 30 oktyabrya 2018 g [On combating corruption: Federal Law: adopted on December 25, 2008, no. 273-FZ: as amended on October 30, 2018]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection legislation of the Russian Federation]*, 2008, no. 52 (chast' I), st. 6228; 2018, no. 45, st. 6837 [in Russian].
 17. O Nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2018–2020 gody: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii: prinyat 29 iyunya 2018 g., no. 378 [On the National anti-corruption plan for 2018-2020: decree of The President of the Russian Federation: adopted on 29 June 2018, no. 378]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of legislation of the Russian Federation]*, 2018, no. 27, st. 4038 [in Russian].
 18. Atagimova E. I., Makarenko G. I. Bor'ba s korrupciej v Rossii: zakonodatel'nyj aspekt [The Fight against corruption in Russia: legal aspect]. *Pravovaya informatika [Legal Informatics]*, 2016, no. 2, pp. 28–33 [in Russian].
 19. Osyak A. N., Osyak V. V. Strategicheskie napravleniya bor'by s korrupciej v Rossii [Strategic directions of fight against corruption in Russia]. *Konstituciya Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika realizacii: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii [Constitution of the Russian Federation: theory and practice of implementation: proceedings of the all-Russian scientific and theoretical conference]*. Rostov-on-Don, 2018, pp. 159–163 [in Russian].
 20. Martynov M. Sociologicheskoe issledovanie korrupcii [Sociological study of corruption]. URL: <http://rospolitics.ru/300-sociologicheskoe-issledovanie-korrupcii.html> (Accessed: 17.04.2019) [in Russian].

УДК 343.214

Куанышева Валентина Васильевна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры профессиональных дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рылская, 24 в,
e-mail: vaalye@mail.ru

Valentina V. Kuanysheva

Candidate of History,
Senior Lecturer of Professional Disciplines Department,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: vaalye@mail.ru

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЙ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА В СВЕТЕ НОВОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье проводится анализ некоторых положений постановления Пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2018 г. № 41, обеспечивающего единообразное применение судами уголовного законодательства об ответственности за нарушения требований охраны труда. В сфере рассмотрения оказались общественные отношения, связанные с обеспечением сохранения жизни и здоровья работников при осуществлении трудовой деятельности, так как активный процесс развития экономики в стране повлек за собой значительное ослабление уголовно-правового регулирования указанных отношений. Раскрываются проблемные аспекты в части применения ст. 143 УК РФ, содержание которых анализируется как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике. Применение метода сравнительного анализа позволяет сопоставить нормы, закрепленные в Уголовном кодексе РФ, и положения, которые получили отражение в постановлении. Автором отмечается, что в целом нормативные положения, заключенные в постановлении, должны способствовать улучшению качества процесса квалификации, разрешению спорных положений, встречающихся в судебно-следственной практике, а это возможно только путем грамотного толкования закона, направленного на разъяснение признаков состава преступления, имеющих квалификационное значение.

Ключевые слова: охрана труда, квалификация преступления, соучастие, неосторожная форма вины, конституционные права, Постановление Пленума Верховного суда РФ, ст. 143 УК РФ.

QUALIFYING VIOLATIONS QUESTIONS OF LABOR PROTECTION REQUIREMENTS AS A PART OF NEW RESOLUTION SUPREME COURT PLENUM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Summary. The article analyzes the provisions of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, ensuring the uniform application by the courts of criminal legislation on liability for violations of labor protection requirements. Discloses the problematic aspects of the application of Art. 143 of the Criminal Code, the content of which is analyzed both in the doctrine of criminal law and in law enforcement practice. The application of the method of comparative analysis allows to compare the norms enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation and the provisions that were reflected in the Resolution. As a result of such a comparison, it becomes obvious that part of the provisions set forth in the Resolution is nothing more than duplication of criminal law. The author notes that the regulations concluded in the Resolution should contribute to improving the quality of the qualification process, resolving controversial provisions encountered in forensic investigative practice, and this is possible only through a competent interpretation of the law, aimed at clarifying the characteristics of the composition having qualifying value.

Keywords: labor protection, crime qualification, complicity, reckless form of guilt, constitutional rights, Resolution of Supreme Court Plenum of the Russian Federation, art. 143 of the Criminal Code.

Интересы общества отдельно взятого периода развития государства формируются из потребностей людей, которые неоднородны по своему содержанию. Объединяющим фактором, характеризующим указанные нужды, является то, что они защищены законом, в том числе и нормами уголовного права. Однако в период стремительных процессов, характерных для современного этапа развития нашего государства, уголовный закон не во всех ситуациях способен надлежащим образом защищать права и свободы граждан, что негативно сказывается на качестве жизни общества и формирует ситуацию, при которой создается иллюзия статичности уголовно-правовой политики. Причиной видимой стагнации уголовной политики государства служит всеобщая

глобализация и, как следствие, динамичность преступности, которая модернизируется под воздействием внешних условий.

Приоритетными направлениями противодействия преступным проявлениям выступают сферы жизнедеятельности, защита которых имеет достаточные социальные и правовые основания, а средства, при помощи которых возможно достичь положительной динамики, должны обладать свойствами практической реализации, то есть выступать удобным инструментом воздействия на социально неприемлемые уголовно-правовые явления [1, с. 13].

В зоне риска оказались общественные отношения, связанные с обеспечением сохранения жизни и здоровья работников при осуществлении трудовой деятельности, ввиду того что активный процесс развития экономики в стране, трансформация правовой природы трудовых отношений повлекли за собой ослабление уголовно-правового регулирования указанных отношений, а отдельно взятые аспекты трудовой деятельности и вовсе не получили криминологически обоснованной уголовно-правовой защиты.

Конституционное право человека и гражданина на труд в уголовном законе обеспечивается положениями ст. 143 УК РФ, которая за период существования действующего УК РФ подверглась редакционной правке единожды. Стабильность нормы, предусматривающей ответственность за посягательство на обозначенный круг общественных отношений, в некотором роде обеспечена бланкетностью диспозиции. При таком виде описательной части уголовно-правовой нормы статья остается неизменной, а содержание признаков, характеризующих состав преступления, может изменяться на уровне государственных нормативных требований охраны труда, содержание которых закреплено в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации и субъектов РФ. Немаловажную роль играют многочисленные инструкции и типовые правила по охране труда, процедуры, критерии и нормативы, направленные на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности. Значение этих документов велико, так как именно они чаще всего определяют наименование и перечень лиц, которые персонально несут ответственность за обеспечение правил техники безопасности и охраны труда в определенных сферах производства или на конкретных участках работ, в том числе и при производстве отдельных видов работ, требующих повышенных мер безопасности [2].

Но и умалывать значения уголовного закона в вопросах регулирования требований охраны труда недопустимо. Выступая в качестве средства борьбы с данным негативным социальным явлением, Уголовный кодекс РФ представляет собой единственный источник, образующий уголовное законодательство, которым определяются уголовно-правовые последствия совершения запрещенного уголовным законом деяния [3]. При этом важным аспектом является то обстоятельство, что процесс квалификации, направленный на установление тождества содеянного с конкретной нормой Особенной части УК РФ, должен отвечать требованиям принципов, провозглашенных в УК РФ. Соблюдение указанных в законе принципов зачастую осложняется несовершенством уголовно-правовых норм или неоднозначностью дефиниций, которые используются при конструировании статьи. На помощь в подобных случаях могут быть призваны постановления Пленума Верховного суда РФ, которые выступают одним из опосредованных источников уголовного права, являются официальным актом толкования закона и обеспечивают решение проблемных вопросов квалификации отдельных видов преступлений, формируют единообразную правоприменительную практику по уголовным делам на территории всей страны и могут изменяться с учетом динамики общественных отношений [4].

Так, к спорным ситуациям, возникающим в современной правоприменительной практике в сфере охраны безопасности труда, Д. Ю. Вешняков, например, относит проблему ответственности руководителей юридических лиц за нарушение правил охраны труда [5, с. 65]. Разделяет важность и сложность рассмотрения данного вопроса и М. С. Матейкович, который раскрывает содержание обозначенного вопроса с позиции практики. Так, он отмечает, что Верховный суд Российской Федерации, принимая во внимание обобщение судебной практики, сформировал четкие границы, предусматривающие уголовную ответственность руководителей организаций за преступления, подпадающие под признаки ст. 143 УК РФ. Уголовная ответственность руководителя наступает, если имеют место следующие обстоятельства содеянного: 1) непринятие руководителем мер к устранению заведомо известного им нарушения правил охраны труда; 2) дача указаний, противоречащих правилам охраны труда; 3) непринятие мер по обеспечению правил охраны труда, если руководитель взял на себя непосредственное руководство отдельными видами работ [6, с. 21]. М. С. Матейкович делает акцент на необходимости привлечения к ответственности именно

руководителей, так как зачастую они уходят от ответственности ввиду того, что указывают на невладевание вопросом обеспечения безопасности труда на том или ином объекте, поскольку за это несут ответственность бригадиры и т. д.

Другая позиция у И. А. Кузнецовой: она отмечает, что между руководителем и лицами, оказавшимися потерпевшими при нарушении правил охраны труда, имеется промежуточное звено. Это звено формируется из тех, кто несет ответственность за соблюдение требований охраны труда «на местах», в конкретных случаях проведения или осуществления работ. Именно они в первую очередь должны привлекаться к ответственности за нарушение правил охраны труда. Руководители организаций, по мнению указанного автора, должны в случае установления причинно-следственной связи нести ответственность за должностные преступления (злоупотребление должностными полномочиями или халатность) [7, с. 25–28].

Эта полемика наглядно иллюстрирует то обстоятельство, что в современной уголовно-правовой сфере все чаще встречаются случаи неурегулированности тех или иных ситуаций нормами уголовного закона, что влечет за собой вынужденное обращение к судебной практике. Она в свою очередь создает новые правила поведения, дает разъяснения и рекомендации в целях устранения пробелов в уголовном законе.

Во вновь принятом постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее – ППВС РФ) в п. 4 указано, что «по смыслу ч. 1 ст. 143 УК РФ субъектами данного преступления могут быть руководители организаций, их заместители, главные специалисты, руководители структурных подразделений организаций, специалисты службы охраны труда и иные лица, на которых в установленном законом порядке (в том числе в силу их служебного положения или по специальному распоряжению) возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований охраны труда».

Ответственность по ст. 143 УК РФ также могут нести представители организации, оказывающей услуги в области охраны труда, или соответствующие специалисты, привлекаемые работодателем по гражданско-правовому договору в соответствии с частью третьей ст. 217 ТК РФ, если на указанных лиц непосредственно возложены обязанности обеспечивать соблюдение требований охраны труда работниками и иными лицами, участвующими в производственной деятельности работодателя» [8]. Исходя из приведенного текста субъект анализируемого преступления – это лицо, на которое в установленном законом порядке возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований охраны труда как в силу их служебного положения, так и по специальному распоряжению.

Таким образом, основной вопрос определения виновных лиц связан не столько с характеристикой круга субъектов преступления, сколько с установлением причинно-следственной связи между нарушением специальных правил, допущенным лицом, на которое возложены обязанности по обеспечению соблюдения и (или) соблюдению таких правил, и наступившими общественно опасными последствиями.

Интерес представляет положение ППВС РФ, закрепленное в п. 7. Верховный суд разъясняет, что «если требования охраны труда, правила безопасности при ведении горных или иных работ, а равно правила промышленной безопасности опасных производственных объектов были нарушены двумя или более лицами, обладающими признаками субъекта преступления, предусмотренного ст. ст. 143, 216 или 217 УК РФ, то содеянное каждым из них влечет уголовную ответственность по данным нормам при условии, что допущенные ими нарушения специальных правил находились в причинной связи с наступившими последствиями, указанными в названных статьях Уголовного кодекса Российской Федерации» [8].

Так, Г. и Р., являясь лицами, на которые возложены обязанности по соблюдению требований охраны труда, нарушили эти требования, что повлекло по неосторожности смерть человека. Из материалов уголовного дела установлено, что под руководством производителя работ Г. по устному указанию начальника Р., в нарушение установленных требований подчиненным работником – электромонтером – проводились работы, не предусмотренные в наряде-допуске, в результате чего работник был смертельно травмирован. В резолютивной части приговора Тайшетского городского суда Иркутской области суд указал, что действия и бездействия Г. и Р., на которых были возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований охраны труда, совершенные по неосторожности, при которой они не предвидели возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения смерти работнику, но без достаточных к тому

оснований самонадеянно рассчитывали на предотвращение этих последствий, привели к наступлению смерти работника.

Суд квалифицировал действия подсудимых Г. и Р. по ч. 2 ст. 143 УК РФ как нарушение требований охраны труда, совершенное лицами, на которые возложены обязанности по их соблюдению, что повлекло по неосторожности смерть человека [9]. В тексте приговора используется формулировка «совершенное лицами», что означает, что речь идет об одном преступлении, которое совершено несколькими лицами. Возвращаясь к рассматриваемому пункту Пленума Верховного суда, проанализируем данный приговор.

По смысловому содержанию п. 7 может иметь двоякое значение. Первое из них заключается в том, что Верховный суд указал на возможность наличия причинно-следственной связи между содеянным и наступившими последствиями не у одного субъекта, а у двух и более. Здесь становится очевидным тот факт, что за нарушение требований охраны труда в конкретном случае правоприменения должен нести ответственность и руководитель, и тот, кто непосредственно осуществлял контроль на определенном участке производства работ. Иными словами, два и более лица совершают самостоятельное преступление и каждый несет ответственность за содеянное самостоятельно.

Второе значение связано, по нашему убеждению, с вопросом о субъективных признаках соучастия. Дискуссия о соучастии в умышленных и неосторожных преступлениях идет достаточно давно. С принятием УК РСФСР 1960 г. с новой силой разгорелся спор о возможности соучастия в неосторожном преступлении. Поводом для этого послужило отсутствие четкого указания на форму вины в дефиниции соучастия [10, с. 217]. Несмотря на то что действующий УК РФ в ст. 32 закрепил положение о том, что с субъективной стороны соучастие может носить только умышленный характер и возможно только в умышленных преступлениях, споры по данному вопросу возникают по сей день.

Таким образом, в тексте п. 7 мы усматриваем указание на невозможность соучастия в неосторожных преступлениях. Но в данном случае формулировка анализируемого пункта представляется не совсем удачной. Нарушение двумя или более лицами, обладающими признаками субъекта преступления, требований охраны труда, должно обладать признаком совместности, чтобы возможно было вести речь о так называемом неосторожном сопричинении, а в тексте п. 7 указания на данный признак нет. Ст. 143 УК РФ с субъективной стороны характеризуется неосторожной формой вины, о чем имеется прямое указание в диспозиции.

Таким образом, по нашему мнению, данный пункт ППВС РФ не вносит какой-либо ясности в процесс юридической оценки преступлений, предусмотренных ст. 143 УК РФ, напротив, способствует возникновению новых квалификационных споров.

П. 11 анализируемого Пленума также вызывает определенную критику в части положения следующего содержания: «В тех случаях, когда в результате нарушения специальных правил одновременно наступили последствия, предусмотренные разными частями статей 143, 216 или 217 УК РФ, все эти последствия должны быть указаны в судебном решении. При этом содеянное подлежит квалификации только по той части статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, которая устанавливает ответственность за более тяжкие последствия». Данное правило квалификации содержится в Уголовном кодексе в ч. 1 ст. 17, и его дублирование в Постановлении нам представляется излишним.

П. 14 Пленума указывает на необходимость при назначении наказания учитывать характер и степень общественной опасности этих преступлений, характер допущенных нарушений, наступившие последствия и другие обстоятельства, указанные в ст. 60 УК РФ. Излишне говорить, что это положение и так есть в УК РФ и при назначении наказания суд руководствуется правилами назначения наказания, указанными в уголовном законе.

Будучи обязательными для исполнения судами и органами предварительного расследования, постановления Пленума Верховного суда РФ в своем толковании должны быть корректными, грамотно изложенными и не противоречащими уголовному закону. Дублирование закона также представляется излишним, так как не способствует единообразному применению уголовно-правовых норм. Это правило, к сожалению, не всегда соблюдается. Ярким примером служит проведенный нами анализ постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» в части применения ст. 143 УК РФ. Нормативные положения,

заключенные в анализируемом Постановлении, должны способствовать устранению пробелов, разрешению спорных положений, встречающихся в судебно-следственной практике, а это возможно только путем грамотного толкования признаков, имеющих квалификационное значение.

Хотелось бы в дальнейшем увидеть обоснованные позиции Верховного суда по вопросу установления роли лица, пострадавшего в происшествии. Частично этот вопрос раскрывается в п. 6 Постановления, но остаются спорными вопросы относительно того, какие именно основания могут способствовать вынесению оправдательного приговора в случае, если потерпевший небрежно относился к соблюдению требований охраны труда, а также целесообразно дать разъяснения на предмет того, как именно суду следует учитывать поведение потерпевшего при назначении наказания, если последствия наступили в результате как действий (бездействия) подсудимого, вина которого в нарушении специальных правил установлена судом, так и небрежности, допущенной потерпевшим.

Библиографический список

1. Рарог А. И. Приоритеты российской уголовной политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: материалы XII Международной научно-практич. конф. 29–30 января 2015 г. М.: РГ-Пресс, 2015. С. 13–23.
2. Завидов Б. Д. Уголовно-правовой анализ преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 02.01.2019).
3. По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана: Постановление Конституционного суда РФ от 21.05.2013 № 10-П // Российская газета. 2013. 29 мая.
4. Петрашева Н. В. Инспектирование норм о соучастии в отдельных Постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: сборник научных трудов участников Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2018. С. 34–44.
5. Вешняков Д. Ю. Теоретические проблемы криминализации нарушений правил охраны труда в уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2010. № 2. С. 65–72.
6. Матейкович М. С. Уголовная ответственность за нарушение трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права // Судья. 2018. № 9. С. 21–32.
7. Кузнецова И. А. Некоторые аспекты привлечения работодателя к уголовной ответственности за нарушение трудового законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 25–28.
8. О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.12.2018).
9. Приговор Тайшетского городского суда Иркутской области от 9 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.12.2018).
10. Бохан А. П., Петрашева Н. В. Соучастие в неосторожном преступлении: миф или реальность? // LEX RUSSICA. 2016. № 5(114). С. 217–224.

References

1. Rarog A. I. Prioritety rossijskoj ugovnoj politiki [Priorities of the Russian criminal policy]. *Ugolovnoe pravo: strategija razvitija v XXI veke: materialy XII Mezhdunarodnoj nauch. praktich. konf. 29–30 janvarja 2015 g.* [Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the XII International scientific. Practical. conf. January 29–30, 2015]. Moscow, 2015, pp. 13–23 [in Russian].
2. Zavidov B. D. Ugolovno-pravovoj analiz prestuplenij protiv konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Criminal law analysis of crimes against constitutional rights and freedoms

of man and citizen]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 02.01.2019) [in Russian].

3. Po delu o proverke konstitucionnosti chastej vtoroj i chetvertoj stat'i 443 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina S.A. Pervova i zaprosom mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 43 goroda Kurgana: Postanovlenije Konstitucionnogo suda RF ot 21.05.2013 No. 10-P [On the case of checking the constitutionality of parts two and four of article 443 of The criminal procedure code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S. A. Pervov and the request of the magistrate of the court plot № 43 of the city of Kurgan Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05.21.2013 No. 10-P]. *Rossijskaja gazeta* [*Russian newspaper*], 2013, 29 maja [in Russian].

4. Petrasheva N. V. Inspektirovanie norm o souchastii v otdel'nyh Postanovlenijah Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii [Inspection of the rules on complicity in certain Decrees of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy primeneniya ugolovnogo zakonodatel'stva: sbornik nauchnyh trudov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [*Actual problems of application of criminal law. Collection of scientific papers of the participants of the International Scientific and Practical Conference*]. Rostov-on-Don, 2018, pp. 34–44 [in Russian].

5. Veshnjakov D. Ju. Teoreticheskie problemy kriminalizacii narushenij pravil ohrany truda v ugolovnom prave Rossii [Theoretical problems of criminalization of violations of labor protection rules in the criminal law of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Pravo* [*Bulletin of St. Petersburg University. Right*], 2010, no. 2, pp. 65–72 [in Russian].

6. Matejkovich M. S. Ugolovnaja otvetstvennost' za narushenie trudovogo zakonodatel'stva i inyh aktov, sodержavivih normy trudovogo prava [Criminal liability for violation of labor legislation and other acts containing labor law norms]. *Sud'ja* [*Judge*], 2018, no. 9, pp. 21–32 [in Russian].

7. Kuznecova I. A. Nekotorye aspekty privlechenija rabotodatelja k ugolovnoj otvetstvennosti za narushenie trudovogo zakonodatel'stva [Some aspects of bringing the employer to criminal liability for violation of labor laws]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [*Labor law in Russia and abroad*], 2012, no. 2, pp. 25–28 [in Russian].

8. O sudebnoj praktike po ugolovnym delam o narushenijah trebovanij ohrany truda, pravil bezopasnosti pri vedenii stroitel'nyh ili inyh rabot libo trebovanij promyshlennoj bezopasnosti opasnyh proizvodstvennyh obektov: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 29 noyabrya 2018 g. no.41 [On judicial practice in criminal cases on violations of labor protection requirements, safety regulations in the conduct of construction or other works or industrial safety requirements of hazardous production facilities: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, from November 29, 2018 no. 41]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 20.12.2018) [in Russian].

9. Prigovor Tajshetskogo gorodskogo suda Irkutskoj oblasti ot 9 oktjabrja 2018 goda [The sentence of the Tayshet city court of the Irkutsk region dated October 9, 2018]. URL.: <https://bsr.sudrf.ru/> (Accessed: 20.12.2018) [in Russian].

10. Bohan A. P., Petrasheva N. V. Souchastie v neostorozhnom prestuplenii: mif ili real'nost'? [Complicity in a rash crime: myth or reality?]. *LEX RUSSICA* [*LEX RUSSICA*], 2016, no. 5(114), pp. 217–224 [in Russian].

УДК 343.8

Лапшин Виталий Евгеньевич

доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры психологии личности
и специальной педагогики,
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых,
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87,
e-mail: ve_lapshin@mail.ru

Vitaliy Y. Lapshin

Doctor of Pedagogics, Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the of Personality Psychology and Remedial
Pedagogy department,
Vladimir State University named after Alexander
and Nikolay Stoletovs,
Gorkogo str., 87, Vladimir, Russia, 600000,
e-mail: ve_lapshin@mail.ru

Шаханов Вячеслав Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Владимирский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького, д. 59а,
e-mail: Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Vyacheslav V. Shakhanov

Candidate of Law,
Assistant Professor of Theory and History of State
and Law Department,
Vladimir Branch of RANEPa,
Gorkogo str., 59a, Vladimir, Russia, 600017,
e-mail: Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО (ПЕНИТЕНЦИАРНОГО) ПРАВООТНОШЕНИЯ: МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ, ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ОБЩИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В статье анализируются один из дискуссионных вопросов теории правоотношения – момент его окончания на примере уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения. Авторы разделяют точку зрения тех ученых, которые связывают окончание уголовно-исполнительного правоотношения с юридическим фактом погашения или снятия судимости. Такой подход позволяет сделать акцент на воспитательной направленности уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения.

В статье поднимается вопрос об актуальности выделения общих и конкретных правоотношений применительно к пенитенциарной сфере. В общих правоотношениях обеспечивается возможность умозрительной замены стороны правоотношения (в нашем случае – конкретного учреждения уголовно-исполнительной системы на государство) и его объекта (действий обязанных лиц на правовое состояние осужденных) для целей разъяснения механизма правового воздействия норм права в процессе их реализации или применения. По мнению авторов, это может в некоторых случаях уменьшить напряженность во взаимоотношениях между администрацией исправительного учреждения и осужденными. На этом фоне отдельные недоработки конкретного учреждения уголовно-исполнительной системы не будут вызывать агрессию со стороны осужденных и не окажут негативного влияния на эффективность воспитательной работы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное (пенитенциарное) правоотношение, момент окончания правоотношения, конкретное правоотношение, общее правоотношение, конкретное правоотношение, «стражные» правоотношения, постпенитенциарные правоотношения, юридический факт.

THEORETICAL ANALYSIS OF CRIMINAL-EXECUTIVE (PENITENTIARY) LAW RELATIONS: THE POINT OF ENDING THE PENITENTIARY LAW RELATIONS, THE PROBLEM OF ALLOCATION OF GENERAL RELATIONS IN THE PENITENTIARY SPHERE

Summary. The article analyzes one of the debatable issues of the theory of legal relations – the moment of its completion, on the example of criminal-executive (penitentiary) legal relations. The authors share the point of view of those scholars who associate the end of the criminal-executive legal relationship with the legal fact of repayment or withdrawal of a criminal record. This approach allows us to focus on the educational orientation of the penitentiary (penitentiary) legal relationship.

The article raises the question of the relevance of the allocation of general and specific legal relations in relation to the penitentiary sphere. In general legal relations, it is possible to speculatively replace the side of the relationship (in our case, a specific institution of the penitentiary system on the state) and its object (actions of obligated persons on the legal status of convicts) for the purpose of explaining the mechanism of the legal impact of the law in the process of their implementation or application. According to the authors, such an approach, in some cases, can reduce tensions in the relationship between the prison administration and convicts. Against this background, individual shortcomings of a particular institution of the penitentiary system will not cause aggression on the part of convicts, and will not have a negative impact on the effectiveness of educational work.

Keywords: *criminal-executive (penitentiary) legal relations, the moment of termination of the legal relationship, concrete legal relationship, general legal relationship, concrete legal relationship, «guarding» legal relations, post-penitentiary legal relations, legal fact.*

Теория правоотношений, несмотря на ее весьма солидную разработанность, продолжает будоражить умы исследователей. Очевидно, это свидетельствует о том, что эвристический потенциал категории «правоотношение» недостаточно изучен либо не осознан в полной мере. Многие аспекты теории правоотношений и в настоящее время имеют статус *terra incognita* [1, с. 198]. Далеко не всегда правоотношение рассматривают как юридическую конструкцию (либо как систему), что не позволяет наиболее полно использовать ценностный потенциал данного правового феномена. В доктринальных исследованиях, посвященных изучению уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения, достаточно проработанными оказались вопросы, связанные с его объектом, содержанием и субъектным составом. Одним из дискуссионных остается вопрос о моменте прекращения уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения. Субъекты правоотношения должны взаимодействовать в условиях правовой определенности и точно знать, когда между ними прекращается правовая связь. Данный вопрос имеет важное значение не только с практической, но и с научной точки зрения, поскольку наиболее рельефно отражает значимость изучения правоотношения как научной абстракции.

Отбывание наказания – это не просто промежуток времени в течение которого осужденный находится в учреждении УИС. Это и целый комплекс мероприятий, направленных на достижение цели наказания. Можно ли говорить об окончании уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения с момента освобождения заключенного, если последний не встал на путь исправления? Если бы ответ на этот вопрос был утвердительным, то не существовал бы институт досрочного освобождения. Значит, факт исправления является существенным для окончания уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения.

В классическом варианте уголовно-исполнительное (пенитенциарное) правоотношение прекращается с выходом его субъекта из сферы опеки уголовно-исполнительной системы, то есть с момента отбытия наказания. Но так ли это? Такой подход верен в случае, если мы рассматриваем уголовно-исполнительное правоотношение исключительно как конкретное. Такая позиция обедняет эвристический потенциал уголовно-исполнительного правоотношения, акцентирует внимание лишь на его карательной компоненте. Это не в полной мере соответствует современной парадигме уголовно-исполнительной политики, имеющей черты гуманизации.

Полагаем, что уголовно-исполнительное (пенитенциарное) правоотношение имеет значительный ценностный потенциал при изучении во взаимосвязи с общими правоотношениями. Такие правоотношения отражают юридические связи между государством и гражданином, а также последних между собой в отсутствие юридических фактов, порождающих конкретные правоотношения, объясняют механизм возникновения правосубъектности, вовлекают в механизм правового регулирования конституционно-правовые и иные общие нормы. В таком контексте уголовно-исполнительное правоотношение способно приобретать потенциал, необходимый для декриминализации личности осужденных, так как позволяет маневрировать в вопросе определения источника правового воздействия, нивелировать отдельные спорные вопросы в ходе осуществления воспитательной работы с осужденными.

Здесь необходимо уточнить некоторые общетеоретические позиции. Во-первых, не все ученые признают существование общих правоотношений (А. В. Аверин, Н. Г. Александров, Ю. К. Толстой и др.). Во-вторых, среди исследователей согласных с их наличием отсутствует единство в вопросе освещения их природы и содержания. Одни авторы делают акцент на их конституционно-правовой природе, обусловленной прямым действием Конституции Российской Федерации (А. Б. Венгеров), другие – рассматривают их несколько шире – как следствие существования не только конституционных, но и иных общих норм (Т. Н. Радько). Проблема общих правоотношений состоит и в появлении конкуренции между объективным и субъективным правом.

Тем не менее сторонников признания общих правоотношений достаточно много (С. С. Алексеев, А. Б. Венгеров, Н. В. Витрук, О. Е. Кутафин, Н. И. Матузов, О. О. Миронов, Т. Н. Радько, Ю. П. Еременко, В. А. Ржевский и др.), и их аргументы, обосновывающие данную позицию, весомы. Т. Н. Радько обращает внимание на то, что «субъективное право не только накладывает обязанность на противостоящую сторону, но и обладает способностью перерасти в обязанность для самого его носителя. Наглядным примером могут служить некоторые админи-

стративно-правовые, уголовно-исполнительные отношения, субъекты которых являются носителями так называемых прав-обязанностей» [2, с. 447]. В рамках общих правоотношений государство устанавливает определенный правопорядок, гарантированный наличием определенных прав и обязанностей, не всегда корреспондирующих между собой. Согласно теории общих правоотношений, все граждане государства опосредованы правовыми связями между собой и с государством, не вступая в конкретные правоотношения.

Ученые-пенитенциаристы теоретические проблемы уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения анализируют очень редко. Р. А. Ромашов, предлагая авторскую дефиницию пенитенциарного правоотношения, определяет его как урегулированную нормами пенитенциарного права социальную коммуникацию, «в рамках которой осуществляется как непосредственная реализация предписаний пенитенциарного права, так и их опосредованное применение» [3, с. 48]. Он признает в пенитенциарных правоотношениях существование отношений не только «субъект-субъектного», но и «субъект-объектного» типа, подводя под последнее правоотношение-состояние (в частности, правовой статус сотрудника и осужденного) [3, с. 47]. Такой подход коррелирует с фактическим признанием существования конкретных и общих правоотношений, хотя сам автор, давая классификацию пенитенциарным правоотношениям, подобного типа правоотношений не выделяет.

В уголовно-исполнительной системе общие правоотношения оказывают воздействие как на персонал ее учреждений, так и на лиц, отбывающих наказание. Их предназначение состоит в объяснении существования правового воздействия со стороны государства на субъекты конкретных пенитенциарных правоотношений в целях построения правовых связей между ними. При этом уголовно-исполнительное (пенитенциарное) правоотношение может быть рассмотрено не только в виде индивидуальных связей, но и как вид правового состояния, обусловленный предыдущей противоправной деятельностью осужденного. Этот аспект и может быть использован в обосновании наложенных на осужденного ограничений.

В продолжение общетеоретического анализа уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения выразим свое несогласие с авторами, допускающими дробление уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения на отдельные правоотношения, имеющие самостоятельный объем и содержание («стражные» правоотношения, постпенитенциарные правоотношения и др.) [4, с. 37]. Такой подход нарушает системные связи внутри единой юридической конструкции уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения, вытесняет его из собственно правовой сферы, обнажая для критики со стороны представителей научной общественности, не усматривающих глубокого научного потенциала в уголовно-исполнительном праве.

Полагаем, что обозначенный выше подход к временным рамкам действия уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения (то есть совпадающего с временем отбывания наказания) не соответствует телеологическому (целевому) предназначению уголовно-исполнительной системы. Момент окончания уголовно-исполнительного правоотношения должен ассоциироваться не с формальным моментом – отбытием срока наказания, а со сформировавшимся у осужденного устойчивым убеждением двигаться по пути исправления. Критика данного подхода будет строиться на трудностях его формализации. Никто и не спорит, что достичь данного результата во всех без исключения случаях – утопия. Данный подход направлен на изменение подхода к содержанию уголовно-исполнительного правоотношения. Акцент в обязанностях субъектного состава, представляющего уголовно-исполнительную систему, должен быть сделан на воспитательной работе с осужденными. Именно она оказывает большое влияние на исправление осужденных. В центре уголовно-исполнительного правоотношения должен стоять осужденный, а не его «абстрактная модель». В этой связи мы считаем верной точку зрения авторов, «оживляющих» правоотношение, включая в него фактические отношения в виде реального поведения его субъектов (М. М. Агарков, О. С. Иоффе, Р. О. Халфина) [1, с. 226–229]. Такой подход соответствует общетеоретическому представлению о материальном содержании правоотношения [5, с. 112]. «Изучение сущности материального содержания уголовно-исполнительного правоотношения позволяет выявить специфику правовых связей между субъектами и участниками уголовно-исполнительного права, возникающих в уголовно-исполнительной сфере, среди которых некоторые до сих пор не охвачены законодательным регулированием», – справедливо отмечает Ю. А. Головастова [6, с. 162].

Уголовно-исполнительное (пенитенциарное) правоотношение порождается не единичным юридическим фактом, а сложным юридическим составом, в основании которого лежит факт

вступления приговора в законную силу. Уголовно-исполнительное (пенитенциарное) правоотношение тесно переплетается с уголовно-процессуальными правоотношениями, возникающими на основании разнообразных юридических фактов, определяемых в качестве таковых с учетом правовых предписаний уголовно-процессуального законодательства, регулирующих правоотношения с участием осужденных.

Факт осуждения преступника прекращает уголовно-материальное правоотношение и одновременно является начальным звеном сложного фактического состава, порождающим уголовно-исполнительное правоотношение. Продолжением этой цепочки является доставление преступника в учреждение уголовно-исполнительной системы для отбывания наказания, юридический факт отбытия наказания. Является ли факт отбытия наказания конечным в цепочке юридических фактов, сопровождающих уголовно-исполнительное правоотношение? Одним из вопросов, порождающим неопределенность в данной сфере, является достижение эффекта от наказания. И здесь мы должны исходить из того, что все моменты, связанные с существованием правоотношения, жестко привязаны к нормам права и должны базироваться только на них. В идеале хотелось бы связывать момент окончания правоотношения со степенью исправления, которая обычно отражалась в формулировках: «твердо встал на путь исправления», «доказал свое исправление». К сожалению, такие формулировки исключены из закона. Вместо них законодатель предлагает сугубо оценочные понятия: «если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания» (ст. 79 УК РФ). О движении осужденного в направлении исправления мы можем сделать заключение, лишь используя четкие формальные критерии, имеющие статус юридического факта. К этому нас обязывает юридическая конструкция правоотношения в целом и уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения в частности. Только юридический факт может завершить правоотношение, а не глубокомысленные суждения даже весьма компетентного специалиста. Наиболее подходит на эту роль факт погашения или снятия судимости. Здесь мы разделяем точку зрения Е. Б. Кургузкиной, обозначенную ею, к сожалению, без развернутой аргументации [7, с. 102].

В традиционной юридической доктрине преобладает точка зрения, согласно которой правоотношение рассматривают как внеюридический феномен, элемент «ментальной юриспруденции». Здесь появляется обширное поле для дискуссии по поводу границ правового и неправового. Выделение собственно юридической компоненты не всегда проясняет ситуацию. Цели права, как правило, не могут быть достигнуты исключительно с помощью права. Недостаточно определить права и обязанности сторон, обозначить цели и средства их достижения. Необходимо обладать и соответствующими компетенциями. В наборе компетенций, позволяющих реализовать уголовно-исполнительное правоотношение, центральное место занимает способность осуществлять воспитательное воздействие на осужденного.

Резюмируя вышеизложенное, отметим следующее.

1. Выделение общих правоотношений в пенитенциарной сфере позволяет маневрировать в вопросе определения источника правового воздействия, нивелировать отдельные спорные вопросы в ходе осуществления воспитательной работы с осужденными.

2. Момент окончания уголовно-исполнительного правоотношения должен ассоциироваться не с формальным моментом – отбытием срока наказания, а со сформировавшимся у осужденного устойчивым убеждением двигаться по пути исправления. Наиболее подходит на эту роль факт погашения или снятия судимости.

Библиографический список

1. Бабаев А. Б. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2009. С. 197–264.
2. Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2010. 752 с.
3. Ромашов Р. А. Общая теория пенитенциарного правоотношения // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 4(18)/2015. С. 47–54.
4. Потапов А. М. Об особенностях развития уголовно-исполнительных правоотношений на современном этапе // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 3. С. 36–37.
5. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2. 359 с.

6. Головастова Ю. А. Цели, задачи, принципы уголовно-исполнительного права как основополагающие признаки уголовно-исполнительных правоотношений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10. С. 162–166.

7. Кургузкина Е. Б. Уголовно-исполнительные правоотношения: понятие, классификация, субъекты // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 3. С. 99–102.

References

1. Babaev A. B. Problemy obshchego ucheniya o grazhdanskom pravootnoshenii [Problems of the general theory of civil legal relations]. *Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Civil law: actual problems of theory and practice]. In V. A. Belov (eds.). Moscow: Yurait, 2009, pp. 197–264 [in Russian].

2. Rad'ko T. N. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb [Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt, 2010, 752 p. [in Russian].

3. Romashov R. A. Obshchaya teoriya penitentsiarnogo pravootnosheniya [General theory of penitentiary relations]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Bulletin of the Samara legal institute: scientific and practical journal], 2015, no. 4(18), pp. 47–54 [in Russian].

4. Potapov A. M. Ob osobennostyakh razvitiya ugovovno-ispolnitel'nykh pravootnoshenii na sovremennom etape [On the peculiarities of the development of criminal legal relations at the present stage]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2008, no. 3, pp. 36–37 [in Russian].

5. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, 1982, t. 2, 359 p. [in Russian].

6. Golovastova Yu. A. Tseli, zadachi, printsipy ugovovno-ispolnitel'nogo prava kak osnovopolagayushchie priznaki ugovovno-ispolnitel'nykh pravootnoshenii [Aims, objectives, principles of criminal-executive law as the fundamental features of criminal-executive legal relations]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social Sciences], 2015, no. 10, pp. 162–166 [in Russian].

7. Kurguzkina E. B. Ugolovno-ispolnitel'nye pravootnosheniya: ponyatie, klassifikatsiya, sub"ekty [Criminal executive relations: concept, classification, subjects]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of Voronezh Institute of MIA of Russia], 2018, no. 3, pp. 99–102 [in Russian].

УДК 34.03

Никитюк Сергей Михайлович

кандидат юридических наук,
начальник Пермского института ФСИН России,
Пермский институт ФСИН России,
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125,
e-mail: nauka-perm@yandex.ru

Sergey M. Nikityuk

Candidate of Law,
Chief of Perm Institute of the Federal Penitentiary Service,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service,
Karpinsky str., 125, Perm, Russia, 614012,
e-mail: nauka-perm@yandex.ru

ТЕОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. Статья посвящена специальной форме реализации права, аккумулирующей в себе соблюдение, исполнение и использование юридических норм. Актуальность темы обусловлена необходимостью реформирования механизма государственного управления России, что предполагает, по мнению автора, прежде всего, совершенствование теории правоприменения. Сотрудники правоохранительных органов должны быть заинтересованы в росте своей эффективности и быть жестко нацелены на получение конкретного результата. Раскрываются характерные особенности и черты правоприменительной деятельности правоохранительных органов. В качестве постановки проблемы между собой соотносятся такие понятия, как правоприменительный процесс и правоприменительная деятельность. Делается вывод, что последнее является частью первого. Кроме того, автор анализирует понятия «правоприменительная деятельность правоохранительных органов» и «административная деятельность». Также акцентируется внимание на определении роли и значения правоприменительных актов в отечественной юридической практике. Наиболее распространенной точкой зрения является то, что правоприменительные акты – это конечные результаты правоприменительного процесса. Вместе с тем в работе указано, что с этим не следует бесспорно соглашаться, ибо по каждому промежуточному решению также выносятся правоприменительные акты. Делается вывод, что до настоящего времени ученым-юристам не удалось прийти к единому мнению по вопросам, связанным с понятием и местом правоприменительных актов.

Ключевые слова: реализация права, правоприменение, правоохранительные органы, акты правоприменения, уголовно-исполнительная система.

LAW ENFORCEMENT THEORY AND ENABLING LEGISLATION IN LAW ENFORCEMENT BODIES ACTIVITIES

Summary. The article is devoted to the special form of realization of the right accumulating in itself observance, execution and using of legal norms. The relevance of the topic is due to the need to reform the mechanism of public administration in Russia, which implies, first of all, the improvement of the theory of law enforcement. Law enforcement officers should be interested in increasing their effectiveness and be firmly focused on obtaining a specific result. The characteristic features and features of law enforcement detail of law enforcement agencies are revealed. As a statement of the problem, such concepts as: law enforcement process and law enforcement activities which are related to each other. It is concluded that the latter is a part of the first. In addition, the author analyzes the concept of «law enforcement» and «administrative activities». Attention is also paid to the definition of the role and importance of law enforcement acts in the domestic legal practice.

The most common view is that enforcement acts are the end results of the enforcement process. At the same time, it is stated in the work that this should not be indisputably agreed, since each interim decision is also subject to enforcement acts. It is concluded that with a fairly good study of the problems associated with the concept and place of law enforcement acts, however, to date, legal scholars have not been able to reach a consensus.

Keywords: realization of the right, law enforcement, law enforcement agencies, acts of law enforcement, criminal-executive system.

Эффективность воздействия норм права на общественные отношения обеспечивается наряду с надлежащей организацией правотворчества полной и точной реализацией юридических норм в общественной жизни, их фактическим претворением в поведение людей.

Прежде чем вести речь о правоприменительной деятельности, необходимо отметить признаки, характеризующие применение права как особой формы реализации права.

Правоохранительные органы являются неотъемлемой составляющей механизма государственной власти. В связи с этим применение права, наряду с соблюдением, исполнением правовых норм, выступает важнейшим способом регулирования общественных отношений. Благодаря правоохранительной деятельности, в том числе осуществляемой органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы, авторитарная сущность государства бесспорно связана с соблюдением норм закона. Более того, мы считаем, что именно правоохранительная деятельность способствует нормальному функционированию общественных отношений. Следует отметить, что в процессе применения нормативных правовых актов регулирование общественных отношений осуществляется как в рамках правомерного поведения, так и при совершении лицами правонарушений.

Применение права, прежде всего, направлено на урегулирование индивидуальной практической ситуации. Такая индивидуальность не подразумевает под собой единичного или разового правоприменительного действия, наоборот, содержательная наполненность конкретного отношения обуславливает множественность действий со стороны правоприменителя. Более того, в результате совершения таких действий накапливается информация, юридически полезная часть которой может трансформироваться в норму права. «Следует отметить, – пишет В. Н. Леушин, – что полезный для укрепления законности и совершенствования законодательства опыт накапливается именно в процессе правоприменения» [1, с. 18]. В данном случае накопление информации должно осуществляться в рамках постоянно осуществляемого мониторинга правоприменения.

В силу своей юридической специфики правоприменение является и самой сложной, многогранной формой реализации права. Ему присущи свои особенные черты, направления деятельности (функции), объекты воздействия, субъекты, его осуществляющие, и пр.

Применение права является одной из важнейших форм реализации права. Являясь исключительно индивидуальным организационно-правовым методом осуществления государственно-властной деятельности, такой как исполнительно-распорядительная, контрольно-надзорная и др., применение права во множестве случаев представляет собой сложный комплекс связей и отношений. В данный комплекс входят такие отношения, как материально-правовые, процессуальные, организационные, информационные, психологические и множество иных [2, с. 14].

Сущность правоприменительной деятельности выражается, прежде всего, в вынесении индивидуально-конкретных правовых предписаний, обращенных непосредственно к индивидуально определенным субъектам правоотношений. Такие предписания, именуясь в юридической литературе индивидуально-конкретными, содержатся в самом правоприменительном акте. Индивидуально-конкретные предписания не обладают какой-либо социальной ценностью сами по себе. Они, прежде всего, составляют юридическую основу удовлетворения субъективных прав и исполнения обязанностей. Такие акты применения права по юридической природе являются юридическими фактами, наличие которых необходимо для осуществления регулирующей роли целого ряда правовых норм, а также для возникновения конкретных правоотношений [3, с. 136].

Применение закона всегда осуществляется в процессуальных формах, установленных законом. Это означает, что содержание, последовательность, пределы и условия времени отдельных действий и операций, из которых формируется применение закона, определяются действующим законодательством. Следовательно, применение права в качестве процессуальной деятельности является многоэтапным, длительным во времени и развивающимся в соответствии с процедурными требованиями процессом организационно-авторитетного применения правовых норм [4, с. 21–22].

Применение закона реализуется определенным набором объективных и субъективных обстоятельств. В некоторых случаях субъекты заинтересованы в правоприменении и сознательно создают условия для его возникновения. В других обстоятельствах правоприменительная деятельность может возникать за пределами желаний соответствующего лица и даже вопреки его желанию избежать контакта с законом, например, путем привлечения виновного к ответственности.

В современной юридической науке следующие ситуации служат основанием для поощрения правоохранительных органов «вмешиваться» в процесс правовой реализации:

- необходимость соблюдения правоохранительными органами законности действий, принимаемых сторонами;
- возникновение спора о норме права, по которому стороны могут самостоятельно прийти к согласованному решению;
- наличие препятствий для реализации субъективных прав и правовых обязательств сторон;
- необходимость формально установить наличие или отсутствие конкретных фактов и признать их в качестве юридически значимых фактов;

– установление факта правонарушения и, как следствие, необходимость определения конкретного вида юридической ответственности или мер государственного воздействия на правонарушителя;

– опубликование правоприменительного акта как основы реализации субъективных прав и правовых обязательств сторон [5, с. 43].

Применение права является наиболее сложной формой его реализации. Оно включает в себя одновременно соблюдение некоторых правил, выполнение обязанностей правоохранителей и осуществление принадлежащих им прав. Но самое главное, что отличает эту форму реализации законодательства, – это его организационный, авторитетный характер, его контрольная функция по отношению к осуществлению права другими субъектами. Дело в том, что среди обязательных и дозволяющих правил есть такие, которые не могут быть реализованы их адресатами без особого контроля, помощи и организации со стороны государственных органов. Компетентные правоохранительные органы при осуществлении правоприменения на основании действующих нормативных актов: а) устанавливают наличие субъективных прав и обязанностей; б) определяют время действия или факт прекращения субъективных прав и обязанностей; в) осуществляют контроль за правильностью приобретения прав и наложения обязанностей. Правоприменительная деятельность – это деятельность определенных субъектов по подведению конкретной ситуации под норму права и принятие на ее основе правоприменительного акта.

Правоприменение осуществляется при наличии соответствующих поводов и оснований [6, с. 7]. Хотелось бы также отметить, что теоретически правоприменительный процесс отличается от правоприменительной деятельности. Правоприменительный процесс является составной частью правоприменительной деятельности, можно сказать его сердцевиной.

В результате правоприменения уполномоченный на то субъект выносит юридически властный акт. Вынесение органом или должностным лицом постановлений, приказов, инструкций, издание иных актов по применению правовых норм является частью правоприменительной деятельности. Правоприменительный акт и эффективность его исполнения играет важную роль в достижении цели конкретного правоприменительного процесса и в получении качественного конечного результата.

Применение права в деятельности правоохранительных органов занимает особо важное место, поскольку оно связано с реализацией возложенных на них государством функций. Правоприменительная деятельность правоохранительных органов является важным средством укрепления общественного порядка, общественной безопасности, защиты безопасности человека и т. д.

Субъектами, осуществляющими правоприменительную деятельность, являются правоохранительные органы, их должностные лица и специальные общественные организации [7, 8, 9, 10], наделенные конкретными правами и обязанностями по применению норм права, то есть участвующих в урегулированных нормами права общественных отношениях, возникающих в связи с наступлением конкретных событий, фактов или наличием управленческой цели. Зачастую сотрудники правоохранительных органов имеют дело с нарушениями правил поведения, урегулированных нормами права. Однако это не дает основания такую правоприменительную деятельность определять лишь в качестве «применения принудительных мер к лицам, нарушающим предписание правовой нормы».

Правоприменительная деятельность правоохранительных органов связана с установлением объективной истины. Только на ее основе сотрудники правоохранительного органа могут принять правоприменительные решения в устной, письменной и конклюдентной форме. Именно в ходе установления объективной истины и проявляются специфические признаки правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Общие признаки правоприменительной деятельности характерны и для правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Отдельные этапы правоприменительного процесса правоохранительных органов являются сложными, поскольку работник одновременно вынужден дозировать соотношение по существу факта как с материальным правом, так и с нормами процессуального права. Сам процесс правоприменения носит циклический характер, то есть он постоянно повторяет четыре элемента: установление и изучение фактических обстоятельств дела, выбор и анализ нормы, принятие решения и его обращение к исполнению или исполнение.

Правоохранительная деятельность правоохранительных органов направлена на применение общих правил поведения, установленных законом.

Под правоохранительной деятельностью правоохранительных органов следует понимать государственную деятельность, осуществляемую в пределах своей компетенции при наличии правового факта путем перевода общей инструкции верховенства права на конкретную ситуацию посредством устранения индивидуально конкретных юридических инструкций и их адрес к исполнению или их исполнение.

Подавляющее большинство действий сотрудников правоохранительных органов в рамках своих обязанностей связано с применением закона, поскольку они действуют в соответствии с положениями закона и не имеют права выходить за его рамки. В то же время их действия вызваны фактом определенного поведения лица или возникновением события, вступившего в конфликт с правопорядком, или целью управления, направленной на удержание правоотношения в заданном нормой права состоянии или на их совершенствование, формы и методы которого должны отвечать принципам законности, социальной справедливости и др.

В правоприменительной деятельности правоохранительных органов принимают участие самые разные подразделения. При этом им приходится принимать решения по применению норм административного права и административного процесса, уголовного права и уголовного процесса, норм иных административных актов. Некоторые авторы отождествляют правоприменительную деятельность правоохранительных органов с административной деятельностью. Следует согласиться с Р. Х. Макуевым по поводу отличия этих терминов. Во-первых, при осуществлении и изучении правоприменительной деятельности охватывается лишь часть административной деятельности – применение административных норм права. Во-вторых, здесь исследуется сущность применения не только административных норм, но и норм уголовного права, уголовного процесса, иных нормативных актов. В-третьих, основываясь на общих признаках правоприменительной деятельности, мы изучаем и особенное в правоприменительной деятельности [11, с. 56].

Уже из общей характеристики правоприменительной деятельности становится очевидным заметное место в ней правоприменительных актов. Очень часто встречается мнение, что правоприменительные акты – это конечные результаты правоприменительного процесса. С этим, видимо, не следует спешить соглашаться, ибо по каждому промежуточному решению также выносятся правоприменительные акты. Ученые-юристы неоднократно обращались к исследованию проблем, связанных с понятием и местом правоприменительных актов [12, 13, 14, 15], однако до настоящего времени им не удалось прийти к единому мнению.

Все согласны с тем, что правоприменительные акты издаются специально уполномоченными на то органами или должностными лицами.

По нашему мнению, акты применения норм права являются частью правоприменительной деятельности. Например, вынесение протокола о задержании, постановлений о наложении административного штрафа, возбуждении уголовного дела и т. п. является, несомненно, составной частью правоприменительной деятельности, как и нормы, регулирующие определенные отношения (правовые акты), с фактом нарушения которых связывается правоприменительная деятельность.

Правоприменительные акты также отличаются своими специфическими чертами, признаками, позволяющими провести их обобщение по всей государственной системе.

Обобщение всех точек зрения позволяет прийти к выводу, что черты правоприменительных актов могут быть распределены на две группы: те, что носят общий характер, и те, которые выражают особенности функционально-целевого характера, то есть связанные с особенностями задач, функций и условий объекта воздействия различных ситуаций и т. п.

Общие черты выражают наиболее выразительную и важную особенность правоприменительного акта. Отсутствие отдельных из них выводит правоприменительный акт из документооборота и из правоприменительного процесса.

К общим чертам правоприменительных актов правоохранительных органов относятся: индивидуальность, предсказуемость (то есть основания их издания известны, они предусмотрены нормами права), подзаконность, властный характер, обязательность для исполнения субъектами-адресатами, способность вызвать юридические последствия, связь с конкретной нормой права.

В качестве индивидуальных черт, характеризующих правоприменительные акты правоохранительных органов, необходимо обозначить следующее: их непосредственную связь с функциями и задачами; ведомственную определенность, правомочность их вынесения только определенными должностными лицами; наделенность процессуальными функциями (лицо, производящее дознание, лицо, осуществляющее административное производство, лицо, принимающее управленческое решение и т. п.); утверждаемость их старшим должностным лицом или санкционируемость их прокуро-

ром; вовлеченность большей части субъектов-адресатов в сферу общих запретов; наличие особенностей, связанных с направлениями деятельности правоохранительных органов [11, с. 189].

Правоприменительные акты, вовлеченные в многообразные отношения и ситуации, которыми богата правоприменительная деятельность, отличаются сложностью и обширностью своей классификации.

Библиографический список

1. Леушин В. Н. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск, 1987. 152 с.
2. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1975. 34 с.
3. Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. 172 с.
4. Горшенев В. М., Дюрягин И. Я. Правоприменительная деятельность // Советское государство и право. 1969. № 5. С. 21–28.
5. Захаров А. А. Современные проблемы правоприменения: опыт структурно-функционального анализа // История государства и права. 2009. № 5. С. 39–42.
6. Карташев В. Н. Применение права. Ярославль, 1980. 74 с.
7. Об участии граждан в охране общественного порядка: Федер. закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. Ст. 1536.
8. Васильев С. А. Основные формы взаимодействия полиции с общественностью: проблемы и перспективы развития // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 12. С. 20–22.
9. Казанник А. И. Муниципальная полиция в системе органов местного самоуправления России // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 6. С. 21–25.
10. Киричек Е. В. Правовое регулирование, основные формы, проблемы и перспективы взаимодействия участковых уполномоченных полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 16–20.
11. Макуев Р. Х. Правоприменительная деятельность милиции (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. 524 с.
12. Липинский Д. А. О понятии и функциях актов применения юридической ответственности // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 2–5.
13. Гайворонская Я. В. Система правовых актов Российской Федерации // LEX RUSSICA. 2013. № 8. С. 830–838.
14. Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. 200 с.
15. Александров Н. Г. Применение норм советского социалистического права. М., 1958. 40 с.

References

1. Leushin V. N. Yuridicheskaya praktika v sisteme sotsialisticheskikh obshchestvennykh otnosheniy [Legal practice in the system of socialist social relations]. Krasnoyarsk, 1987, 152 p. [in Russian].
2. Dyuryagin I. Ya. Primeneniye norm sovetского prava i sotsial'noye (gosudarstvennoye) upravleniye. Avtoref. dis. dokt. yurid. nauk [The application of the norms of Soviet law and social (state) management. Extended of doctor's of Law thesis]. Sverdlovsk, 1975, 34 p. [in Russian].
3. Yavich L. S. Problemy pravovogo regulirovaniya sovetskikh obshchestvennykh otnosheniy [Problems of legal regulation of Soviet public relations]. Moscow, 1961, 172 p. [in Russian].
4. Gorshenev V. M., Dyuryagin I. Ya. Pravoprimenitel'naya deyatel'nost' [Law enforcement]. Sovetskoye gosudarstvo i pravo [Soviet state and law], 1969, no. 5, pp. 21–28 [in Russian].
5. Zakharov A. A. Sovremennyye problem pravoprimeneniya: opyt strukturno-funktsional'nogo analiza [Modern problems of law enforcement: the experience of structural and functional analysis]. Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law], 2009, no. 5, pp. 39–42 [in Russian].
6. Kartashev V. N. Primeneniye prava [Application of law]. Yaroslavl, 1980, 74 p. [in Russian].
7. Ob uchastii grazhdan v okhrane obshchestvennogo poryadka: feder. zakon ot 02.04.2014 no. 44-FZ [On the participation of citizens in the protection of public order: feder. law of April 2, 2014,

no. 44-FZ]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 2014, no. 14, st. 1536 [in Russian].

8. Vasil'yev S. A. Osnovnyye formy vzaimodeystviya politsii s obshchestvennost'yu: problem i perspektivy razvitiya [The main forms of police interaction with the public: problems and development prospects]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye* [State Power and Local Government], 2012, no. 12, pp. 20–22 [in Russian].

9. Kazannik A. I. Munitsipal'naya politsiya v sisteme organov mestnogo samoupravleniya Rossii [Municipal police in the system of local governments of Russia]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye* [State Power and Local Government], 2013, no. 6, pp. 21–25 [in Russian].

10. Kirichek Ye. V. Pravovoye regulirovaniye, osnovnyye formy, problem i perspektivy vzaimodeystviya uchastkovykh upolnomochennykh politsii i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation, main forms, problems and prospects of interaction between district police officers and civil society institutions in the Russian Federation]. *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad], 2013, no. 3, pp. 16–20 [in Russian].

11. Makuyev R. Kh. Pravoprimenitel'naya deyatel'nost' militsii (teoretiko-pravovoye issledovaniye). Diss. dokt. yurid. nauk [Enforcement activities of the police (theoretical and legal research). Doctor's of Law thesis]. Moscow, 1994, 524 p. [in Russian].

12. Lipinskiy D. A. O ponyatii i funktsiyakh aktov primeneniya yuridicheskoy otvetstvennosti [On the concept and functions of acts of application of legal responsibility]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2013, no. 5, pp. 2–5 [in Russian].

13. Gayvoronskaya Ya. V. Sistema pravovykh aktov Rossiyskoy Federatsii [The system of legal acts of the Russian Federation]. *LEX RUSSICA* [LEX RUSSICA], 2013, no. 8, pp. 830–838 [in Russian].

14. Lazarev V. V. Primeneniye sovetского права [The use of Soviet law]. Kazan', 1972, 200 p. [in Russian].

15. Aleksandrov N. G. Primeneniye norm sovetского sotsialisticheskogo prava [Application of the norms of Soviet socialist law]. Moscow, 1958, 40 p. [in Russian].

УДК 343.8

Петроградская Альбина Александровна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры профессиональных дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: inst@samlawin.ru

Albina A. Petrogradskaya

Candidate of Law,
Senior Lecturer of the Professional Disciplines Department
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryl'skaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: inst@samlawin.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация. Органы местного самоуправления как публичные образования выступают участниками различных отношений, возникающих в муниципальном образовании. Федеральное законодательство регулирует их участие в гражданско-правовых, финансовых, административно-правовых и других правоотношениях. Примечательно, что в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом РФ особая роль им отводится в отношениях с органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы РФ. Взаимодействие учреждений уголовно-исполнительной системы с органами местного самоуправления по вопросу укрепления законности и обеспечения правопорядка реализуется с учетом возложенных на них функций и полномочий соответствующих должностных лиц. Отмечается, что многофункциональная деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, а также органов местного самоуправления во многом совпадает по целям и задачам. Более того, наличие достаточного количества точек соприкосновения этих органов становится базой для успешного их взаимодействия по осуществлению правозащитной деятельности. Объединение усилий учреждений уголовно-исполнительной системы с органами местного самоуправления в процессе их взаимодействия, концентрированное и эффективное использование их информационного, организационного, правового, интеллектуального и иного потенциала играет немаловажную роль в деле укрепления законности. В статье показаны основные направления взаимодействия органов местного самоуправления и учреждений уголовно-исполнительной системы в области охраны правопорядка.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, учреждения уголовно-исполнительной системы, взаимодействие, охрана правопорядка, обязательные работы, исправительные работы.

THE MAIN THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF INTERACTION OF PENAL BODIES AND ESTABLISHMENTS WITH LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE LAW ENFORCEMENT SPHERE

Summary. Local authorities as public entities are participants in various relations arising in the municipality. Federal legislation regulates their participation in civil, financial, administrative and other legal relations. It is noteworthy that in accordance with the Criminal Executive Code of the Russian Federation a special role is assigned to them in relations with the penal bodies and institutions of the Russian Federation. Cooperation between the penal institutions and local self-government bodies on strengthening the rule of law is carried out taking into account the functions and powers of their respective officials. It is noted that the multifunctional activities of the penal institutions, as well as local self-government bodies, largely coincide in their goals and objectives. Moreover, the existence of a sufficient number of contact points between these bodies creates a favorable basis for their successful interaction in the implementation of human rights activities. Combining the efforts of penal institutions with local self-government bodies in the process of their interaction, the concentrated and effective use of their information, organizational, legal, intellectual and other potential plays an important role in strengthening the rule of law. The article shows the main directions of interaction between local authorities and penal institutions in the law enforcement sphere.

Keywords: local authorities, penal institutions, cooperation, law enforcement, compulsory work, correctional work.

Важнейшей характеристикой современного Российского государства является глубокое реформирование его политической, социальной, экономической, духовной и иных сфер государственной

и общественной жизни. Создаются необходимые предпосылки для того, чтобы государственные органы, которые осуществляют правоохранительную деятельность, стали надежными звеньями системы, обеспечивающей гражданам их права и свободы.

В рамках новой парадигмы развития государства важнейшую роль играют органы местного самоуправления. В связи с тем что они реализуют самостоятельное решение населением вопросов местного значения, данные органы должны иметь право определять, при помощи каких сил, средств, способов и методов решать стоящие перед ними задачи, в том числе и в сфере охраны правопорядка. Поэтому актуальным становится вопрос полномочий муниципальных органов в указанной сфере.

Конституция Российской Федерации 1993 г. и Федеральный закон от 6 августа 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] сформировали законные предпосылки для того, чтобы органы местного самоуправления могли реализовывать функцию обеспечения правопорядка. В ст. 132 Конституции РФ закреплено положение, в соответствии с которым органы местного самоуправления уполномочены самостоятельно осуществлять охрану общественного порядка на подведомственных им территориях. ФЗ № 131 относит вопрос охраны общественного порядка к вопросам местного значения и к числу предметов ведения местного самоуправления [2, с. 84].

Охрана правопорядка является важнейшим условием обеспечения на территории муниципального образования режима законности и общественной безопасности.

Основными функциями органов местного самоуправления в деле обеспечения правопорядка являются:

- создание условий для эффективной работы правоохранительных органов;
- постановка задач и разработка программ, направленных на обеспечение правопорядка;
- участие в обеспечении правопорядка, привлечение для этих целей граждан.

В процессе реализации функций по охране правопорядка органы местного самоуправления взаимодействуют с органами государственной власти, территориальными органами МВД, другими государственными и муниципальными структурами. При этом под взаимодействием мы понимаем взаимную поддержку, совместные действия, работу, взаимную помощь в деле охраны правопорядка. Важной характеристикой такого взаимодействия является согласованность всех совместных действий.

Основными элементами механизма взаимодействия является собственно организация взаимодействия, а также его реализация и последующие управление и регулирование.

Реализуя функцию охраны правопорядка, местное самоуправление взаимодействует в том числе и с учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Совместная деятельность органов местного самоуправления и учреждений уголовно-исполнительной системы, использование в процессе взаимодействия их информационного, организационного, правового, интеллектуального и иного потенциала играет важную роль в деле охраны правопорядка.

Взаимодействие учреждений УИС и органов МСУ осуществляется в организационных и функциональных формах.

Организационными формами взаимодействия являются:

- определение правовых основ взаимодействия;
- создание совместных координационных и совещательных органов;
- разработка комплексных программ по обеспечению правопорядка, планов совместных мероприятий;
- совместное планирование проводимых мероприятий;
- согласование принимаемых решений.

Функциональными формами взаимодействия являются:

- проведение совместных мероприятий и операций;
- взаимный обмен информацией;
- коллегиальная подготовка информации для представления в вышестоящие органы.

Взаимодействие указанных органов и учреждений осуществляется в процессе совместного участия в совещаниях, собраниях, коллегиях и мероприятиях, направленных на охрану правопорядка.

Направлений подобного взаимодействия несколько.

Так, в рамках согласованного взаимодействия органы МСУ и УИС определяют объекты и места, на которых приговоренные к обязательным или исправительным работам могут отбывать наказание. Кроме того, территориальные органы и учреждения УИС по согласованию с органами МСУ определяют границы территорий, прилегающие к подведомственным учреждениям, на которых устанавливаются режимные требования.

Администрации органов МСУ, исходя из потребностей того или иного муниципального образования в озеленении и благоустройстве территорий, ремонтных и других работах, определяют объекты, на которых осужденные к обязательным работам будут отбывать наказание [3].

Таким образом, уголовно-исполнительные инспекции, обеспечивающие во взаимодействии с органами МСУ исполнение наказания в виде обязательных работ, выполняют важнейшие задачи, направленные на борьбу с преступностью, профилактику рецидивов, а также отчасти социализацию и ресоциализацию осужденных. С другой стороны, органы МСУ, взаимодействуя и сотрудничая с учреждениями и органами УИС, получают рабочую силу на важную, но низкооплачиваемую и непрестижную работу.

Согласно ст. 50 УК РФ исправительные работы могут быть назначены как осужденному, имеющему постоянное место работы, так и гражданам, не имеющим его. Соответственно в первом случае осужденный отбывает наказание на своей основной работе, а во втором – в тех местах, которые будут определены органами МСУ по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе его постоянного места жительства. Очевидно, что при отбывании наказания по основному месту работы особых трудностей не возникает, однако при определении места для отбывания исправительных работ органам МСУ необходимо каким-либо способом заинтересовать работодателей трудоустраивать осужденных к исправительным работам. Решить данную проблему возможно посредством проработки вопросов, связанных с квотированием рабочих мест на предприятиях и в организациях. Для этого в соответствующих нормативно-правовых актах целесообразно закрепить квотирование рабочих мест для осужденных к наказанию в виде исправительных работ, а также разработать ряд льгот для работодателей, чтобы заинтересовать их принимать на работу данную категорию осужденных.

В качестве примера можно привести Забайкальский край, где для того, чтобы стимулировать работодателей предоставлять рабочие места осужденным к исправительным работам, предусмотрено снижение на 4 % налога на прибыль организациям, которые определены органами местного самоуправления как место исправительных работ. При этом сумма снижения налога на прибыль организаций, трудоустроивших осужденных к отбыванию исправительных работ, за отчетный период не должна превышать 100 % заработной платы, начисленной лицам, отбывающим исправительные работы [4].

Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с органами местного самоуправления является важнейшей составляющей исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. ФСИН России каждый год в рамках действующего законодательства и нормативной базы уголовно-исполнительной системы и местного самоуправления разрабатывает документы, регламентирующие их взаимодействие в отношении осужденных без изоляции от общества.

Также ФСИН России осуществляет постоянную работу с органами местного самоуправления по вопросам формирования условий для эффективного функционирования уголовно-исполнительных инспекций, в первую очередь по предоставлению помещений для их размещения, которые по мере возможности администрациями выделяются. Совместно с органами местного самоуправления и учреждениями государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних уголовно-исполнительные инспекции занимаются организацией обучения, трудовой деятельности, летней занятости, досуга осужденных, ведут просветительскую работу и т. д.

Для содействия социальной адаптации и ресоциализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, в состав общественных советов также включены представители органов местного самоуправления. Большую методическую помощь в работе общественных советов оказывают ветераны уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, взаимодействие учреждений уголовно-исполнительной системы с органами местного самоуправления по вопросам исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, осуществляется весьма продуктивно.

Однако эффективно функционирующих инструментов привлечения к труду осужденных к лишению свободы на сегодняшний день очень мало. На данный момент не организовано четкое взаимодействие между органами местного самоуправления и исправительными учреждениями ФСИН России в сфере совместного привлечения к труду осужденных к лишению свободы, а если оно и существует, то носит разовый характер, как правило, связано с выполнением отдельных заказов и услуг, например, уборка снега с крыш и т. д.

Между тем именно рост трудовой активности осужденных, мотивация к труду и прямая заинтересованность в результативности как индивидуального, так и коллективного труда должны положительно влиять на улучшение условий содержания осужденных и обеспечения их социальной защищенности. Следовательно, в условиях рыночной экономики важно максимально полно реализовать принцип экономического стимулирования осужденных, совершенствовать механизм оплаты их труда, что в свою очередь станет эффективным стимулом для развития производства в исправительных учреждениях и одним из важнейших резервов как совершенствования экономики, так и активизации социально-нравственных стимулов ресоциализации осужденных. Поэтому материальная и иная поддержка исправительных учреждений должна стать одним из основных элементов взаимодействия органов МСУ и учреждений УИС.

Такого рода поддержка со стороны органов МСУ будет серьезным подспорьем для предприятий исправительных учреждений, а кроме того, позволит значительно улучшить материальное положение осужденных и привести его в соответствие с требованиями международно-правовых стандартов и уголовно-исполнительного законодательства РФ [5].

Исследуя виды взаимодействия органов МСУ с учреждениями УИС, следует упомянуть также и возможность участия представителей местного самоуправления в работе комиссии исправительного учреждения, занимающейся переводом осужденных из одних условий отбывания наказания в другие.

Кроме того, органы МСУ принимают участие и в исполнении наказаний в отношении осужденных военнослужащих, к примеру, они оказывают помощь командованию дисциплинарной воинской части в проведении воспитательной работы с осужденными военнослужащими [6, с. 12].

Взаимодействие органов и учреждений УИС и МСУ в деле укрепления законности осуществляется с учетом тех полномочий и функций, которые возложены на соответствующих должностных лиц, для защиты прав и свобод человека и гражданина, законности, правопорядка, общественной безопасности. В свою очередь органы МСУ, обеспечивая на своих территориях соблюдение прав и свобод граждан, охрану муниципальной собственности, общественного порядка, принимая меры по предупреждению преступлений и правонарушений, самостоятельно решают вопросы местного значения в пределах своей компетенции. Таким образом, деятельность учреждений и органов УИС и МСУ сходна по многим целям и задачам. Результатом наличия множества точек соприкосновения в работе уголовно-исполнительных инспекций и органов местного самоуправления является благоприятная база для их эффективного взаимодействия в деле охраны правопорядка [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у органов местного самоуправления и УИС просматривается общий вектор взаимодействия – это укрепление законности в стране, защита прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства, охрана правопорядка.

Взаимодействие органов и учреждений УИС и органов местного самоуправления по вопросам охраны правопорядка предполагает совместную, согласованную, основанную на законе деятельность по решению задач обеспечения правопорядка посредством различных законодательно установленных методов и инструментов.

Важность взаимодействия органов местного самоуправления с учреждениями уголовно-исполнительной системы обусловлена необходимостью обеспечения правопорядка и законности.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.11.2018) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 18.02.2019).

2. Бахтиев Т. Ш. Полномочия органов местного самоуправления в области обеспечения правопорядка // Государственная власть и местное самоуправление в современный период: сборник научных статей по итогам работы за 2016 г. методологического семинара преподавателей, магистрантов и студенческого научного кружка «Проблемы государственной власти и местного самоуправления». Стерлитамак, 2017. С. 83–85.

3. Дазмарова Т. Н. Организация взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами местного самоуправления на современном этапе // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 97–100.

4. Аминов И. Р. История становления и развития полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения законности и правопорядка // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 2(76). С. 14–18.

5. Упоров А. Г., Инин А. О. Взаимодействие органов местного самоуправления с исправительными учреждениями ФСИН России как инструмент привлечения к труду осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы научно-практической конференции 15–16 ноября 2012 г. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2013. С. 70–74

6. Усманова Р. М. Участие органов местного самоуправления в исполнении уголовных наказаний // Актуальные вопросы местного самоуправления в Российской Федерации: сборник научных статей по итогам I Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню местного самоуправления / отв. ред. Р. М. Усманова. Стерлитамак, 2018. С. 11–15.

7. Газзалов В. В. Проблемы реализации полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения безопасности и обороны страны, законности и правопорядка в РФ // Аллея науки. 2017. Т. 3. № 9. С. 652–657.

References

1. Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 No. 131-FZ (red. ot 30.10.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.11.2018). [About the General principles of the organization of local government in the Russian Federation]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 18.11.2018) [in Russian].

2. Bahtiev T. Sh. Polnomochiya organov mestnogo samoupravleniya v oblasti obespecheniya pravoporyadka [Powers of local self-government bodies in the field of law enforcement]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie v sovremennyj period. Sbornik nauchnyh statej po itogam raboty za 2016 god metodologicheskogo seminaru prepodavatelej, magistrantov i studencheskogo nauchnogo kruzha «Problemy gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravleniya»* [State power and local self-government in the modern period: collection of scientific articles on the results of the 2016 methodological seminar of teachers, teachers and students' scientific circle «Problems of state power and local self-government»]. Sterlitamak, 2017, pp. 83–85 [in Russian].

3. Dazmarova T. N. Organizaciya vzaimodejstviya ugovovno-ispolnitel'nyh inspekcij s organami mestnogo samoupravleniya na sovremennom etape [Organization of interaction of criminal Executive inspections with local authorities at the present stage]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment], 2014, no. 4, pp. 97–100 [in Russian].

4. Aminov I. R. Istoriya stanovleniya i razvitiya polnomochij organov mestnogo samoupravleniya v sfere obespecheniya zakonnosti i pravoporyadka [History of formation and development of powers of local governments in the field of law and order]. *Vestnik Ufinskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa law Institute of the Russian interior Ministry], 2017, no. 2(76), pp. 14–18 [in Russian].

5. Uporov A. G., Inin A. O. Vzaimodejstvie organov mestnogo samoupravleniya s ispravitel'nymi uchrezhdeniyami FSIN Rossii kak instrument privlecheniya k trudu osuzhdyonnyh k lisheniyu svobody [Interaction of local authorities with the correctional facilities of the Federal penitentiary service of Russia as an instrument of labour of persons sentenced to deprivation of liberty]. *Ugovovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Criminal-Executive system today: interaction of science and practice: materials of scientific-practical conference]. Novokuznetsk, 2013, pp. 70–74 [in Russian].

6. Usmanova R. M. Uchastie organov mestnogo samoupravleniya v ispolnenii ugovolnyh nakazaniy [Participation of local authorities in the execution of criminal penalties]. *Aktual'nye voprosy mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: sbornik nauchnyh statej po itogam I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj Dnyu mestnogo samoupravleniya* [Topical issues of local self-government in the Russian Federation: collection of scientific articles on the results of the I all-Russian scientific and practical conference dedicated to the Day of local self-government]. Sterlitamak, 2018, pp. 11–15 [in Russian].

7. Gazzalov V. V. Problemy realizacii polnomochij organov mestnogo samoupravleniya v sfere obespecheniya bezopasnosti i oborony strany, zakonnosti i pravoporyadka v RF [Problems of realization of powers of local governments in the sphere of security and defense of the country, law and order in the Russian Federation]. *Alleya nauki* [Alley of science], 2017, t. 3, no. 9, pp. 652–657 [in Russian].

УДК 343.8

Самиулина Яна Валерьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры профессиональных дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: yanasam-09@mail.ru

Yana V. Samiulina

Candidate of Law,
Assistant Professor of the Professional Disciplines Department,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: yanasam 09@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка разработки единого подхода к пониманию сущности таких понятий, как немущественный вред юридического лица и вред деловой репутации, причиненный преступлением. Автором рассматриваются различные точки зрения на определение и понимание указанных понятий, анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства в части исследуемых вопросов.

На основании проведенного исследования обосновывается предложение о необходимости доработки законодательной интерпретации понятия «моральный вред» применительно к юридическому лицу путем введения в уголовно-процессуальное законодательство такого понятия, как «немущественный вред, причиняемый юридическому лицу». В частности, дополнить ч. 1 ст. 42 УПК РФ формулировкой следующего содержания: «...а также юридическое лицо в случае причинения ему преступлением имущественного или немущественного вреда». Соответственно в ч. 1 ст. 44 УПК РФ следует включить указание на возможность заявлять гражданский иск не только для имущественной компенсации морального, но и иного немущественного вреда, причиненного преступлением.

Полагаем, предложенные законодательные дополнения позволят расширить возможность защиты немущественных прав юридического лица в российском уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: преступление, потерпевший, юридическое лицо, законодательство, немущественный вред, деловая репутация.

PROBLEMS OF REDRESS OF NON-PROPERTY DAMAGE ON CRIMES AGAINST LEGAL ENTITIES

Summary. This article attempts to develop a unified approach to understanding the essence of such concepts as non-property damage of a legal entity and damage to business reputation caused by a crime. The author examines various points of view on the definition and understanding of these concepts, analyzes the norms of criminal procedure legislation regarding the issues under study.

Based on the study, a proposal is substantiated on the need to refine the legal interpretation of the concept of «moral damage» in relation to a legal entity by introducing into the criminal procedural law such a thing as «non-property damage caused to a legal entity». In particular, to add part 1 of Art. 42 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with the following wording: «... as well as a legal entity in the event of property or non-material damage to it by a crime». Accordingly, in Part 1 of Art. 44 of the Code of Criminal Procedure should include an indication of the possibility to file a civil lawsuit not only for property compensation for moral, but also other non-property damage caused by the crime.

We believe that the proposed legislative amendments will expand the possibility of protecting the non-property rights of a legal entity in Russian criminal proceedings.

Keywords: victim, legal entity, crime, legislation, damage, business reputation.

Проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, имеют комплексное правовое регулирование, что вызывает интерес у исследователей. Для их разрешения применяются нормы не только уголовно-процессуального, но и гражданского и гражданско-правового законодательства.

Несмотря на то что по данным официальной статистики суммы причиненного преступлением вреда юридическим лицам ежегодно увеличивается [1, с. 4], действующий механизм реального его возмещения недостаточно совершенен. Одной из существенных проблем остается защита немущественных прав юридических лиц от преступных посягательств. В связи с этим существует необходимость, с одной стороны, разработки направлений его совершенствования, с другой

стороны – поиска новых эффективных способов защиты прав юридических лиц, потерпевших от преступлений.

Для вступления физического или юридического лица в уголовно-процессуальные отношения в качестве потерпевшего необходимо формально юридическое и фактическое основание [2, с. 102]. Юридической основой является процессуальный документ, составленный в форме, определенной Уголовно-процессуальным кодексом. Исходя из трактовки ч. 1 ст. 42 УПК РФ фактическим основанием признания юридического лица потерпевшим в уголовном судопроизводстве выступает причинение преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В соответствии со ст. 23 УПК РФ поводом к возбуждению уголовного дела, где ущерб причинен юридическому лицу, является заявление руководителя о совершении преступных посягательств в отношении возглавляемого им предприятия (учреждения). В целях защиты и представления своих интересов в уголовном судопроизводстве юридическое лицо привлекает представителя (ч. 9 ст. 42 УПК РФ), который в соответствии с ч. 3 ст. 45 УПК РФ наделен правами, аналогичными с представляемым им лицом. Для принудительного взыскания причиненного уголовным правонарушением ущерба законом предусмотрено в уголовном производстве право подачи гражданского иска. Поэтому в случае предъявления представителем потерпевшего требования о возмещении причиненного юридическому лицу вреда он должен быть признан гражданским истцом.

Под имущественным ущербом понимаются убытки материального характера юридического лица. Например, лицом могут быть понесены расходы для восстановления нарушенного права, а также неполученные доходы (упущенная выгода), которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. На основании ст. 1064 ГК РФ такой вред подлежит возмещению в полном объеме, что дает право предъявлять гражданский иск в порядке ст. 44 УПК РФ.

Уголовным законодательством предусмотрена защита не только имущества, но и деловой репутации юридического лица, которая может пострадать от действий подозреваемого (обвиняемого). Например, ущерб, причиненный в результате преступных действий, подрывающих деловую репутацию юридического лица, может наступить при совершении таких составов преступлений, как ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ); незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ); незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ); манипулирование рынком (ст. 185.3 УК РФ); воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4 УК РФ) и некоторых других.

Юридический анализ указанных составов позволяет констатировать, что при совершении этих деяний вред деловой репутации юридического лица страдает опосредованно. Например, непосредственный объект ст. 170.1 УК РФ – отношения по установленному законодательством учету юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и учету ценных бумаг, ст. 178 УК РФ – установленный порядок осуществления законной предпринимательской деятельности и добросовестная конкуренция.

Так, в апреле 2018 г. по материалам управления Федеральной антимонопольной службы по Самарской области было возбуждено уголовное дело по ст. 30, ч. 2 ст. 178, ч. 1 ст. 286 УК РФ в отношении бывшего замминистра здравоохранения Самарской области, руководителя управления организации обеспечения медицинской техникой департамента фармации, двух сотрудников компании «ДжиИ Хэлскеа», директора, заместителя директора и инженера ООО «Современные медицинские технологии». Установлено, что целью антиконкурентных соглашений явилось обеспечение победы в электронном аукционе ООО «Современные медицинские технологии» с минимальным снижением цены на торгах [3].

Кроме того, к проблемам практики разрешения вопросов возмещения вреда юридическому лицу причиненным преступлением следует отнести отсутствие в действующем российском законодательстве легального определения понятия «деловая репутация». В то же время в правовой теории указывается ее огромное значение для хозяйствующего субъекта. Традиционно деловая репутация относится к разновидности нематериальных благ и исследователями определяется как «совокупность качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, избирателей» [4, с. 64].

Понятие нематериальных благ содержится в гражданском законодательстве и позволяет выделить три группы, принадлежащие юридическому лицу. Разделяя позицию О. А. Пешковой, к первой группе относятся блага, направленные на формирование индивидуализации юридического

лица (фирменное наименование, товарный знак, а также деловая репутация). Вторую группу составляют коммерческая, служебная тайна, тайна переписки и телефонных переговоров, обеспечивающие автономию субъекта. Блага, возникающие из интеллектуальной деятельности, к которым следует отнести изобретения, патенты, промышленные образцы и т. д., автором включены в третью группу нематериальных благ юридического лица [5].

В связи с изложенным, полагаем, что построение нормы ст. 42 УПК РФ явно ущемляет права потерпевшего от преступных посягательств юридического лица, в сравнении с потерпевшим физическим лицом. Действующая редакция ч. 1 ст. 42 УПК РФ охватывает указание фактического основания признания юридического лица потерпевшим лишь в случае причинения вреда имуществу и нарушению деловой репутации, то есть без указания на защиту иных нематериальных благ юридического лица, которым может быть причинен вред при совершении общественно опасного деяния. Например, незаконное использование средств индивидуализации компании или юридического лица (ст. 180 УК РФ), разглашение коммерческой тайны предприятия или организации (ст. 183 УК РФ) и т. д.

Таким образом, неимущественный вред, причиненный преступлением юридическому лицу, – это потери неимущественного характера, наступившие в связи с унижением его деловой репутации; посягательством на фирменное наименование, товарный знак, производственную марку; разглашение коммерческой тайны, а также совершением действий, направленных на снижение престижа или подрыв доверия к его деятельности.

Юридическое лицо создается для достижения конкретных целей, и любое противоправное воздействие на его нематериальные блага способно причинить ему вред, который в юридической литературе принято называть «вред нематериальным благам» или «нематериальный вред». Обладая наравне с физическими лицами определенными имущественными и неимущественными правами, юридические лица, участвуя в уголовном производстве в качестве потерпевшего, стремятся, прежде всего, восстановить свои нарушенные права посредством возмещения причиненного вреда. Поэтому согласно п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ принимаются меры к доказыванию характера и размера вреда, причиненного преступлением, что влияет не только на обоснованность привлечения к уголовной ответственности, на правильность юридической оценки действий виновного, но и на положительный исход в рассмотрении гражданского иска в суде.

В связи с этим особую важность представляют правовые позиции, изложенные Верховным судом РФ и отражающие тенденции судебной практики. Так, в постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 [6] содержится определение распространения сведений, порочащих деловую репутацию юридических лиц, под которыми понимается опубликование сведений в печати, а также трансляция по радио и телевидению и других СМИ, распространение в сети Интернет. К распространению Верховный суд рекомендовал также отнести такие сведения путем изложения их в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях.

Таким образом, можно констатировать, что в приведенных разъяснениях Верховный суд связал деловую репутацию с моральным вредом. Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 44 УПК РФ законодатель предусмотрел возможность признания гражданским истцом в уголовном судопроизводстве не только физическое, но и юридическое лицо. По смыслу указанной нормы, гражданский истец может предъявить иск и для имущественной компенсации морального вреда. При этом в случае причинения вреда деловой репутации юридического лица согласно п. 7 ст. 152 ГК РФ существует возможность получения юридическим лицом компенсации морального вреда. На истце в таком случае лежит бремя доказывания двух обстоятельств: во-первых, наличия у него сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений (промышленности, бизнесе, услугах, образовании и т. д.), во-вторых, наступления для него неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений, факта утраты доверия к его репутации или ее снижение.

Полагаем, что такая ситуация законодателем должна быть пересмотрена, поскольку перечисленные законодательные нормы противоречат положению ч. 1 ст. 42 УПК РФ, по смыслу которой общественно опасным деянием юридическому лицу возможно причинение только двух видов вреда: имущественного и вреда деловой репутации. Указанные противоречия требуют своего разрешения. Например, использовать опыт стран ближнего зарубежья, закрепляющих возможность возмещения морального вреда юридическим лицам, выступающим потерпевшей стороной от преступных посягательств. Так, УПК Азербайджанской Республики признает причинение морального вреда юридическому лицу и согласно ст. 87.3 допускает признание его потерпевшим.

В соответствии с положениями ст. 71 УПК Республики Казахстан потерпевшим в уголовном процессе признается лицо, в отношении которого есть основание полагать, что ему непосредственно преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Согласно ст. 61 УПК Республики Молдова гражданским истцом признают физическое или юридическое лицо, которым в результате преступления причинен материальный или моральный вред [1, с. 56–63].

Однако, по нашему мнению, применение к юридическому лицу термина «моральный вред» не совсем удачно, поскольку «нематериальный вред юридическому лицу – совсем иная сущность, нежели переживания лица физического, однако для организации как для субъекта прав не менее важная» [7, с. 60].

Таким образом, законодателем в действующей на сегодняшний день редакции для признания юридического лица потерпевшим делается акцент на два фактических основания – причинение вреда имуществу и деловой репутации. Полагаем, что с учетом всех присущих юридическому лицу свойств и признаков оно вправе в рамках уголовно-процессуального законодательства претендовать на специальное нормативное регулирование возмещения ему не только имущественного вреда. В связи с этим в отношении юридического лица следует в УПК РФ внести специальное указание на возможность признания его потерпевшим и при причинении вреда его неимущественному благу (деловой репутации; фирменному наименованию, товарному знаку, производственной марке; коммерческой тайне);

используя привычную для российских правоведов терминологию, обозначить такой вред как «неимущественный вред, причиненный юридическому лицу», закрепив данное понятие в ч. 1 ст. 42 УПК РФ: «...а также юридическое лицо в случае причинения ему преступлением имущественного или неимущественного вреда»;

соответственно в ч. 1 ст. 44 УПК РФ также внести указание на возможность заявлять гражданский иск «...для имущественной компенсации морального и иного неимущественного вреда, причиненного преступлением».

Полагаем, предложенные законодательные дополнения позволят расширить возможность защиты неимущественных прав юридического лица.

Библиографический список

1. Баловнева В. И. Обеспечение защиты имущественных и неимущественных прав потерпевшего юридического лица в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018. 220 с.
2. Самиулина Я. В., Кузовенкова Ю. А. Признание лица потерпевшим по уголовному делу // *Legal Concept*. 2017. Т. 16. № 3. С. 101–105.
3. Первое в 2018 г. уголовное дело о картеле направлено в суд [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС. URL: <https://fas.gov.ru/news/24682> (дата обращения: 25.12.2018).
4. Яровикова Л. И. Деловая репутация юридического лица // *Юрист*. 2001. № 3. С. 64–67.
5. Пешкова О. А. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических лиц [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/1518> (дата обращения: 25.12.2018).
6. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.12.2018).
7. Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н. Гражданско-правовой механизм защиты деловой репутации в России: панорамный обзор // *LEX RUSSICA*. 2018. № 1(134). С. 57–69.

References

1. Balovneva V. I. Obespecheniye zashchity imushchestvennykh i neimushchestvennykh prav poterpevshego yuridicheskogo litsa v ugovolnom sudoproizvodstve. Diss. kand. yurid. nauk [Ensuring the protection of property and non-property rights of the victim a legal entity in criminal proceedings. Candidate's of Law thesis]. Tomsk, 2018, 220 p. [in Russian].
2. Samiulina Ya. V., Kuvovenkova Yu. A. Priznaniye litsa poterpevshim po ugovolnomu delu [Acknowledgment of a person as a victim in a criminal case]. *Legal Concept* [Legal Concept], 2017, v. 16, no. 3, pp. 101–105 [in Russian].

3. Pervoye v 2018 godu ugovnoye delo o kartele napravleno v sud [The first criminal case of the cartel in 2018 was sent to court]. *Ofits. sayt FAS* [Official FAS website]. URL: <https://fas.gov.ru/news/24682> (Accessed: 12.25.2018) [in Russian].

4. Yarovikova L. I. Delovaya reputatsiya yuridicheskogo litsa [Business reputation of a legal entity]. *Yurist* [Lawyer], 2001, no. 3, pp. 64–67 [in Russian].

5. Peshkova O. A. Zashchita delovoy reputatsii i drugih nematerial'nykh blag yuridicheskikh lits [Protection of business reputation and other non-material benefits of legal entities]. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/1518> (Accessed: 12.25.2018) [in Russian].

6. O sudebnoy praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoy reputatsii grazhdan i yuridicheskikh lits [On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24, 2005 no. 3]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 12.25.2018) [in Russian].

7. Nevzgodina Ye. L., Parygina N. N. Grazhdansko-pravovoy mekhanizm zashchity delovoy reputatsii v Rossii: panoramnyy obzor [Civil law mechanism of protection of business reputation in Russia: a panoramic view]. *LEX RUSSICA* [LEX RUSSICA], 2018, no. 1 (134), pp. 57–69 [in Russian].

УДК 343.8

Скиба Андрей Петрович

доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России,
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1,
e-mail: apskiba@mail.ru

Andrey P. Skiba

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of the Criminal Executive Law,
Academy of Law Management of the Federal Penitentiary
Service of Russia,
Sennaya str., 1, Ryazan, Russia, 390000,
e-mail: apskiba@mail.ru

Родионов Алексей Владимирович

доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики и менеджмента,
Академия ФСИН России,
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1,
e-mail: avrpost@bk.ru

Alexey V. Rodionov

Doctor of Economy,
Professor of the Economy and management department,
Academy of Law Management of the Federal Penitentiary
Service of Russia,
Sennaya str., 1, Ryazan, Russia, 390000,
e-mail: avrpost@bk.ru

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ ОСУЖДЕННОГО
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ, ШВЕЙЦАРИИ И США**

Аннотация. В статье приводятся результаты сравнительно-правового исследования норм законодательства России, Швейцарии и США, регулирующих вопросы освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного. Выявлены отдельные проблемы российского регулирования освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного (процедура медицинского освидетельствования ориентирована только на лиц, отбывающих лишение свободы, но не других наказаний; при таком освобождении от отбывания наказания не достигается ни одна из целей уголовно-исполнительного законодательства; в ст. 81 УК РФ установлена лишь одна форма постпенитенциарного контроля (суд вправе (не обязан) назначить принудительные меры медицинского характера) при фактическом игнорировании иных освободившихся лиц, не имевших психические расстройства; отсутствует предписание обязательного возвращения вылечившихся лиц, ранее освобожденных в связи с болезнью, обратно в исправительное учреждение для продолжения оказания на них исправительного воздействия; имеют место коллизии законодательства в данной сфере (между ст. 81 УК РФ и ст. ст. 26 и 42 УИК РФ; между ст. 175 УИК РФ и ст. 399 УПК РФ)), которые предлагается разрешить, в том числе с учетом зарубежного опыта в изучаемой сфере.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, исправление, больные осужденные, США, Швейцария.

**EXEMPTION FROM PUNISHMENT IN CONNECTION WITH CONVICTS' ILLNESS UNDER
THE LEGISLATION OF RUSSIA, SWITZERLAND AND THE USA**

Summary. The article presents the results of a comparative legal study of the legislation of Russia, Switzerland and the United States, regulating the issues of exemption from punishment in connection with the disease of the convict. Certain problems of the Russian regulation of release from serving of punishment in connection with illness of the condemned are revealed (procedure of medical examination is focused only on the persons serving imprisonment, but not other punishments; at such release from serving of punishment none of the purposes of the criminal Executive legislation is reached; in art. 81 criminal code of the Russian Federation established only one form of post-penitentiary control (the court is entitled (not obliged) to appoint, for compulsory measures of a medical nature) in the actual neglect of other liberated individuals, who had no mental disorders; there is no provision for an obligatory return recovered individuals previously vacated in connection with the disease, back to the correctional facility to continue being subjected to correction; we have the conflict of legislation in this area (between the article 81 of the criminal code and articles 26 and 42 of the penal enforcement code; article 175 of the penal enforcement code and article. 399 code of criminal procedure)), which are proposed to be resolved, including taking into account foreign experience in the field of study.

Keywords: penal law, the correction, the sick, prisoners, the USA, Switzerland.

Освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного является важным институтом уголовного права, но его отдельные положения содержатся в кодифицированных источниках уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. Между тем данный

правовой институт имеет ряд недостатков, в том числе обусловленных межотраслевым регулированием.

Для эффективного обеспечения безопасности общества и государства следует учитывать то, что нормотворчество и правоприменительная практика в анализируемой сфере должны учитывать изменения общественных отношений, криминологических характеристик осужденных, достижения в медицине, динамику и структуру показателей заболеваемости и смертности. Существенным фактором также является уровень и параметры развития национальных систем пенитенциарной медицины. Между тем организация данной медицинской практики, схемы и приемы лечения объективно зависят от оперативно-режимных, воспитательных, кадровых и иных особенностей учреждений и органов, исполняющих наказания.

На современном этапе наблюдается изменение позиции судебной власти в России на изучаемую проблему. По итогам 2018 г. по сравнению с прошедшими годами фиксируется увеличение числа случаев освобождения судами осужденных по причине тяжелой болезни от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы на 4 % (были освобождены более 2500 чел.). Аналогичная динамика (рост на 11 %) наблюдается и в отношении подследственных лиц, которых по этому основанию освободили из-под стражи (275 чел. в 2018 г.) [1]. Однако это представляется недостаточно обоснованным, так как в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве отсутствуют четкие критерии применения данного вида досрочного освобождения от наказания, в том числе учет тяжести совершенного преступления, поведение осужденного, (не-) возможность совершения им нового преступления и другие факторы. Дальнейшая работа требует актуализации исследований, в том числе сравнительно-правовых, направленных на изучение института освобождения от отбывания наказания по болезни.

Информационной базой исследования являются российские и зарубежные нормативно-правовые акты, регулирующие отношения в сфере исполнения уголовных наказаний. Сравнительно-правовое исследование осуществлялось на основе анализа законодательства Российской Федерации, США и Швейцарии. Гипотеза исследования предполагала наличие таких правовых норм в зарубежном законодательстве, имплементация которых в российскую правовую систему позволит существенно улучшить защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства в изучаемой сфере общественных отношений. Методологической базой исследования были определены труды российских и иностранных ученых, посвященные тематике применения норм уголовно-исполнительного законодательства в отношении больных осужденных.

Проблематика освобождения осужденных в связи с тяжелой болезнью имеет существенное отражение в работах российских специалистов. Внимание исследователей привлекали историко-правовые [2] и сравнительно-правовые [3] аспекты исследуемой проблемы. Отметим также, что изучались теоретико-прикладные вопросы применения данного института [4; 5; 6; 7; 8; 9], а также некоторые аспекты совершенствования российского законодательства в исследуемой сфере [10; 11]. Зарубежные представители юридической науки направили свои усилия на изучение особенностей досрочного освобождения больных осужденных и осужденных преклонного возраста [12], а также ВИЧ-инфицированных лиц [13].

В России в отношении осужденных к различным уголовным наказаниям применяются общие правила ст. 81 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ): если лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишаящее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, освобождается от наказания, и лицо, отбывающее наказание, освобождается от дальнейшего его отбывания (ч. 1), лицо, заболевшее после совершения преступления иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, может быть судом освобождено от отбывания наказания (ч. 2), а военнослужащие освобождаются от дальнейшего отбывания наказания в случае заболевания, делающего их негодными к военной службе, при этом неотбытая часть наказания может быть заменена им более мягким видом наказания (ч. 3).

В ч. ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ отсутствует упоминание перечня наказаний, при отбывании которых у осужденных возникает возможность освободиться в связи с болезнью; получается, что теоретически данный вид досрочного освобождения может применяться в отношении осужденных к штрафу, исправительным работам, лишению свободы на определенный срок, пожизненному лишению свободы и иным наказаниям. Однако постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» закрепляет соответствующую процедуру только в отношении лиц, лишенных свободы, проводимую в лечебно-профилактических

учреждениях уголовно-исполнительной системы (хотя в данном нормативном правовом акте не отражены некоторые важные вопросы, в частности, правовое положение осужденного в данной сфере – прим. авт.). В указанном постановлении Правительства Российской Федерации приведен перечень из более чем пятидесяти заболеваний, которые препятствуют отбыванию наказания: туберкулез органов дыхания, хроническое течение, излечение которого не может быть достигнуто никакими методами; прогрессирующий деструктивный туберкулез позвоночника, крупных костей и суставов со стойким нарушением функции; различные формы злокачественных новообразований независимо от их локализации при наличии местно-распространенной опухоли, сдавливающей окружающие органы и структуры или врастающей в окружающие органы и структуры, не подлежащей радикальному лечению, или при наличии отдаленных метастазов (диссеминированный процесс); сахарный диабет, тяжелая форма, с множественными осложнениями; хроническое и тяжелое психическое расстройство с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями, не позволяющими заболевшему осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими; полная слепота; острая и хроническая лучевая болезнь крайне тяжелой степени, местные лучевые поражения (лучевые ожоги) тяжелой и крайне тяжелой степени; и т. д.

В этом случае возникает вопрос о (не-) возможности направления в лечебно-профилактические учреждения уголовно-исполнительной системы лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы (например, к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы и пр.), и их содержания в указанных учреждениях.

Представляется, при этом виде досрочного освобождения от отбывания наказания не достигается ни одна из целей уголовно-исполнительного законодательства, так как по ст. 81 УК РФ суд не должен исследовать степень исправления осужденного или возможность совершения им нового преступления (между тем после освобождения от наказания в связи с болезнью некоторые лица, несмотря на состояние здоровья, вновь совершают преступления).

Более того, в ч. 1 ст. 81 УК РФ установлена только одна форма постпенитенциарного контроля – таким лицам суд может (то есть это не обязанность суда – прим. авт.) назначить принудительные меры медицинского характера. Однако необходимо учитывать, что теряет смысл применение исправительного воздействия к осужденному, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишаящее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 1 ст. 81 УК РФ).

Освобождение от наказания вследствие психического или иного заболевания подразумевает, что обратно в места лишения свободы лицо не вернется (если не совершит новое преступление и при этом состояние его здоровья не улучшится). Но возможна ситуация, когда человек, имевший психическое расстройство, лишавшее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, или иное тяжелое заболевание, после освобождения и проведенного курса лечения выздоравливает. Например, лицо было осуждено к 12 годам лишения свободы, по отбытии 4 лет – освобождено от наказания по ст. 81 УК РФ, а спустя еще 2 года – успешно закончило курс лечения. В этом случае такое лицо, начавшее адекватно осознавать окружающую его действительность (если имело место психическое расстройство), в случае возвращения в исправительное учреждение могло бы подвергаться оставшееся время срока наказания исправительному воздействию (в нашем примере еще 6 лет – прим. авт.). Однако обязательное возвращение лиц, ранее имевших соответствующее тяжелое заболевание, но впоследствии вылечившихся, обратно в исправительное учреждение для продолжения оказания на них исправительного воздействия, в законодательстве не предусмотрено (это право суда, в соответствии с ч. 4 ст. 81 УК РФ – прим. авт.), что представляется необоснованным.

Имеют место также коллизии российского уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства в изучаемой сфере:

- в отличие от ч. ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ, где определены три основания освобождения от наказания лица в связи с болезнью, в ч. 4 ст. 42 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) дополнительно указано, что в случаях тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию исправительных работ, либо признания его инвалидом первой группы он вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания (данное основание для освобождения от отбывания наказания лица в связи с болезнью отсутствует в ст. 81 УК РФ – прим. авт.);

- аналогичная коллизия – между ч. ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ и ч. 3 ст. 26 УИК РФ, согласно которой в случаях тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания в виде

обязательных работ, либо признания его инвалидом первой группы осужденный вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания;

– в ч. 5 ст. 175 УИК РФ указано три вида субъектов, которые могут обращаться в суд с ходатайством об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания в соответствии со ст. 81 УК РФ: 1) осужденный, у которого наступило психическое расстройство, препятствующее отбыванию наказания; 2) его законный представитель; 3) начальник учреждения или органа, исполняющего наказание. Однако согласно ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) таким правом обладает лишь осужденный. В этом случае УПК РФ фактически игнорирует других субъектов подачи соответствующего ходатайства – законного представителя осужденного и начальника учреждения или органа, исполняющего наказание.

Таким образом, очевидно наличие ряда недостатков российского уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, что заставляет нас обратиться к зарубежному опыту в этой области, в частности, Швейцарии и США.

Законодательство Швейцарии практически не содержит оснований для освобождения лиц от наказания в связи с болезнью, кроме исполнения наказания в отношении лиц, виновных в совершении преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также преступлений, совершенных с особой жестокостью, признанных особо опасными и психические отклонения которых не поддаются лечению (исправлению) современными методами. В отношении указанных категорий осужденных пенитенциарные меры применяются не в течение срока, определенного приговором суда, а в течении процесса лечения осужденного от психического отклонения.

Согласно ст. 123а Конституции Швейцарии виновный в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также преступлений, совершенных с особой жестокостью, признанный особо опасным и психические отклонения которого не поддаются лечению (исправлению) современными методами, должен находиться в местах лишения свободы пожизненно. Единственным основанием для освобождения осужденного в таком случае будет являться появление новых критериев его исправления (и/или лечения), с помощью которых можно будет определить, что он перестал быть общественно опасным. При этом должностные лица, принимающие решение об освобождении такого лица, несут персональную ответственность за совершение повторного преступления досрочно освободившимся лицом.

Оценка степени исправления (выздоровления) особо опасных лиц, отличающихся особой жестокостью и/или привлеченных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, должна проводиться как минимум двумя независимыми друг от друга опытными специалистами, а их отчеты должны учитывать все существенные обстоятельства и принципиально важные факты, свидетельствующие о возможности досрочного освобождения осужденного.

Институт освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного в США содержится в пункте 2.77 «Освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного» (англ. Medical parole), части 2 «Условно-досрочное освобождение, освобождение, надзор и пересмотр решений в отношении заключенных, несовершеннолетних преступников и преступников-подростков» (англ. Parole, release, supervision and recommitment of prisoners, youth offenders, and juvenile delinquents), гл. 1 «Департамент юстиции» (англ. Department of justice), раздела 28 «Судебная администрация (англ. Judicial Administration)» Кодекса Федеральных нормативно-правовых актов США (англ. US Code of Federal Regulations).

Согласно законодательству США при получении сообщения из пенитенциарного учреждения о неизлечимой болезни или нахождении заключенного в состоянии постоянной и необратимой нетрудоспособности в силу какого-либо физического или медицинского состояния специальная комиссия по досрочному освобождению (далее – комиссия) определяет, следует ли его освободить досрочно по медицинским показаниям. Досрочное освобождение по медицинским показаниям может быть назначено комиссией в любое время.

Заключенному может быть предоставлено досрочное освобождение на основании смертельной болезни, если:

– медицинский персонал учреждения представил комиссии обоснованное медицинское заключение о том, что заключенному осталось жить шесть месяцев в результате неизлечимой болезни или заболевания;

– комиссия считает, что заключенный не будет представлять опасности ни для себя, ни для других, и досрочное освобождение не будет несовместимо с благополучием общества.

Заклученному также может быть предоставлено досрочное освобождение на основании постоянной и необратимой нетрудоспособности только в том случае, если комиссия установит, что:

- заключенный не будет представлять опасности для себя или других, поскольку его состояние делает его неспособным к продолжению преступной деятельности;
- досрочное освобождение не будет несовместимо с благополучием общества.

Тяжесть преступления в США учитывается при определении целесообразности досрочного освобождения по медицинским показаниям до отбытия минимального срока наказания заключенного.

Заклученный или его представитель может ходатайствовать о досрочном освобождении по медицинским показаниям, обратившись с ходатайством к руководству учреждения, которое в течение 15 дней направляет ходатайство с медицинским заключением и рекомендациями о (не-) возможности такого освобождения. Комиссия выносит решение в течение 15 дней с момента получения ходатайства и других материалов. Заклученный, его представитель или учреждение могут ходатайствовать перед комиссией о пересмотре своего мнения с учетом изменившихся обстоятельств.

Освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного в США является невозможным, если он отбывает наказание за убийство первой степени (умышленное и преднамеренное убийство; в некоторых штатах также так квалифицируется смерть, наступившая в результате поджога, кражи со взломом, изнасилования, похищения ребенка, грабежа) или за умышленное преступление с применением оружия. Кроме того, следует учитывать, что заключенный в США не имеет права на досрочное освобождение по медицинским показаниям на основании физического или медицинского состояния здоровья, существовавшего на момент вынесения приговора.

Таким образом, с учетом зарубежного опыта очевидно наличие неиспользованного потенциала в РФ для совершенствования регулирования института освобождения осужденных в связи с их болезнью. Очевидно, что является ценным опыт Швейцарии и США, в которых основное внимание уделяется обеспечению безопасности общества и государства. Следует также учитывать и положительный опыт американских законодателей в части определения достаточно узкого, но конкретного перечня оснований для освобождения осужденных от отбывания различных наказаний в связи с их болезнью.

Дальнейшие сравнительно-правовые исследования, направленные на поиск успешных правовых конструкций, регулирующих изучаемую сферу общественных отношений, являются важной составляющей достижения исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как в России, так и других странах.

Библиографический список

1. Во ФСИН рассказали о ситуации с освобождением тяжелобольных осужденных [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190413/1552661117.html> (дата обращения: 27.05.2019).
2. Жданова О. В. Законодательная регламентация освобождения от наказания в связи с болезнью в советском уголовном праве // Аспирант и соискатель. 2006. № 3(34). С. 63–65.
3. Савочкина А. Г. Институт освобождения от наказания в связи с болезнью в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. № 73. С. 107–109.
4. Попов А. П., Морозов А. Ю. Болезнь осужденного как основание освобождения от наказания // Общество и право. 2012. № 5(42). С. 124–126.
5. Михайлов К. В. Теоретическое основание и законодательный порядок освобождения от наказания в связи с болезнью // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2(102). С. 56–59.
6. Данелян Р. С., Микаелян С. А. Освобождение от наказания в связи с болезнью: проблемы теории и практики // Российский судья. 2012. № 11. С. 7–9.
7. Горшенин А. А. Освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью: научные подходы и проблемы трактовки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4-2(10). С. 50–54.
8. Курченко В. Н. Освобождение от наказания в связи с болезнью: проблемы правоприменения // Уголовный процесс. 2014. № 5(113). С. 50–61.
9. Ендольцева А. В. Всегда ли возможно освобождение от наказания лица в связи с болезнью? // Российский следователь. 2004. № 9. С. 28–30.
10. Курганский М. Г. Освобождение от наказания в связи с болезнью // Юристъ-Правоведь. 2007. № 3(22). С. 29–32.

11. Грачева Ю. В. Освобождение от наказания в связи с болезнью: основания и пределы судебного усмотрения // LexRussica. 2012. Т. 71. № 3. С. 507–522.

12. Pro G., Marzell M. Medical Parole and Aging Prisoners: A Qualitative Study. *Journal of Correctional Health Care*. 2017. 23 (2). P. 162–172.

13. Betteridge G. Another prisoner dies of HIV in a CSC institution medical parole not considered until too late. *HIV/AIDS policy & law review/Canadian HIV/AIDS Legal Network*. 2006. 11 (2–3). P. 41–42.

References

1. Vo FSIN rasskazali o situacii s osvobozhdeniem tjazhelobol'nyh osuzhdennyh [FPS of Russia reported about the situation with medical parole]. URL: <https://ria.ru/20190413/1552661117.html> (Accessed: 27.05.2019) [in Russian].

2. Zhdanova O. V. Zakonodatel'naja reglamentacija osvobozhdenija ot nakazaniya v svyazi s bolezni'ju v sovetskom ugovnom prave [Legislative regulation of release from punishment in connection with the disease in the Soviet criminal law]. *Aspirant i soiskatel'* [Postgraduate and applicant], 2006, no. 3(34), pp. 63–65 [in Russian].

3. Savochkin A. G. Institut osvobozhdenija ot nakazaniya v svyazi s bolezni'ju v zarubezhnom ugovnom zakonodatel'stve [Institution of release from punishment in connection with disease in the foreign penal legislation]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva* [Bulletin of the Volga University n.a. V. N. Tatishchev], 2010, no. 73, pp. 107–109 [in Russian].

4. Popov A. P., Morozov A. Y. Bolezni' osuzhdenного kak osnovanie osvobozhdenija ot nakazaniya [Disease of the convict as a ground of exemption from punishment]. *Obshchestvo i pravo* [Law and Society], 2012, no. 5(42), pp. 124–126 [in Russian].

5. Mikhailov K. V. Teoreticheskoe osnovanie i zakonodatel'nyj porjadok osvobozhdenija ot nakazaniya v svyazi s bolezni'ju [Theoretical basis and legislative order of release from punishment in connection with the disease]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of the South Ural state University. Series: Law], 2008, no. 2(102), pp. 56–59 [in Russian].

6. Danelyan R. S., Mikaelyan S. A. Osvobozhdenie ot nakazaniya v svyazi s bolezni'ju: problem teorii i praktiki [Exemption from punishment due to illness: problems of theory and practice]. *Rossiiskij sud'ja* [Russian judge], 2012, no. 11, pp. 7–9 [in Russian].

7. Gorshenin A. A. Osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya v svyazi s bolezni'ju: nauchnye podhody i problemy traktovki [Exemption from serving a sentence in connection with the disease: scientific approaches and problems of interpretation]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art. Theory and practice], 2011, no. 4-2(10), pp. 50–54 [in Russian].

8. Kurchenko V. N. Osvobozhdenie ot nakazaniya v svyazi s bolezni'ju: problemy pravoprimenenija [Exemption from punishment due to illness: problems of law enforcement]. *Ugolovnyj process* [Criminal proceedings], 2014, no. 5(113), pp. 50–61 [in Russian].

9. Endoltseva A. V. Vsegda li vozmozhno osvobozhdenie ot nakazaniya lica v svyazi s bolezni'ju? [Is the exemption from punishment of persons in connection with the disease always possible?]. *Rossiiskij sledovatel'* [Russian investigator], 2004, no. 9, pp. 28–30 [in Russian].

10. Kurgan M. G. Osvobozhdenie ot nakazaniya v svyazi s bolezni'ju [Exemption from punishment due to illness]. *Jurist Pravoved* [Jurist Pravoved], 2007, no. 3(22), pp. 29–32 [in Russian].

11. Gracheva Yu. V. Osvobozhdenie ot nakazaniya v svyazi s bolezni'ju: osnovaniya i predely sudejskogo usmotrenija [Exemption from punishment due to illness: grounds and limits of judicial discretion]. *LEX RUSSICA* [LEX RUSSICA], 2012, vol. 71, no. 3, pp. 507–522 [in Russian].

12. Pro G., Marzell M. Medical Parole and Aging Prisoners: A Qualitative Study. *Journal of Correctional Health Care*, 2017, 23 (2), pp. 162–172 [in English].

13. Betteridge G. Another prisoner dies of HIV in a CSC institution-medical parole not considered until too late. *HIV/AIDS policy & law review/Canadian HIV/AIDS Legal Network*, 2006, 11 (2–3), pp. 41–42 [in English].

УДК 343.8

Смирнов Александр Михайлович

кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, корп. 1,
e-mail: vipnauka@list.ru

Самойлова Анастасия Андреевна

научный сотрудник НИЦ-3,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, корп. 1,
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

Alexander M. Smirnov

Candidate of Law, Associate Professor,
Leading Researcher of SRC 2,
Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Narvskaya str., 15 a, building 1, Moscow, Russia, 125130,
e-mail: vipnauka@list.ru

Anastasia A. Samoilova

Researcher of SRC 3,
Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Narvskaya str., 15 a, building 1, Moscow, Russia, 125130,
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАДЗОРА ЗА ОСУЖДЕННЫМИ – ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ СОВЕРШЕНИЯ ИМИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. В статье актуализируется проблема профилактики пенитенциарных правонарушений, совершаемых в исправительных учреждениях осужденными – представителями разных этнических групп. Разрешение данной проблемы имеет большое значение для обеспечения законности и правопорядка в данных учреждениях, поскольку этнический состав осужденных является одним из факторов, влияющих на оперативную обстановку в них. Одним из эффективных способов профилактики правонарушений со стороны данных осужденных является организация и осуществление надзора за ними на должном уровне. Средства и методы надзора за данной категорией осужденных имеют ряд особенностей, которые изложены в настоящей статье. Информация, представленная в работе, может оказать научно-методическое содействие в повышении результативности обеспечения законности и правопорядка в исправительных учреждениях, в которых отбывают наказания осужденные – представители разных этнических групп.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, этническая преступность, пенитенциарные правонарушения, пенитенциарная преступность, надзор.

SUPERVISION IMPLEMENTATION OF CONVICTS – REPRESENTATIVES OF DIFFERENT ETHNIC GROUPS IN PENAL INSTITUTIONS AS A MEANS OF PREVENTING THEIR PENITENTIARY OFFENSES

Summary. The article actualizes the problem of the prevention of penitentiary offenses committed in prisons by convicts, representatives of different ethnic groups. The resolution of this problem is of great importance for ensuring law and order in these institutions, since the ethnic composition of the convicts is one of the factors affecting the operational environment in them. One of the most effective ways to prevent offenses by these convicts is the organization and implementation of their supervision at the proper level, the means and methods of which, in addition to the general applicable to all convicts, have a number of features that are outlined in this article. The information presented in this article can provide scientific and methodological assistance to improve the effectiveness of ensuring law and order in correctional institutions where convicts serve their sentences, representatives of different ethnic groups.

Keywords: penal system, correctional institutions, ethnic crime, penitentiary offenses, penitentiary crime, supervision.

Обеспечение законности и правопорядка в исправительных учреждениях (ИУ) является одной из главных задач, стоящих перед Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН России) [1], решение которой возложено на оперативно-режимные подразделения данных учреждений.

Согласно научным исследованиям одним из факторов, влияющих на уровень обеспечения законности и правопорядка в ИУ, является этнический состав осужденных, поскольку криминальные конфликты, возникающие на почве взаимоотношений среди осужденных – представителей различных этнических групп (далее – этноосужденные, осужденные рассматриваемой категории), в определенной степени являются мощным фактором дестабилизации оперативной обстановки

в ИУ. Именно поэтому функционирование системы обеспечения оперативной обстановки в данных учреждениях от криминальных угроз невозможно без учета этнической структуры пенитенциарного социума [2].

Практика показывает, что многонациональный состав осужденных, отбывающих наказание в замкнутых пространственных границах, содержит в себе потенциальную угрозу возникновения пенитенциарных конфликтов на этнической почве, порождаемых разницей в мировоззрении и реагировании на происходящие вокруг процессы осужденными, представителями разных этнических групп, разрешение которых может осуществляться неправомерными, а иногда и преступными способами.

Вместе с тем ФСИН России не ведет статистику, раскрывающую состав этноосужденных, содержащихся в ИУ, характер их противоправной активности во время отбывания наказания, что в значительной степени осложняет проведение эффективной профилактической и иной работы с такими осужденными. Согласно исследованию, проведенному сотрудниками ФКУ НИИ ФСИН России в 2018 г., в ИУ 83,5 % осужденных были русскими. Совокупная доля остальных наций и народностей составила 16,5 %, самыми многочисленными из которых были татары (3,15 %), цыгане (1,17 %), таджики (1,04 %), мордва (1,02 %), узбеки (0,89 %), тувинцы (0,7 %), армяне (0,54 %) и чеченцы (0,47 %).

Больше половины (52,1 %) опрошенных сотрудников ИУ и 35,6 % осужденных, отбывающих наказание в данных учреждениях, признают наличие конфликтов в среде спецконцтингента на этнической «почве». При этом подобные конфликты завершаются не только ссорами, на что указало 27,8 % респондентов, но и применением физического насилия (6,1 %), а в некоторых случаях даже убийством (1,6 %).

Основным средством обеспечения профилактики правонарушений среди осужденных – представителей разных этнических групп является неукоснительное требование соблюдения с их стороны требований режима отбывания наказания [3].

Режим в ИУ главным образом обеспечивается путем осуществления надзора за осужденными, который направлен на обеспечение порядка и условий исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы путем постоянного наблюдения за поведением осужденных в местах их размещения и работы, предупреждения и пресечения их противоправных действий, обеспечения изоляции, а также безопасности осужденных, персонала и иных граждан.

В связи со своей многоаспектностью надзор за осужденными, содержащимися в ИУ, осуществляется всеми отделами и службами учреждения [4]. Больше всего полномочий по осуществлению надзора за осужденными рассматриваемой категории возложено на руководящий состав учреждения, сотрудников оперативно-режимных подразделений и лиц, входящих в состав дежурных смен ИУ:

1) начальник учреждения обеспечивает организацию профилактики правонарушений этноосужденными и контроль за ее осуществлением;

2) заместитель начальника ИУ по безопасности и оперативной работе осуществляет контроль за деятельностью подразделений и должностных лиц учреждения по надзору за этноосужденными;

3) заместитель начальника по кадрам и воспитательной работе обеспечивает работу по выявлению и постановке на профилактический учет этноосужденных, склонных к совершению правонарушений, контролю за их поведением, организации проведения с ними индивидуальной профилактической и воспитательной работы;

4) начальник отдела безопасности ИУ совместно с оперативными работниками, начальниками отрядов, психологами и другими работниками учреждения выявляет осужденных, являющихся представителями разных этнических групп, склонных к совершению правонарушений; организует подготовку необходимых документов для постановки их на профилактический учет; организует оформление и постоянное обновление планшетов информации о лицах, склонных к совершению правонарушений;

5) начальник отряда принимает участие в выявлении и постановке на профилактический учет этноосужденных, ведет с ними профилактическую работу;

6) дежурный помощник начальника колонии осуществляет контроль за поведением этноосужденных, состоящих на профилактических учетах;

7) заместитель дежурного помощника начальника колонии должен знать по фамилиям и в лицо этноосужденных, состоящих на профилактическом учете;

8) младший инспектор по жилой зоне обязан знать по фамилиям и в лицо этноосужденных, склонных к совершению правонарушений, проверять через каждые два часа по карточкам (планшету) с фотографиями и установочными данными осужденных, склонных к совершению побега, и докладывать о результатах проверки оперативному дежурному или его помощнику;

9) младший инспектор по надзору за осужденными в запираемых помещениях должен знать по фамилиям и в лицо этноосужденных, склонных к совершению правонарушений и состоящих на профилактических учетах, места их работы;

10) начальник цеха (участка) обязан совместно с дежурной сменой контролировать поведение на производстве этноосужденных, особенно поставленных на профилактический учет.

В ИУ надзор за осужденными начинается уже с момента их прибытия в учреждение. Особенности осужденных, представляющих разные этнические группы, необходимо учитывать уже на стадии их приема и распределения по отрядам. В период нахождения поступающих осужденных в карантинном отделении наряду с другими вопросами следует изучать коммуникативные и адаптационные возможности каждого вновь прибывшего этноосужденного. В период нахождения таких осужденных в карантинном отделении сотрудниками всех заинтересованных служб проводится углубленное и всестороннее изучение их личности.

Изучение личности этноосужденного реализуется путем проведения доверительной беседы, осуществляемой, прежде всего, начальником отряда и психологом. При проведении такой беседы необходимо задавать уточняющие вопросы, ответы на которые несут смысловую нагрузку и дают представление об отношении к представителям других народов, вероисповеданию, особенности отправления религиозных обрядов, обычаев и традиций этноса, представителем которого является осужденный. При изучении вопроса вероисповедания этноосужденного необходимо обращать особое внимание на отношение к отпавлению религиозных обрядов и на его высказывания о сути и целях верования [5]. Данная информация необходима для понимания того, носят ли его религиозные воззрения противоправный характер. Более того, внимание к личности и национальным особенностям осужденного уже в начальный период его нахождения в ИУ способно вызвать доверие к представителям администрации учреждения.

В период нахождения этноосужденных в карантинном отделении особого внимания заслуживает работа по разъяснению норм уголовного и административного законодательства за противоправное поведение. Некоторые осужденные, являющиеся представителями разных этнических групп, имеют низкий уровень образования. В связи с этим в период нахождения их в карантинном отделении сотрудникам администрации необходимо более детально и подробно разъяснять действующее законодательство в контексте изложения обязанностей осужденных в ИУ.

В период нахождения осужденных рассматриваемой категории в карантинном отделении психологи проводят углубленную психологическую диагностику их личности, результаты которой служат основой для выбора правильных средств и методов индивидуальной профилактики, а также для выявления скрытого противоправного поведения. Психологи доводят до заинтересованных служб (отделов безопасности, воспитательного и оперативного) результаты проведенных исследований личности осужденных, являющихся представителями разных этнических групп.

Работа с осужденными исследуемой категории в карантинном отделении стоит признать приоритетной, так как именно от выявленных на начальном этапе нахождения в ИУ особенностей личности этноосужденных зависит построение последующей работы с ними на протяжении всего срока отбывания наказания и достижение такой цели уголовно-исполнительного законодательства, как исправление осужденных. Кроме того, полученная информация может быть использована в дальнейшем при решении вопроса об оптимальном размещении этноосужденных по отрядам.

Помощь в осуществлении эффективной профилактической работы и надзоре за этноосужденными могут оказать особые записи в ПТК АКУС, в которых отражены имеющиеся определенные отрицательные особенности осужденных данной категории, выявленные в период нахождения в карантинном отделении. Указанные записи необходимо носить сотрудникам отделов безопасности, воспитательного и оперативного. В свою очередь психолог должен составлять для заинтересованных в профилактической работе сотрудников рекомендации по индивидуальной работе с этноосужденным.

Как уже было отмечено выше, особенности личности этноосужденных необходимо учитывать при распределении осужденных в отряды. В данном случае необходимо иметь в виду, что в силу различий в мировоззрении и культуре некоторые представители этноосужденных могут вступать в конфликт с другими. Поэтому сотрудники, входящие в состав распределительной комиссии, должны учитывать особенности межличностного общения этносов между собой. При

этом следует учитывать, что значительная концентрация представителей одного или нескольких близкородственных малых этносов в одном отряде, особенно отличающихся негативными чертами характера и высокой криминогенностью, нежелательна.

После распределения в отряды наблюдение за вновь прибывшими этноосужденными ведется по общим правилам, поэтому именно в период нахождения в карантинном отделении очень важно постараться привить осужденным, являющимся представителями разных этнических групп, законопослушное поведение или хотя бы внушить им необходимость соблюдения режимных требований в ИУ.

Особенности надзора за осужденными, являющимися представителями разных этнических групп, предполагают:

- постоянное наблюдение за поведением этноосужденных в местах их нахождения в ИУ с целью предотвращения и пресечения совершения ими преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания, межэтнических конфликтов, конфликтов на религиозной почве [6];
- использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля за этноосужденными;
- обеспечение неукоснительного выполнения этноосужденными Правил внутреннего распорядка ИУ;
- осуществление пропускного режима между жилой и производственной зонами, изолированными участками, цехами и другими объектами, контроль за соблюдением этноосужденными порядка передвижения, недопущение скученности представителей одной этнической группы;
- изъятие запрещенных вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать;
- обеспечение порядка проведения свиданий этноосужденных с родственниками и иными лицами;
- уделение повышенного внимания содержанию телефонных переговоров и цензуре корреспонденции этноосужденных. При изложении информации на родном для них языке, непонятной инспекторам дежурной смены, требовать ее перевода на русский язык, к чему для обеспечения достоверности переводимой информации целесообразно привлекать переводчиков;
- повышенное внимание к поведению этноосужденных в выходные и праздничные дни, поскольку реализация преступного умысла возникает именно в период, когда на территории ИУ меньше всего сотрудников администрации [7];
- обеспечение установленного порядка отбывания наказания этноосужденными в единых помещениях камерного типа (ЕПКТ), помещениях камерного типа (ПКТ), штрафных изоляторах (ШИЗО), одиночных камерах;
- применение в необходимых случаях в отношении этноосужденных в установленном порядке физической силы, специальных средств и оружия.

Проведение обысков и досмотров является неотъемлемой частью осуществления надзора за этноосужденными. Личные обыски этноосужденных обязаны проводить лица одного пола без унижения человеческого достоинства с соблюдением корректности, учета менталитета этноса, требовательности мер безопасности. При обыске проводится комплекс поисковых мероприятий, осуществляемых сотрудниками администрации ИУ по обнаружению и изъятию у этноосужденных запрещенных предметов и вещей для профилактики совершения с их стороны противоправных действий.

Цель проведения обысков этноосужденных, мест их проживания и работы, досмотров их вещей заключается в следующем:

- выявлении фактов и признаков приготовления к совершению побегов и иных преступлений, а также правонарушений на территории ИУ;
- определении мест возможного совершения преступлений и иных правонарушений;
- обнаружении источников потенциальной опасности для жизни и здоровья лиц, находящихся на территории учреждения и режимной территории, в том числе предметов и приборов – возможных источников пожара;
- выявлении и пресечении каналов поступления к этноосужденным запрещенных предметов и вещей;

– выявлении и пресечении случаев использования этноосужденными не по назначению промышленного оборудования, рабочего инструмента, электроэнергии, сырья и материалов, а также предотвращении самовольного возведения ими различных строений, оборудования шкафов, хранилищ;

– выявлении и пресечении хищений этноосужденными материальных ценностей с объектов ИУ;

– выявлении и пресечении запрещенных связей этноосужденных с иными лицами;

– обеспечении личной безопасности этноосужденных, персонала ИУ и иных лиц.

Большого внимания заслуживают особенности содержания этноосужденных в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, одиночных камерах, строгих условиях отбывания наказания.

Порядок водворения, перевода и условия содержания осужденных в ЕПКТ, ПКТ, ШИЗО, одиночных камерах определяются УИК РФ и Правилами внутреннего распорядка ИУ. Надзор за этноосужденными, содержащимися в запираемых помещениях, должен осуществляться наиболее опытными и квалифицированными сотрудниками. Особенности надзора за этноосужденными на указанных объектах, помимо основных обязанностей сотрудников, включает в себя:

– требование от этноосужденных соблюдения установленных правил поведения и распорядка дня, не допуская каких-либо попустительств, особенно при проведении религиозных обрядов;

– при проведении прогулок, которые осуществляются покамерно, не допускать осуществления межкамерной связи этноосужденных (разговоров, передачи предметов, вещей, записок и т. п.);

– не допускать установления связи между этноосужденными, содержащимися в запираемых помещениях и отбывающими наказание в других условиях.

Необходимо учитывать то, что этноосужденные владеют множеством способов проноса и передачи в камеру запрещенных предметов, используя для этого предметы культа и религиозную литературу. В силу этого проведение обысков и досмотров в камерах ШИЗО, ПКТ, ЕПК где содержатся этноосужденные, требует от сотрудников администрации ИУ особой бдительности.

При осуществлении профилактической работы в отношении этноосужденных в ИУ запираемые помещения являются не единственными объектами повышенного внимания. Не менее важным является осуществление надзора за такими осужденными в период предоставления длительных и краткосрочных свиданий.

Особенности надзора за этноосужденными в комнатах проведения длительных и краткосрочных свиданий ИУ заключаются в следующем:

– при приеме передачи этноосужденным необходимо обратить особое внимание родственников (иных лиц) на недопустимость вложения запрещенных веществ и предметов, предупредить об административной и уголовной ответственности за их передачу. Также необходимо предупредить, что, если лицо, прибывшее на свидание, откажется от досмотра вещей и одежды, длительное свидание не разрешается, однако может быть заменено на краткосрочное;

– в целях предотвращения передачи запрещенных предметов, спрятанных ухищренным способом и не обнаруженных при досмотре, необходимо строго соблюдать последовательность входа (выхода) лиц, прибывших на свидание. В комнату краткосрочных свиданий в первую очередь входит этноосужденный, а затем лицо, прибывшее на свидание;

– если разговор на краткосрочном свидании ведется на языке, которым никто из представителей администрации ИУ не владеет, то для контроля за содержанием беседы должен быть приглашен переводчик или другое лицо (за исключением осужденных), владеющее этим языком. Если отсутствует такая возможность, сотрудник администрации учреждения, осуществляющий контроль за проведением свидания, должен убедительно предложить перейти на русский язык, при этом корректно объяснить данную необходимость.

Таким образом, одним из эффективных способов профилактики правонарушений со стороны этноосужденных в ИУ является организация и осуществление надзора за ними на должном уровне, средства и методы которого помимо общеприменительных ко всем осужденным имеют ряд особенностей. Информация, представленная в настоящей статье, может оказать научно-методическое содействие в повышении результативности обеспечения законности и правопорядка в исправительных учреждениях, в которых отбывают наказания осужденные, представители разных этнических групп.

Библиографический список

1. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 (ред. от 21.12.2013) // Российская газета. 2004. № 230.
2. Карькина Н. Н. Обеспечение безопасности осужденных – представителей этнических групп от криминальных угроз в местах лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 21 с.
3. Антипов А. Н., Овчинников С. Н. Осуществление государственной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 12(151). С. 2–5.
4. Овчинников С. Н. Новеллы в законодательстве о применении мер безопасности сотрудниками уголовно-исполнительной системы: анализ положений законопроекта // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 6. С. 10–12.
5. Смирнов А. М. Теоретико-правовые основы обеспечения прав осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4. С. 2–5.
6. Масленников Е. Е. Общая характеристика и классификация групповых неповиновений осужденных и лиц, содержащихся под стражей, и особенности их предупреждения // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4(25). С. 57–61.
7. Смирнов А. М. Криминологическая характеристика лиц, совершающих самосудные расправы в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3(23). С. 12–14.

References

1. Voprosy Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy: Ukaz Prezidenta RF ot 13.10.2004 no. 1314 (red. ot 21.12.2013) [Issues of Federal service of execution of punishments of the RF President's Decree dated 13.10.2004 no. 1314 (as amended on 21.12.2013)]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2004, no. 230 [in Russian].
2. Kar'kina N. N. Obespecheniye bezopasnosti osuzhdennykh predstaviteley etnicheskikh grupp ot kriminal'nykh ugroz v mestakh lisheniya svobody. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Ensuring the safety of convicted persons representatives of ethnic groups from criminal threats in places of detention. Extended of candidate's of Law thesis]. Ryazan', 2010, 21 p. [in Russian].
3. Antipov A. N., Ovchinnikov S. N. Osushchestvleniye gosudarstvennoy zashchity sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy [Implementation of state protection of employees of the penitentiary system]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Vedomosti Penitentiary System], 2014, no. 12(151), pp. 2–5 [in Russian].
4. Ovchinnikov S. N. Novelly v zakonodatel'stve o primenenii mer bezopasnosti sotrudnikami ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: analiz polozheniy zakonoprojekta [Novels in the legislation on the application of security measures by employees of the penitentiary system: an analysis of the provisions of the draft law]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye* [Penal system: law, economics, management], 2015, no. 6, pp. 10–12 [in Russian].
5. Smirnov A. M. Teoretiko-pravovyye osnovy obespecheniya prav osuzhdennykh na svobodu sovesti i svobodu veroispovedaniya v Rossii [Theoretical and legal foundations of ensuring the rights of convicts to freedom of conscience and freedom of religion in Russia]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye* [Penal system: law, economics, management], 2013, no. 4, pp. 2–5 [in Russian].
6. Maslennikov Ye. Ye. Obshchaya kharakteristika i klassifikatsiya gruppovykh nepovinoventiy osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhey, i osobennosti ikh preduprezhdeniya [General characteristics and classification of group disobedience of convicts and detainees, and features of their warning]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 2015, no. 4(25), pp. 57–61 [in Russian].
7. Smirnov A. M. Kriminologicheskaya kharakteristika lits, sovershayushchikh samosudnyye raspravy v Rossii [Criminological characteristics of persons committing self-righteous reprisals in Russia]. *Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2013, no. 3(23), pp. 12–14 [in Russian].

УДК 343.2

Сухарев Сергей Николаевич

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры организации
режима и надзора в УИС,
Академия ФСИН России,
390036, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1,
e-mail: syharev-s@mail.ru

Sergey N. Sukharev

Candidate of Law,
Senior Lecturer of the Department of Regime and Supervision
Organization in the Penal System,
Academy of Law Management of the Federal Penitentiary
Service of Russia,
Sennaya str., 1, Ryazan, Russia, 390000,
e-mail: syharev-s@mail.ru

РОЛЬ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье автором предпринята попытка научно-теоретического осмысления реализации мер безопасности в отечественном уголовном праве. С момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) прошло более двадцати лет. За этот достаточно сложный период для правовой системы государства понятийный аппарат уголовного права пополнился целым рядом уголовно-правовых понятий, ранее рассматриваемых учеными-криминалистами лишь на уровне научно-теоретических изысканий либо вообще не известных данной правовой отрасли. В числе последних – такая дефиниция, как «иные меры уголовно-правового характера». В настоящее время в законодательстве не закреплено определение данного понятия, с чем связано непонимание правовой сущности рассматриваемого института права, отличия его от наказания и последствий применения. Данное обстоятельство указывает на необходимость научно обоснованной концепции развития уголовного законодательства в области применения иных мер уголовно-правового характера, которые впоследствии, по нашему мнению, должны найти свое логическое отражение именно в мерах безопасности.

Ключевые слова: безопасность, меры исправления и безопасности, Уголовный кодекс, иные меры уголовно-правового характера, предупреждение преступности, установление надзора, превентивные функции.

THE ROLE OF SECURITY MEASURES IN THE IMPLEMENTATION OF THE TASKS OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE

Summary. In the present article the author has made an attempt of scientific-theoretical judgment of implementation of security measures in domestic criminal law. From the moment of adoption of the Russian Criminal Code (further the Criminal Code of the Russian Federation) there have passed more than twenty years, during this rather difficult period for the legal system of the state the conceptual framework of criminal law was replenished with a number of the criminal and legal concepts which are earlier considered by scientists-criminalists only at the level of the scientific-theoretical researches or not known to this legal branch. Among the last – such definition as the «other measures of criminal and legal character». Now legislative ascertaining of the specified concept is absent that directly is reflected in misunderstanding of legal essence of this institute of the right, his difference from punishment and application consequences. This circumstance directly indicates the need of the scientifically based concept of development of the criminal legislation for a scope of other measures of criminal and legal character which in a consequence, according to us, have to find the logical reflection in security measures.

Keywords: security, security and correction measures, Criminal Code, other measures of criminal and legal character, crime prevention, supervision establishment, preventive functions.

С момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации прошло более двадцати лет. За этот достаточно сложный для отечественной правовой системы период, вызванный стремительными преобразованиями в общественно-политической и экономической сферах государства, действующий УК РФ претерпел не одну сотню изменений. Сегодня проще назвать нормы, которые не подвергались поправкам, чем перечислять измененные.

Понятийный аппарат уголовного права пополнился целым рядом уголовно-правовых понятий, ранее рассматриваемых учеными-криминалистами лишь на уровне научно-теоретических изысканий [1, с. 142; 2, с. 67; 3, с. 94], либо вообще не известных данной правовой отрасли. В числе таковых можно выделить такую дефиницию, как «иные меры уголовно-правового характера», призванные государством для осуществления задач, стоящих перед уголовным законом. В насто-

ящее время законодательная констатация указанного понятия отсутствует, что непосредственно отражается в непонимании правовой сущности данного института права, отличии его от наказания и последствиях применения.

В настоящее время наблюдается снижение количества лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, по сравнению с другими видами уголовных наказаний, назначаемых судами, однако, несмотря на это, остается на достаточно высоком уровне.

Наболевшей проблемой общества на современном этапе выступает уровень преступности лиц, в отношении которых установлен административный надзор. Совершение повторных преступлений данными лицами, безусловно, указывает на наличие серьезных проблем реализации целей исполнения уголовного наказания, выраженных в обеспечении безопасности общества и государства и исправлении лица, виновного в совершении преступления.

Отечественная политика в области реализации иных мер уголовно-правового характера (принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф) с присущими ей правовыми пробелами, по нашему мнению, должна ориентироваться на практику применения мер, альтернативных лишению свободы, а также отказу от борьбы с преступностью исключительно репрессивными мерами, что в дальнейшем позволит расширить возможности уголовного закона по противодействию преступности.

На государственном уровне и в средствах массовой информации широко обсуждаются вопросы кардинального изменения в подходе к содержанию преступников в условиях изоляции от общества, расширения спектра мер уголовно-правового характера, не связанных с наказанием, поиска допустимых средств сокращения количества лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Данное обстоятельство подчеркивается и статистическими данными, представленными на официальном сайте ФСИН России: по состоянию на 1 февраля 2019 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 557 684 человек, что на 5482 человек меньше аналогичного периода прошлого года [4].

Правовые тенденции, которые преследует современное уголовное законодательство, выражены в виде задач УК РФ. Наряду с охраной прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка, охраной окружающей среды, конституционного строя, предупреждением преступлений находятся и задачи по охране общественной безопасности и безопасности человечества, что непосредственно подтверждает наше мнение об актуальности института мер безопасности. В основу каждой задачи должны закладываться комплексные меры по их реализации. Но для осуществления данных задач необходима реализация ряда мер, направленных на их решение, в том числе и по охране общественной безопасности и безопасности человечества, которые, к сожалению, не предусмотрены законодателем.

Данное обстоятельство прямо указывает на актуальность разработки научно обоснованной концепции развития уголовного законодательства в области применения иных мер уголовно-правового характера, которые впоследствии, по нашему мнению, должны найти свое логическое отражение именно в мерах исправления и безопасности.

В России, как и в других странах, обширный арсенал мер безопасности использовался издавна и широко до и после судебной реформы 1864 г. Постепенно с развитием отечественного уголовного права меры безопасности получали более детальную регламентацию и свое законодательное закрепление. Подавляющее большинство мер безопасности в царской России регламентировалось в рамках полицейского права. Как пишет Н. С. Таганцев, они подразделялись на меры предупреждения и пресечения преступных деяний [2, с. 72].

Несмотря на то что в указанный выше исторический период правовой институт мер безопасности имел широкое практическое применение, ученые-правоведы на данный вид государственного принуждения обратили внимание достаточно поздно. В России теория мер безопасности приобрела научную популярность только в конце XIX – начале XX в., но, к сожалению, исследования этого вида принуждения носили в науке полицейского права преимущественно описательный характер [5, с. 56].

Меры безопасности и исправления беспрецедентно закрепились в науке международного уголовного права и привлекли внимание многих ученых-криминалистов. Поэтому применение таких мер в уголовных законодательствах различных стран в отношении определенной группы преступников, было справедливо и объективно оценено сторонниками различных школ уголовного права.

Однако со временем применение таких мер перешло в русло «орудия государственных репрессий», что повлекло постепенный отказ от их применения.

Термин «меры безопасности» в современной науке отечественного уголовного права признается далеко не всеми. Большинство исследователей предпочитают обходиться без него, а некоторые употребление термина считают какой-то новой модой. Между тем в начале XX в. он был достаточно привычным, а сама тема мер безопасности (защиты) постоянно звучала на всех международных съездах по проблемам уголовного права [1, с. 185].

Например, профессор Н. В. Щедрин весь спектр мер противодействия преступности считает целесообразным разделить на четыре группы: меры стимулирования, наказания (ответственности), восстановления (компенсации) и безопасности. Он рассматривает меры безопасности в качестве самостоятельной разновидности предупредительного воздействия, которая в отличие от мер социальной профилактики, восстановления и наказания имеет особые цели, основания и предупредительный механизм. Для предупреждения преступности используются меры безопасности, предусмотренные как правилами, так и санкциями безопасности, которые расположены во всех отраслях законодательства [6, с. 52].

Действующее отечественное законодательство не определяет понятие «мера безопасности». Так, ранее действовавший Закон РФ «О безопасности» в ст. 1 определял безопасность – «как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». В свою очередь жизненно важными интересами, по мнению законодателя, является «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства».

Но уже с принятием нового закона, как ни странно, это определение утрачивает свое законодательное значение. Действующий Федеральный закон «О безопасности» определяет лишь основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации, полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета безопасности Российской Федерации.

Отсутствие законодательного закрепления понятий «безопасность» и «меры безопасности» дает право различного их толкования, что непосредственно вызывает «научное негодование», так как в основном встречается неофициальное толкование вышеуказанных правовых актов, которое затрудняет взаимопонимание между исследователями данного правового института.

Исследуя проблему реализации такого правового института, как «меры безопасности», в отечественном законодательстве, нам хотелось бы остановиться на опыте реализации таковых мер законодателем в зарубежных странах.

В теории международного уголовного права меры безопасности получили свое развитие гораздо позже наказания. Причиной их появления послужил рост рецидивной преступности, что подтолкнуло законодателя к выработке беспрецедентных мер, направленных на предупредительную работу в отношении лица, к которому данные меры были применены.

Родоначальниками введения мер безопасности считаются швейцарская и итальянская школы уголовного права конца XIX – начала XX в. Швейцарский правовед Карл Штоос, включая в проект Уголовного кодекса 1893 г. наряду с наказанием (Strafen) меры безопасности (Sicherungsmaßnahmen), исходил из того, что посредством ограниченной степени вины наказания невозможно в полном объеме воздействовать на преступность, а также защитить общество от преступных посягательств.

Термин «меры безопасности» окончательно закрепился в конце прошлого века и послужил не мерой уголовного наказания, а действенной мерой принуждения преступника отказаться от преступного умысла. Именно в это время институт мер безопасности и исправления законодательно закрепился в принимаемых в Европе новых уголовных уложениях (Австрия, Германия, Дания, Сербия, Швейцария и др.).

В уголовном законодательстве большинства стран континентальной Европы для реализации целей, стоящих перед уголовным законом, общепринято выделять два вида уголовно-правовых санкций: наказание и меры безопасности (исправления и безопасности, социальной защиты и т. п.).

Меры исправления и безопасности служили уголовному закону действенным инструментом раннего предупреждения рецидивной преступности лиц, в отношении которых данные меры применены судом. В свою очередь они явились ответом государства и общества на рост преступности.

Вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что меры безопасности связаны в первую очередь не с виной лица, совершившего преступление, а со степенью его потенциальной опасности для общества. То есть государство принимает превентивные меры к лицам, потенциально могущим совершить противоправные деяния либо уже совершившим их.

Теория опасности личности, получившая свое распространение в классических школах уголовного права западных государств, заключается в прогнозировании опасности, исходящей от потенциального преступника, а также в защите общества от преступных посягательств. Тем самым состояние опасности личности наряду с противоправным деянием занимает центральное место при назначении мер безопасности.

В современном уголовном праве западных государств свое признание на научно-теоретическом и практическом поле получили «двухколейные системы», сочетающие в себе наказание и меры безопасности, основной целью которой выступает профилактика преступлений.

При применении «двухколейной системы», как правило, наказанию отводится центральная позиция, а дополнением к наказанию выступают специально-предупредительные меры безопасности, устраняющие причины преступного поведения виновного в совершении преступления. Стоит отметить, что меры безопасности могут применяться как в сочетании с основным наказанием, так и без такового.

Специфичность института мер безопасности заключается в особенностях его реализации, что вызывает неподдельный интерес исследователей на современном этапе. Например, меры безопасности применяются как к лицам, виновным в совершении противоправных деяний, так и действовавшим без вины. Что касается применения данных мер в отношении лиц, виновно совершивших общественно опасные деяния, то они, как правило, применяются после отбытия основного наказания (уголовное законодательство Бельгии, Бразилии и Италии). В уголовно-правовых системах некоторых европейских государств (Австрия, Германия) последовательность мер исправления и безопасности выбирается судом и может быть как перед основным наказанием и после такового, так и сочетаться вместе с наказанием. При этом предусмотрен полный или частичный зачет отбытых мер безопасности в срок наказания.

Сравнительно-правовое исследование законодательства зарубежных стран о применении мер безопасности позволит оценить, в каких аспектах российское законодательство полностью отвечает общепринятым подходам, в каких идет вразрез с преобладающими в зарубежных государствах тенденциями. Понимание единого контекста и пределов вариантности развития современных систем наказаний крайне важно для определения ориентиров дальнейшего развития института мер безопасности в России.

Правовые тенденции, которые преследует современное уголовное законодательство, выражены в виде задач УК РФ, которые наряду с охраной прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка, охраной окружающей среды, конституционного строя, предупреждением преступлений включают в себя и задачи по охране общественной безопасности и безопасности человечества [7, с. 214], что непосредственно подтверждает наше мнение об актуальности института мер безопасности. В основу каждой задачи должны закладываться меры по их решению. Но, к сожалению, для осуществления данных задач законодатель не предусматривает реализацию ряда мер, направленных на их решение, в том числе и по охране общественной безопасности и безопасности человечества.

Данное обстоятельство указывает на необходимость научно обоснованной концепции развития уголовного законодательства в области применения иных мер уголовно-правового характера, которые впоследствии, по нашему мнению, должны найти свое логическое отражение именно в мерах безопасности.

Видится, что именно меры безопасности, как и в большинстве зарубежных классических школ уголовного права, должны встать на путь воспрепятствования и предупреждения совершения общественно опасных деяний, и в будущем аспекты законодательного применения мер безопасности должны получить свое научное осмысление и войти в основу мер, осуществляющих задачи УК РФ.

Библиографический список

1. Люблинский П. И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет. Петроград: Сенатская типография. 1915. 353 с.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. М., 1994. 393 с.
3. Наумов А. В. Российское уголовное право (Общая часть): курс лекций. М., 1996. С. 246.
4. Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: [http:// фсин.пф/statistics/](http://фсин.пф/statistics/) (дата обращения: 20.03.2019).
5. Бекетов О. И. Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2011. 398 с.
6. Щедрин Н. В. Криминальная субкультура осужденных: Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография. Красноярск, 2010. 324 с.
7. Уголовное право зарубежных государств. М., 2009. 340 с.

References

1. Lyublinskij P. I. Mezhdunarodnye s"ezdy po voprosam ugodovnogogo prava za desyat' let [International congresses on criminal law for ten years]. Petrograd, 1915, 353 p. [in Russian].
2. Tagantsev N. S. Russkoe ugodovnoe pravo: lekcii [Russian criminal law: lectures]. Moscow, 1994, 393 p. [in Russian].
3. Naumov A. V. Rossijskoe ugodovnoe pravo (Obshchaya chast'): kurs lekcij [Russian penal law (General part)]. Moscow, 1996, 246 p. [in Russian].
4. Oficial'nyj sajт FSIN Rossii [Official site of the Federal penitentiary service of Russia]. URL: <http://фсин.пф/statistics/> (Accessed: 20.03.2019) [in Russian].
5. Beketov O. I. Policejskij nadzor: teoretiko-pravovoe issledovanie. Diss. doktora yurid. nauk [Police supervision: theoretical and legal research. Doctor's of Law thesis]. Omsk, 2011, 398 p. [in Russian].
6. Shchedrin N. V. Kriminal'naya subkul'tura osuzhdennyh: Konceptual'no-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti: monografiya [Criminal subculture of convicts: Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and application of security measures]. Krasnoyarsk, 2010, 324 p. [in Russian].
7. Ugodovnoe pravo zarubezhnyh gosudarstv [Criminal law of foreign States]. Moscow, 2009. 340 p. [in Russian].

УДК 340

Трофимцева Светлана Юрьевна

кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и общегуманитарных
дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: suiistoria@rambler.ru

Svetlana Yu. Trofimtseva

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Professor of All Humanities Disciplines Department,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: suiistoria@rambler.ru

ПРОКУРОР СССР А. Я. ВЫШИНСКИЙ И СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ В УСЛОВИЯХ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ в 1930-е гг.

Аннотация. В статье рассматриваются процессы преобразования органов правопорядка, включая уголовно-исполнительные, в СССР в 1930-е гг. в условиях возобновления массовых репрессий, которые привели к резкому росту числа осужденных в СССР. Выделяются основные линии трансформации системы юстиции: реорганизация пенитенциарной системы в ГУЛАГ НКВД, реформирование прокуратуры и следственных органов. Отмечается роль прокурора А. Я. Вышинского в централизации Прокуратуры СССР как высшего надзорного органа, в преодолении низкой компетентности сотрудников. Подчеркивается значение изменений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, позволивших ускорить процесс ведения следствия, увеличить число осужденных при относительно небольшом росте численности сотрудников следствия и суда. Уделяется внимание деятельности внесудебных органов, в том числе «двойки» с участием Н. И. Ежова и А. Я. Вышинского, в политических репрессиях 1930-х гг. Подчеркивается ряд несовпадений теоретико-правовых воззрений А. Я. Вышинского и предпринимаемых им шагов по эскалации политического террора. Отмечается бесплодность некоторых попыток Вышинского восстановить «социалистическую законность» при проведении массовых репрессий.

Ключевые слова: тоталитаризм в СССР, советская политическая система, «политическая юстиция», массовые репрессии, Прокуратура СССР, прокурор А. Я. Вышинский.

PROSECUTOR OF THE USSR A. Y. VYSHINSKY AND SOVIET JUSTICE IN THE CONDITIONS OF MASS REPRESSION IN THE 1930s

Summary. The article deals with the processes of transformation of law enforcement agencies, including criminal executive, in the USSR in the 1930s. in the conditions of the resumption of mass repressions, which led to a sharp increase in the number of convicts in the USSR. The main lines of the transformation of the justice system are highlighted: the reorganization of the penitentiary system in the Gulag of the NKVD, the reform of the prosecutor's office and investigative bodies. The role of Prosecutor A. Ya. Vyshinsky in the centralization of the USSR Prosecutor's Office as the supreme supervisory authority, in overcoming the low competence of the staff. The importance of changes in the criminal and criminal procedural legislation that allowed to speed up the process of conducting the investigation, to increase the number of those convicted with a relatively small increase in the number of employees of the investigation and the court is underlined. Attention is paid to the activities of extrajudicial bodies, including the «deuce» with the participation of N. I. Yezhov and A. Ya. Vyshinsky, in the political repressions of the 1930s. A number of discrepancies in the theoretical and legal views of A. Ya. Vyshinsky and the steps he has taken to escalate political terror. Fruitlessness of some of Vyshinsky's attempts to restore «socialist legality» during the mass repressions is noted.

Keywords: totalitarianism in the USSR, the Soviet political system, «political justice», mass repression, the USSR Prosecutor's Office, Prosecutor A. Ya. Vyshinsky.

В 1930-е гг. в СССР завершается оформление тоталитарного режима, что, согласно выводу Р. Конквеста, создало неразрывную связь «большого террора» со всей сутью советской политической системы [1], включающей и органы правопорядка, которые образовали «политическую юстицию» (В. Кудрявцев, А. Турусов, 2000) как специальную систему, обслуживающую интересы власти (применительно к длительному периоду отечественной истории). Для придания массового характера политическим репрессиям, ставшим тяжелым бременем для уголовно-исполнительных органов и обусловленным самой логикой советской политической системы, к началу 1930-х гг. правовая и общетеоретическая база в целом была подготовлена.

Окончательное оформление задач и функций органов правопорядка в условиях возобновления «массовидности террора» (В. И. Ленин) шло по ряду направлений: как по линии трансформации пенитенциарной системы, реформирования прокуратуры и следственных органов, так и по линии изменения норм законодательства, что значительно расширяло возможность вынесения обвинительных приговоров (в том числе «расстрельных») широким массам подсудимых и при этом относительно минимизировало рост численности сотрудников, так как при соблюдении действовавших ранее уголовных и уголовно-процессуальных норм следствие и суды не смогли бы подготовить и вынести за то же время нужное количество приговоров, а места лишения свободы не справились бы с потоком заключенных. Данные задачи нужно было решить максимально эффективно и в короткие сроки.

К началу 1930-х гг. в первую очередь назрела необходимость реформирования прокуратуры, что позволило бы сформировать единообразную судебную практику и не допустить «вольное» (неверное) толкование законов на местах, а также избавить региональных правоохранителей от зависимости от местных властей, подчинив их центру. Идея реформы прозвучала на XV съезде ВКП (б) (1928 г.), потребовавшем сделать судебно-прокурорский аппарат «исполнительнее, чтобы он работал более четко» [2].

А. Я. Вышинский, будучи Прокурором РСФСР и активным юристом-теоретиком, не мог не внести свой вклад в этот процесс. В 1932 г. в «Советской юстиции» он подчеркнул, что в связи с продолжающейся борьбой с врагами народа, «на органах юстиции <...> лежат чрезвычайно высокие и ответственные обязанности» по осуществлению надзора «за революционной законностью» [3, с. 20]. После инициированных им прокурорских проверок, выявивших по-прежнему низкий уровень сотрудников, было принято решение об увеличении набора на курсы юридической подготовки (хотя проблему это не решило). Деятельность Вышинского по выявлению нарушений со стороны сотрудников следствия и прокуратуры активизировалась после принятия постановления ЦИК и СНК СССР от 25.06.1932, где от прокуратуры требовалось провести проверку всех поступивших жалоб «о фактах нарушений революционной законности» с наложением мер взыскания, и расширились полномочия прокуратуры по надзору за судами: снять судью можно было только по согласованию с соответствующим прокурором [4]. Как отмечают А. Г. Звягинцев и Ю. А. Орлов, постановление дела на местах не улучшило: волокита продолжалась, на жалобы не реагировали, и тогда Прокурор в приказе № 33 от 19.01.1933 заявил, что если «в ближайший же месяц волокита с разрешением жалоб» не будет изжита, то по отношению к виновным лицам он применит «самые жесткие меры взыскания» [3, с. 28], что, наконец, дало эффект.

Реформа в полном объеме началась в 1933 г. при прямом участии Прокурора РСФСР А. Я. Вышинского, а завершилась в 1936 г., когда он уже был Прокурором СССР (1935 г.). В 1936 г. Вышинский провел реорганизацию прокуратуры, устранив секторы по отраслям экономики, отделив уголовные дела от гражданских и выделив ряд отделов (в основном, сохранившиеся до настоящего момента). Это усиливало потенциал осуществления надзора и контроля (одним из первых был приказ Прокурора от 11.05.1935 «Об усилении надзора за революционной законностью»). Несмотря на то что СССР формально был широкой федерацией, Прокуратура СССР стала централизованным органом: Прокурор СССР назначал прокуроров субъектов, причем согласно ст. ст. 115, 116 Конституции 1936 г. без согласования с ЦИКаи республик [5]. Следовательно, реформа прокуратуры имела большое значение для централизации органов власти в СССР, что могло также способствовать как ведению репрессий по единым шаблонам, так и борьбе с общеуголовными преступлениями, число которых в СССР возросло в связи с голодом 1932–1933 гг.

Вышинский способствовал и тому, чтобы в принятой 05.12.1936 Конституции СССР в ведение прокуратуры был отдан высший надзор за исполнением законов органами, учреждениями, должностными лицами и гражданами СССР (ст. 113) [5]. И в этой связи вполне логичным (первые после 1802 г.) выглядит отделение прокуратуры от правительства (министерства или наркомата юстиции), так как прокуратура контролировала и это ведомство. Тем самым в результате реформы Прокуратура СССР получила широкие полномочия не только по надзору за деятельностью правоохранительных органов, но и за деятельностью органов власти (надзор за соответствием постановлений и распоряжений ведомств СССР, союзных республик и органов власти Конституции и союзному законодательству с правом опротестовывать любые их решения). У прокуратуры появилось право опротестовывать постановления пленумов Верховного суда СССР. Сам же Прокурор СССР получил право законодательной инициативы на заседаниях президиума ЦИКа и СНК СССР [6]. При прокуратуре находился институт следствия, прокуроры возбуждали уголовные

дела и поддерживали обвинение в судах, а также могли контролировать следственный процесс. Реформа прокуратуры демонстрировала, что этап «правового нигилизма» 1920-х гг. закончился, и власть решила пресечь правовой произвол местных органов правопорядка (к функциям прокуратуры было отнесено и «наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями» [6]), унифицировать их деятельность, что могло облегчить организационное оформление «большого террора».

На нормативно-правовом направлении обеспечению массового характера репрессий на уровне материального права способствовала проведенная в 1920-е гг. кодификация законодательства, в котором выросло количество «политических» составов. Необходимо подчеркнуть, что росту численности осужденных способствовало и то, что санкции применялись даже в том случае, если лицо добровольно отказалось от совершения преступления (ст. 19 УК РСФСР, 1926) [7]. При этом уголовный закон имел обратную силу: каралась борьба против рабочего класса и революционного движения в период пребывания на государственных должностях при царском строе или при небольшевистских правительствах в период Гражданской войны (примечание 2 к ст. 14), также преступниками считались пособники, содействующие советами или указаниями (ст. 17) и не донесшие, в том числе о готовящемся преступлении (ст. 18) [7]. Поскольку преступления, «направленные против основ Советского строя», считались наиболее опасными, по ст. 58 «Контрреволюционные преступления» (основной «политической» статье) и по ст. 59 «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления» наказание предусматривало до десяти лет или расстрел [7]. Кроме того, в УК 1926 г. сохранялся принцип аналогии, позволяющий применять «сходные» статьи УК в случае, если деяние кодексом не описывалось (ст. 16) [7], что расширяло возможность для осуждения практически неограниченного количества лиц.

На процессуальном уровне возможности эскалации террора, исходя из норм УПК 1923 г., способствовало то, что еще в 1920-е гг. было санкционировано ведение ускоренного следствия (сроком до одного месяца), а дела, в случае признания подозреваемого или их «ясности» дела, рассматривались в особом порядке, что помимо прочего несколько препятствовало росту количества лиц, содержащихся под стражей. Принцип объективности как требование к суду при вынесении приговора не предусматривался «классовым характером советского» права, и суд, руководствуясь «своим социалистическим правосознанием», должен был учитывать как обстоятельства совершения преступления, так и саму личность преступника, что сохраняло в некоей мере возможность контролируемого судебного произвола в плане «нужного» толкования норм уголовного закона.

Однако, как подтвердило настоящее исследование, на организационном уровне одной из проблем, препятствующей «массовидности» террора, была неготовность пенитенциарных учреждений к принятию и содержанию резко увеличивающегося количества заключенных, и эта проблема была решена в двух направлениях. Во-первых, 12.10.1922 система исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) передавалась вновь созданному Главному управлению местами заключения при НКВД, 26.03.1928 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» усовершенствовало карательную систему, а на основании докладной записки в СНК РСФСР наркоматов юстиции, внутренних дел и ОГПУ от 13.04.1929, вся совокупность лагерей была реорганизована по типу лагерей ОГПУ, поскольку именно это было сочтено оптимальным. Для сокращения расходов на содержание растущей массы заключенных 13.05.1929 было принято постановление Политбюро ЦК ВКП (б), обязывавшее «перейти на систему массового использования <...> труда арестантов, имеющих приговор не менее трех лет» [8], а 11.07.1929 Постановлением СНК СССР для приема новых заключенных ОГПУ предписывалось «расширить существующие и организовать новые» ИТЛ [9]. 25.04.1930 приказом ОГПУ № 130/63 было образовано Управление лагерями (УЛАГ) под руководством Ф. И. Эйхманса (после ликвидации ОГПУ лагерь в 1934 г. были переданы НКВД – ГУЛАГ НКВД).

Другим направлением решения указанной проблемы была «разгрузка» следственных изоляторов, так как расширять масштаб репрессий в геометрической прогрессии при отсутствии мест содержания под стражей было бы организационно сложно. В этой связи для ускорения прохождения дел по судебно-следственным инстанциям 01.12.1934 Постановлением № 23 ЦИК СССР было ускорено рассмотрение дел по обвинению в подготовке или совершению террористических актов, а в УПК вносились изменения, сокращавшие срок следствия до десяти дней с вручением обвинительного заключения задержанным за сутки до рассмотрения в суде. Судебное заседание теперь проводилось без прокурора и адвоката (право на ходатайство о помиловании отменялось, приговор

о расстреле приводился в исполнение сразу после его вынесения) [10] (в 1937 г. эти нормы были распространены на «контрреволюционное вредительство» и диверсии [11]).

В целях увеличения количества органов, выносящих приговоры (так как имеющиеся не справились бы с возросшей нагрузкой), еще в начале 1920-х гг. были расширены внесудебные полномочия ОГПУ, а в 1934 г. вместо Особой комиссии при ОГПУ с правом административной высылки до трех лет (1922 г.) и заключения в лагеря до трех лет (1924 г.) было образовано Особое совещание при НКВД, получившее право ссылать или заключать до пяти лет в лагеря «общественно опасных лиц» [12]. На местах создавались «тройки» – внесудебные органы с широкими полномочиями в составе начальника областного управления НКВД, прокурора области и секретаря обкома партии, идея которых, по утверждению Н. И. Ежова, принадлежала Прокурору СССР А. Я. Вышинскому [13].

Эти мероприятия обеспечили реальную возможность для эскалации политических репрессий в 1930-е гг., и тогда (с 1931 по 1939 г.) А. Я. Вышинский принял деятельное участие в организации знаменитых политических процессов. Однако необходимо отметить, что «вклад» Андрея Януарьевича в репрессии участием в качестве обвинителя на Московских процессах и закрытых процессах по «делам военных» не исчерпывается. Согласно опубликованным данным, с 1937 г. идет нарастание масштаба репрессий, которое связывают с речью Сталина на Февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП (б), где он обвинил «руководящих товарищей» в том, что они «не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску», воспринимая «туго» «сигналы и предупреждения» [14]. Однако такая ситуация, как подчеркнул Сталин, – «это не органический порок. Это – временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей», поэтому нужно «принять необходимые меры», используя «новые методы, методы выкорчевывания и разгрома» всех врагов, внутренних и внешних [14]. Вследствие этого нарком внутренних дел Н. И. Ежов в докладе «Об итогах пленума ЦК ВКП (б)» на собрании руководящих работников Главного управления ГБ НКВД СССР 19.03.1937 потребовал «наверстать все упущенное и в нашей агентурной работе, и в разгроме врага» [15], в целях реализации чего им были подписаны приказы [16, 17], выполнение которых привело к резкому росту арестованных и расстрелянных. Для хотя бы какого-то формального основания для обвинения в ходе очных следственных процессов широко применялись пытки для получения признательных показаний задержанного. Саму идею, по утверждению Ежова, Сталину подал Вышинский при подготовке к «делу Тухачевского» 1937 г., заверив, что сотрудники прокуратуры будут игнорировать заявления арестованных о применении к ним методов физического насилия [13]. В реальности это и случилось, хотя противоречило идеям, высказанным Вышинским в его основном труде «Теория судебных доказательств в советском праве».

Для ускорения вынесения приговоров в 1937 г. была создана Комиссия НКВД и Прокуратуры СССР («двойка») в составе наркома внутренних дел Ежова (или его заместителя Фриновского) и Прокурора СССР Вышинского (или его заместителя Рогинского), которые выносили приговоры заочно (!) по спискам. По данным Комиссии ЦК КПСС (Доклад от 09.02.1956), к примеру, 29.12.1937 Ежов и Вышинский, рассмотрев списки на 1000 человек, представленные УНКВД Ленинградской области, осудили к расстрелу 992 человека, 10.01.1938 «двойка», рассмотрев списки на 1667 человек, 14 января – на 1569 человек, 15 января – на 1884 человека, 16 января – на 1286 человек, 21 января – на 2164 человека, вынесла им смертный приговор [15]. Согласно показаниям бывшего начальника отдела НКВД СССР Шапиро ...до марта 1938 г. все <...> просмотренные [Ежовым, Цесарским и Минаевым] дела... оформлялись в виде протоколов, которые без всякой проверки, даже без читки, автоматически подписывались наркомом, а также механически подписывались прокурором» [15]. Это, по заключению комиссии ЦК, привело к росту числа расстрелянных в 1937 г. по сравнению с прошлым годом почти в 300 раз [15] при существенной «экономии» мест для задержанных в следственных изоляторах.

Однако параллельно с процессом игнорирования норм права при проведении репрессий Прокуратура СССР по инициативе Вышинского вела проверки на местах на предмет соблюдения законности. Выявленные нарушения были значительны: прокуроры отдавали следователям чистые бланки на арест, аресты велись без ордеров, либо же прокуроры подписывали постановления «задним» числом и т. д. Исходя из этого, еще 17.06.1935 по предложению Вышинского подписывается Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке производства арестов», где предписывалось «производить аресты по всем без исключения делам <...> лишь с согласия соответствующего

прокурора», разрешение на аресты «руководящих работников» центрального аппарата прокуратуры давались только с согласия «председателя ЦИК Союза ССР или председателей ЦИКов союзных республик», на аресты членов партии – по согласованию с секретарями парткомов, а на аресты «военнослужащих высшего и среднего комсостава» даются по согласованию с наркомом обороны [18]. Проверки соблюдения «революционной законности» проводились и в 1936–1937 гг. (напр. Лепельский, Чечельницкий и Ширяевский процессы, выявившие массовые нарушения закона, «всевластие» местных должностных лиц и т. д.). Однако ситуация на фоне разворачивающихся репрессий кардинально не изменилась, и по докладу Вышинского, 13.02.1937 г. была подписана шифротелеграмма ЦК ВКП (б) секретарям крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий, начальникам УНКВД, где подверглись критике некоторые секретари обкомов и крайкомов, дающие неправомерные разрешения на аресты [19]. Однако за этой телеграммой последовали указанные выше выступления и приказы Н. И. Ежова, установившие планы по репрессиям, а в 1938 г. Ежов направил спецсообщение И. В. Сталину с приложением копии телеграммы Г. С. Люшкова о «заговорщиках» в органах суда и прокуратуры, вследствие чего Вышинский четко «сдал» ряд нижестоящих сотрудников [4]. Указанное решение имело негативные последствия для советской прокуратуры с ее вечным дефицитом хотя бы относительно квалифицированных кадров. Кроме того, в условиях, когда ход репрессий продемонстрировал рост бесконтрольности ситуации центру, что не могло устраивать Сталина, 08.10.1938 комиссии в составе Ежова (председатель), Берии, Вышинского, Рычкова и Маленкова постановлением политбюро ЦК ВКП (б) было поручено в десятидневный срок разработать проект постановления ЦК, СНК и НКВД «о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [20]. По проекту комиссии 17.11.1938 было подписано Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР, где констатировалось, что была проделана большая работа «по разгрому врагов народа» и очищению от них СССР, но в работе органов НКВД имели место «крупнейшие недостатки и извращения», связанные с практикой массовых арестов, «лимитов», при низком качестве расследования, выражающемся в получении «от обвиняемого признания своей вины» и отсутствии заботы «о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и пр.)» [21] (что полностью было созвучно с позицией Вышинского относительно роли признания обвиняемого в уголовном процессе). Кроме того, указывалось на нарушение норм УПК (!) при попустительстве прокуратуры (это с учетом рассмотренной выше деятельности «двойки» именно в этот период!). В результате органам НКВД и прокуратуры было запрещено производство массовых арестов и выселений, для ареста в обязательном порядке требовалась санкция прокурора в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17.07.1935 и с соблюдением требования обоснованности, от следователей требовалось четко соблюдать нормы УПК, «тройки» были ликвидированы, ответственность за необоснованный арест была возложена на прокуроров. Тем самым прокурорский надзор должен был усилиться, причем прокуратура получила формальную возможность надзирать и за деятельностью НКВД. Вышинский сразу же предпринял меры, к примеру, потребовав запретить «дачу санкций на аресты по телефону, по справкам, меморандумам и т. п.». [22] (хотя незадолго до этого подписывал пачками заочные приговоры). Поскольку Сталин был «за» (см. резолюцию на указанной записке Вышинского), было принято Постановление политбюро ЦК ВКП (б) от 1.12.1938 г., отменившее Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17.07.1935 г. и ужесточившее порядок согласования арестов [23], исполняя которое, прокуратура провела проверки, выявившие массовые нарушения, и Вышинский добился увеличения числа работников прокуратуры, осуществляющих надзор за органами НКВД, за счет выпускников вузов [24], что повышало уровень их квалификации, но не сокращало объем репрессий.

В 1939 г. Вышинский представил Сталину весьма интересные документы: в одном он заявлял, что, поскольку через Особое Совещание при НКВД в сутки «проходит большое количество дел, <...> от 200 до 300 дел. При таком положении вещей не исключается возможность принятия ошибочных решений» [25], поэтому предлагал уменьшить нагрузку, а в другом – о том, что без предварительного получения санкции Прокуратуры СССР арестованы Фриновский М., Беленький З., Кедров и др [26], и Вышинский просил дать указание НКВД соблюдать порядок производства арестов. Если в связи со второй запиской меры были приняты, то по поводу первой выразил удивление Л. П. Берия, заметив, что за период с декабря 1938 по май 1939 гг. состоялось 13 заседаний, рассмотрено 2079 дел и «не было случая, чтобы тов. Вышинский сделал какое-нибудь замечание о порядке проведения заседаний Особого совещания», и сообщил Сталину и Молотову,

что «я имел с тов. Вышинским беседу после написания им письма в ЦК ВКП (б) и СНК СССР, и тов. Вышинский признал, что его письмо по существу неправильное» [см.: 26]. Последнее показательно иллюстрирует Вышинского как личность и государственного деятеля: реализуя генеральную линию вождя, он вдруг, наткнувшись на некое сопротивление, сразу же отказался от своих взглядов и предложений. Возможно, именно это помогло Андрею Януарьевичу, «пройдя по трупам», выжить, став в 1939 г. заместителем председателя СНК, затем – заместителем и министром иностранных дел, а потом постоянным представителем СССР в ООН, и умереть не в ИТЛ, и не «от пули в затылок», в отличие от тех тысяч, чьи приговоры он подписал, а на «боевом посту» в Нью-Йорке...

Итак, завершение формирования тоталитаризма в СССР в 1930-х гг. привело к окончательному оформлению «политической юстиции» как логически следующей из сути советской системы власти и призванной обеспечить возможность проведения массовых репрессий против граждан (хотя только террор, согласно выводу П. Соломона, в рассматриваемую эпоху не являлся единственной формой контроля над обществом [27, с. 4]). В этом свое значение имели все органы правопорядка, трансформированные в соответствии с задачами режима. И в означенном процессе определенную роль сыграл Прокурор РСФСР и СССР Андрей Януарьевич Вышинский. Признавая его крайне негативную роль в массовых репрессиях, в том числе на значимых политических судебных процессах 1930-х гг., прежде всего, на Московских, следует отметить, что Вышинский внес свою, хотя и иногда спорную в современном понимании, лепту в уголовно-процессуальную теорию и практику, несмотря на то что отдельные положения его разработок (в частности, о недопустимости использования признания обвиняемого как единственного доказательства его вины) были проигнорированы, в том числе и им самим, по причине их несоответствия политическому заказу. Кроме того, следует отметить его вклад в создание как современной структуры Прокуратуры, так и ее статуса как высшего надзорного органа, ответственного за соблюдение законности в стране, хотя и это, как показано в работе, было проигнорировано, в том числе на этапе «большого террора».

За рамками настоящей работы осталась противоречивая деятельность А. Я. Вышинского на дипломатическом поприще, где он (вместе с А. А. Громыко) принимал участие в создании ООН и активно вносил свой вклад в обострение послевоенной международной обстановки.

В конце 1980-х гг. А. Ваксбергом в архиве Вышинского был найден черновик речи В. М. Молотова, произнесенной им по радио 22.06.1941 г., написанный рукой Вышинского, и его же рукой в середину фразы «Наше дело правое. Победа будет за нами» было вставлено «Враг будет разбит» [28] – парадоксы истории: «отечественной» войну с Гитлером назвал «главный инквизитор Сталина»...

Библиографический список

1. Конквест Р. Большой террор. Книга I. М.: Ракстниекс, 1991. 416 с.
2. Еженедельник советской юстиции. 1928. 12/19 декабря. № 46/47.
3. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. А. Прокуроры двух эпох: Андрей Вышинский и Роман Руденко. М.: Олма-Пресс, 2001.
4. О революционной законности: Постановление ЦИК и СНК от 25.06.1932 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.12.2017).
5. Конституция СССР. Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936 (утратила силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 27.11.2017).
6. Положение о Прокуратуре Союза ССР. Утверждено постановлением ЦИК и СНК СССР 17.12.1933 г [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.12.2017).
7. Уголовный кодекс РСФСР (1926 г.) (утр. силу). Введен Постановлением ВЦИК РСФСР «О введении в действие Уголовного кодекса Р. С. Ф. С. Р. редакции 1926 г.» от 22.11.1926 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.12.2017).
8. Об использовании труда уголовных арестантов: Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 13.05.1929 № 12 // Исторический архив. 1997. № 2. С. 144.
9. Об использовании труда уголовно-заключенных: Постановление СНК СССР от 11.07.1929 [Электронный ресурс] // Фонд А. Н. Яковлева. URL: <http://www.Alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009082> (дата обращения: 02.12.2017).

10. О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов: Постановление ЦИК СССР от 01.12.1934 № 23 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.12.2017).
11. О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик: Постановление ЦИК СССР от 14.09.1937 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 02.12.2017).
12. Об особом совещании при НКВД СССР: Постановление СНК СССР от 05.11.1934 № 22 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 02.12.2017).
13. Звягинцев А. Г. Андрей Вышинский и его дела [Электронный ресурс] // Кто есть кто. Серия: История. 2005. № 2. URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/22005/av.htm (дата обращения: 17.11.2017).
14. Сталин И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад на Пленуме ЦК ВКП (б) 03.03.1937 [Электронный ресурс] // Правда. 1937. 29 марта. URL: <http://vault.exmachina.ru/spy/reference/> (дата обращения: 01.12.2017).
15. Доклад комиссии ЦК КПСС президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП (б), избранных на XVII съезде партии от 09.02.1956 [Электронный ресурс] // Альманах: Россия. XX век. Фонд А. Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55752> (дата обращения: 03.12.2017).
16. Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов: Оперативный приказ НКВД СССР от 30.07.1937 № 00447 [Электронный ресурс] // Книга памяти жертв политических репрессий. Ульяновск, 1996. С. 766–780. URL: www.xliby.ru/gulag_glavnoe_upravlnie_lagerei_1917_1960/p3.php#metkadoc23 (дата обращения: 02.12.2017).
17. Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины: Оперативный приказ НКВД СССР от 15.08.1937 № 00486 [Электронный ресурс] // Мемориал-аспект: журнал. 1993. № 2–3. Октябрь. URL: www.xliby.ru/gulag_glavnoe_upravlnie_lagerei_1917_1960/p3.php#metkadoc23 (дата обращения: 02.12.2017).
18. О порядке производства арестов: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17.06.1935 [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/40431> (дата обращения: 03.12.2017).
19. Шифротелеграмма ЦК ВКП (б) секретарям крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий, начальникам УНКВД от 13.02.1937 г [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/60999> (дата обращения: 02.12.2017).
20. Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия: Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 08.10.1938 [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t14/t14_55.htm (дата обращения: 02.12.2017).
21. Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия: Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 17.11.1938 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61411> (дата обращения: 02.12.2017).
22. Записка А. Я. Вышинского И. В. Сталину и В. М. Молотову о проекте приказа № 1/001562 от 26.11.1938 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61417> (дата обращения: 02.12.2017).
23. О порядке согласования арестов: Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 01.12.1938 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61421> (дата обращения: 20.12.2017).
24. Спецсообщение Л. П. Берии, А. Я. Вышинского и Н. М. Рычкова И. В. Сталину с приложением приказа о ходе выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17.11.1938 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58638> (дата обращения: 03.12.2017).
25. Записка А. Я. Вышинского И. В. Сталину об особом совещании при НКВД СССР от 31.05.1939 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.info/dokum/193_dok/19390531vysh.php (дата обращения: 03.12.2017).
26. Записка А. Я. Вышинского И. В. Сталину о нарушениях в порядке согласования арестов от 31.05.1939 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58666> (дата обращения: 03.12.2017).
27. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.
28. Ваксберг А. И. Царица доказательств: Вышинский и его жертвы. М.: Аспол, 1992. 349 с.

References

1. Konkvest R. Bol'shoj terror [The Great Terror]. Kniga I. Moscow, 1991, 416 p. [in Russian].
2. Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii [Weekly of the Soviet Justice], 1928, no. 46/47 [in Russian].
3. Zvyaginets A. G., Orlov Yu. A. Prokurory` dvux e'pox: Andrej Vy'shinskij i Roman Rudenko [Prosecutors of two epochs: Andrei Vyshinsky and Roman Rudenko]. Moscow, 2001 [in Russian].
4. O revolyucionnoj zakonnosti: Postanovlenie CIK i SNK [On Revolutionary Legality: Resolution of the CEC and the Council of People's Commissars] ot 25.06.1932]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 04.12.2017) [in Russian].
5. Konstituciya SSSR [Constitution of the USSR]. Utverzhdena postanovleniem Chrezvy'chajnogo VIII s'ezda Sovetov Soyuzov Sovetskix Socialisticheskix Respublik ot 05.12.1936 (utratila silu). *SPS «Garant»* [*SPS Garant*] (Accessed: 27.11.2017) [in Russian].
6. Polozhenie o Prokurature Soyuzov SSR [Provisions on the Prosecutor's Office of the USSR]. Utvtrzhdeno postanovleniem CIK i SNK SSSR 17.12.1933. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 04.12.2017) [in Russian].
7. Ugolovnyj kodeks RSFSR [The Criminal Code of the RSFSR] (1926 g.) (utratil silu). Vvedyon Postanovleniem VCIK RSFSR «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa R. S.F.S.R. redakcii 1926 g. ot 22.11.1926. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 02.12.2017) [in Russian].
8. Ob ispol'zovanii truda ugolovnyx arestantov: Postanovlenie politbyuro CzK VKP (b) ot 13.05.1929 g., no. 12 [On the use of labor of criminal prisoners: Resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (b)]. *Istoricheskij arxiv* [*Historical archives*], 1997, no. 2, p. 144. URL: document.wikireading.ru/17935 (Accessed: 02.12.2017) [in Russian].
9. Ob ispol'zovanii truda ugolovno-zaklyuchyonnyx: Postanovlenie SNK SSSR ot 11.07.1929 [On the use of labor of criminal prisoners: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR]. *Fond Aleksandra Yakovleva* [*The Alexander Yakovlev Foundation*]. URL: <http://www.Alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009082> (Accessed: 02.12.2017) [in Russian].
10. O poryadke vedeniya del o podgotovke ili sovershenii terroristicheskix aktov: Postanovlenie CIK SSSR ot 01.12.1934 no. 23 [On the procedure for conducting cases on the preparation or commission of terrorist acts: Resolution of the Central Executive Committee of the USSR]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 02.12.2017) [in Russian].
11. O vnesenii izmenenij v dejstvuyushhie ugolovno-processual'ny'e kodeksy` soyuznyx respublik: Postanovlenie CIK SSSR ot 14.09.1937 [On Amending the Criminal Procedures of the Union Republics in Force Resolution of the Central Executive Committee of the USSR]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 02.12.2017) [in Russian].
12. Ob osobom soveshhanii pri NKVD SSSR: Postanovlenie SNK SSSR ot 05.11.1934 g., no. 22 [On a special meeting under the NKVD of the USSR: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 02.12.2017) [in Russian].
13. Zvyaginets A. G. Andrej Vy'shinskij i ego dela [Andrei Vyshinsky and his case]. *Kto est` kto. Seriya: Istoriya* [*Who is who. The series: History*], 2005, no. 2. URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/22005/av.htm (Accessed: 17.11.2017) [in Russian].
14. Stalin I. V. O nedostatkax partijnoj raboty` i merax likvidacii troczkistskix i iny`x dvurushnikov: Doklad na Plenum CzK VKP (b) 3 marta 1937 goda [On the shortcomings of party work and measures to eliminate the Trotskyite and other double-dealers: Report at the Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) 3.03.1937]. *Pravda* [*Truth*], 1937. 29 marta. URL: <http://vault.exmachina.ru/spy/reference/> (Accessed: 01.12.2017) [in Russian].
15. Doklad komissii CzK KPSS prezidiumu CzK KPSS po ustanovleniyu pricin massovy`x repressij protiv chlenov i kandidatov v chleny` CzK VKP (b), izbrannyx na XVII s'ezde partii ot 09.02.1956 [Report of the Commission of the CPSU Central Committee to the CPSU Central Committee Presidium on the Reasons for Mass Repressions against Members and Candidates for Members of the Central Committee of the CPSU (b.), Elected at the 17th Party Congress dated 09.02.1956]. *Al'manax: Rossiya. XX vek. Fond A. N. Yakovleva* [*Almanac: Russia. The twentieth century. The Alexander Yakovlev Foundation*]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55752> (Accessed: 03.12.2017) [in Russian].
16. Ob operacii po repressirovaniyu by`vshix kulakov, ugolovnikov i drugix antisovetskix e`lementov: Operativnyj prikaz NKVD SSSR ot 30.07.1937, no. 00447 [On the operation to repress former kulaks, criminals and other anti-Soviet elements: Operative order of the USSR NKVD of 30.07.1937 no. 00447]. *Kniga pamyati zhertv politicheskix repressij* [*The Book of Memory of Victims of Political Repressions*]. Ul'yanovsk, 1996, pp. 766–780. URL: www.xliby.ru/gulag_glavnoe_upravlnie_lagerei_1917_1960/p3.php#metkadoc23 (Accessed: 02.12.2017) [in Russian].

17. Ob operacii po repressirovaniyu zhyon i detej izmennikov rodiny': Operativnyj prikaz NKVD SSSR ot 15.08.1937, no. 00486 [On the operation to repress the wives and children of traitors to the homeland: Operational order of the USSR NKVD of 08/15/1937 no. 00 486]. *Memorial-aspekt* [Memorial Aspect], 1993, no. 2–3. URL: www.xliby.ru/gulag_glavnoe_upravlnie_lagerei_1917_1960/p3.php#metkadoc23 (Accessed: 02.12.2017) [in Russian].

18. Postanovlenie SNK SSSR i CzK VKP (b) «O poryadke proizvodstva arestov» ot 17.06.1935 g [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b) «On the procedure for the production of arrests of 17.06.1935]. URL: <http://istmat.info/node/40431>, svobodnyj (data obrashheniya: 03.12.2017) [in Russian].

19. Shifrotelegramma CzK VKP (b) sekretaryam kraikomov, obkomov, CzK naczkompartij, nachal'nikam UNKVD ot 13.02.1937 g [Cryptographic telegram of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolshevik), secretaries of regional committees, regional committees, Central Committees of National Committees, chiefs of the NKVD of 13.02.1937]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/60999>, svobodnyj (data obrashheniya: 02.12.2017) [in Russian].

20. Ob arestax, prokurorskom nadzore i vedenii sledstviya: Postanovlenie politbyuro CzK VKP (b) ot 08.10.1938 g [On Arrests, Prosecutor's Supervision and Investigation: Decision of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (B) of 08.10.1938]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t14/t14_55.htm (Accessed: 02.12.2017) [in Russian].

21. Ob arestah, prokurorskom nadzore i vedenii sledstviya: Postanovlenie CK VKP (b) i SNK SSSR ot 17.11.1938 [About arrests, prosecutorial oversight and the conduct of the investigation: the Decision of the Central Committee of the CPSU (b) and SNK on 17.11.1938]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61411> (Accessed: 02.12.2017).

22. Zapiska A. Ya. Vyshinskogo I. V. Stalinu i V. M. Molotovu o proekte prikaza no. 1/001562 ot 26.11.1938 [A. Ya. Vyshinsky I. V. To Stalin and V. M. Molotov on the draft order no. 1/001562 of 11/26/1938]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61417> (Accessed: 02.12.2017) [in Russian].

23. O poryadke soglasovaniya arestov: Postanovlenie politbyuro CzK VKP (b) ot 01.12.1938 [On the order of arranging arrests dated 01.12.1938: Resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (b)]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61421> (Accessed: 20.12.2017) [in Russian].

24. Speczsoobshhenie L. P. Berii, A. Ya. Vyshinskogo i N. M. Rychkova I. V. Stalinu s prilozheniem prikaza o chode vy`polneniya postanovleniya SNK SSSR i CzK VKP (b) ot 17 noyabrya 1938 goda «Ob arestax, prokurorskom nadzore i vedenii sledstviya» [Special message to L. P. Beria, A. Ya. Vyshinsky and NM. Rychkova I. V. Stalin with the annex of the order on the implementation of the decision of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b) of November 17, 1938 «On Arrests, Prosecutor's Supervision and Investigation»]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58638> (Accessed: 03.12.2017) [in Russian].

25. Zapiska A. Ya. Vyshinskogo I. V. Stalinu ob osobom soveshhanii pri NKVD SSSR ot 31.05.1939 g [A. Ya. Vyshinsky I. V. Stalin on a special meeting with the NKVD of the USSR of May 31, 1939]. URL: http://www.hrono.info/dokum/193_dok/19390531vysh.php (Accessed: 03.12.2017) [in Russian].

26. Zapiska A. Ya. Vyshinskogo I. V. Stalinu o narusheniyax v poryadke soglasovaniya arestov ot 31.05.1939 g [A. Ya. Vyshinsky I. V. Stalin on violations in order to agree on arrests of May 31, 1939]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58666> (Accessed: 03.12.2017) [in Russian].

27. Solomon P. Sovetskaya yusticiya pri Staline [Soviet justice under Stalin]. Moscow: ROSSPE'N, 2008, 464 p. [in Russian].

28. Vaksberg A. I. Czaricza dokazatel'stv: Vyshinskij i ego zhertvy' [The Queen of Evidence: Vyshinsky and his victims]. Moscow, 1992, 349 p. [in Russian].

УДК 343.82

Южанин Вячеслав Ефимович

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Рязанский государственный университет
им. С. А. Есенина,
390000, Россия, г. Рязань, ул. Семинарская, д. 15,
e-mail: yuzanin@mail.ru

Vyacheslav E. Yuzhanin

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Criminal Law and Criminal Procedure Department,
Ryazan State University named after S. A. Yesenin,
Seminary str., 15, Ryazan, Russia, 390000,
e-mail: yu-zanin@mail.ru

ПРИНУЖДЕНИЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. В статье указывается на существующее в научной литературе мнение, что лишение свободы как наказание проявляется во всех принудительных элементах, применяемых к осужденным, в том числе в охране осужденных, надзоре за ними, обысках и режимных мерах. Автор не соглашается с подобным взглядом на природу исполнения лишения свободы и утверждает, что необходимо различать принуждение — наказание как реализацию ответственности и принуждение в охранительно-режимных средствах, которые обеспечивают претерпевание осужденными правоограничений в наказании.

Свойства наказания-ответственности заключаются в том, что оно, ущемляя личные и юридические блага осужденных, вызывает у них страдания и ожидаемую законодателем реакцию — правомерное поведение. Принуждение, обеспечивающее это принуждение-наказание, выступает как внешнее по отношению к нему средство. Оно вторично и связано с применением норм уголовно-исполнительного права, регулирующих охрану осужденных, надзор за ними, применение предупредительно-пресекательных мер, мер безопасности, привлечение к труду, обучению и пр.

В статье приводятся доводы ученых-теоретиков права, которые отстаивают идею разделения принуждения-ответственности от принуждения, обеспечивающего эту ответственность. Приводятся также нормы уголовно-исполнительного законодательства, которые ограничивают режим обеспечения отбывания осужденными наказания в виде обязанностей выполнять законные требования администрации исправительного учреждения от правового состояния осужденных, связанного с выполнением ими обязанностей и необходимостью следовать правоограничениям (ст. ст. 10, 11 УИК РФ). В подтверждение своих выводов автор приводит данные проведенных им эмпирических исследований.

В заключении статьи описываются методы, обеспечивающие реализацию обязанностей и правоограничений осужденными. К указанным методам автор относит: организационно-процедурный, разъяснительно-обязывающий (убеждение), стимулирующий, диспозитивный, предупредительный, принудительный. Принуждение — второстепенный метод реализации наказания, он вторично обеспечивает отбывание осужденными наказания после несрабатывания иных методов. Он подстраховывает основные непринудительные методы.

Ключевые слова: принуждение-ответственность, наказание-кара, обеспечение отбывания наказания, механизм реализации наказания, карательные и некарательные элементы в наказании, правопритязание государства к осужденному, право-требование администрации исправительного учреждения, методы реализации лишения свободы, организационно-процедурный метод, разъяснительно-обязывающий (убеждение) метод, стимулирующий метод, диспозитивный метод, предупредительный метод, принудительный метод.

ENFORCED PUNISHMENT AS THE FORM OF IMPRISONMENT

Summary. The article points to the opinion existing in the scientific literature that the deprivation of liberty as a punishment manifests itself in all the enforced elements applied to convicts, including the protection of convicts, their supervision, searches and regime measures. The author disagrees with a similar view on the nature of the execution of liberty deprivation and argues that it is necessary to distinguish enforcement — punishment as the realization of responsibility and enforcement in protective and regime means that ensure that the convicts undergo legal restrictions on punishment.

The properties of punishment responsibility consist in the fact that it, infringing upon the personal and legal benefits of convicts, causes them suffering and the reaction expected by the legislator is lawful behavior. The enforcement providing this punishment enforcement, acts as external means in relation to it. It is secondary and connected with the application of the norms of penal law governing the protection of convicts, their supervision, the use of preventive measures, security measures, involvement in labor, training, etc.

The article presents the arguments of legal theorists who advocate the idea of separating enforcement-responsibility from enforcement that ensures this responsibility. The norms of penal legislation are also given, which delimit the regime for ensuring that convicts are served a sentence in the form of duties to fulfill the legal requirements of the prison administration from the legal status of convicts related to their duties and the need to follow legal restrictions (Articles 10, 11 of the RF Penal Code). In support of his conclusions, the author cites data from his empirical studies.

In the conclusion the article describes the methods that ensure the implementation of duties and legal restrictions by convicts. The author considers the following methods: organizational and procedural, explanatory and binding (persuasion), stimulating, dispositive, precautionary, enforcement. Enforcement is a secondary method of implementing the punishment; it provides for the convicts to serve the punishment for the second time after the failure of other methods. It insures the main non-enforcement methods.

Keywords: *enforcement-responsibility, punishment- judgment, punishment, ensuring the punishment execution, the mechanism for punishment implementing, punitive and non-punitive elements in punishment, the right as a state claim to the convicted, the right as a requirement of the prison administration, the methods of imprisonment, the organizational and procedural method, explanatory and binding (persuasion) method, incentive method, dispositive method, precautionary method, enforcement method.*

Среди ученых-пенитенциаристов и практиков уголовно-исполнительной системы существует мнение, что лишение свободы как наказание проявляется во всех принудительных элементах, применяемых к осужденным. Однако это, на наш взгляд, не совсем правильно, ибо следует различать наказание (кару) как разновидность принуждения и процесс обеспечения его реализации, который тоже основывается на принуждении, но в содержание наказания не входит. Для выяснения, что из себя представляют эти правовые явления, обратимся к теории права.

С точки зрения теории права «принуждение» – более широкое понятие, чем «кара» (в значении правоограничений), так как кроме этого выражает разнообразные меры защиты (пресечения, предупреждения), восстановления нарушенных прав, процессуально-пресекательные меры и т. д. Сущность принуждения заключается в принудительном свойстве акций, связанных с «воздействием психического, физического и иного характера на конкретного субъекта с целью заставить (принудить) его поступать согласно воле принуждающего» [1, с. 36]. Эти свойства акций принуждения присутствуют как в наказании (каре), так и в процессе обеспечения его реализации, но они имеют различную характеристику. Принуждение в наказании, раскрываемое через кару, и принуждение в охранительно-режимных средствах его обеспечения – не одно и то же. Они соотносятся между собой как цель и средства.

Кара (правоограничения) – это принуждение осужденного к непреступному поведению [2, с. 31].

Действенность и полезность кары состоит в том, что она, вызывая страдания у осужденного, способна заставить его задуматься о прошлом поведении, пересмотреть свои взгляды на жизнь, систему отношений, побудить стремление к непреступному поведению. Наказание, всегда ущемляя личные и юридические блага осужденных, формирует у них определенное к нему отношение. Как одно из средств воздействия на личность наказуемого оно должно отразиться в его сознании, психике и вызвать ожидаемую законодателем реакцию – правомерное поведение [3, с. 144]. В наказании как форме реализации уголовной ответственности заложено основное содержание этой ответственности в виде правоограничений, обязанностей, запретов. Это есть принуждение-ответственность осужденного за совершенное преступление. Основные параметры наказания (кары) заложены в нормах уголовного права (сущность, виды, сроки, цели).

Негативная юридическая ответственность всегда сопровождается государственным принуждением, которое присутствует либо в потенциальной угрозе (санкции), либо в реальном исполнении (при отбывании осужденным наказания). Реальное отбывание осужденным наказания – это исполнение обязанности в виде претерпевания последствий преступления в состоянии принуждения. Большинство теоретиков права утверждает, что реализация ответственности всегда связана с обременениями, лишениями, имеющими штрафную характеристику за совершенное преступление. Так, С. Н. Кожевников пишет, что «суть ответственности проявляется не в том, что она сопровождается вообще какими-либо лишениями, а в том, что эти лишения носят штрафной характер и направлены на личность правонарушителя» [4, с. 53].

Юридическая ответственность «...связана с особым правовым статусом лица, к которому применяется принудительные меры ... в силу совершенного им правонарушения в целях выполнения

им ранее возникшей обязанности, а также для несения лишений личного, имущественного и иного характера в качестве кары (наказания) правонарушителя» [5, с. 10].

Уголовная ответственность как разновидность юридической ответственности всегда связана с определенными лишениями, ограничениями, которым подвергается преступник. Уголовная ответственность первично связана с осужденным как лицом, совершившим преступление, причinitелем его опасности, а государственные органы лишь вторично реагируют на преступление в виде принуждения к исполнителю ответственности [6, с. 13].

Принуждение, обеспечивающее это принуждение-ответственность, осуществляется специальными государственными органами.

Как справедливо пишет А. С. Курганова, «меры государственного принуждения, применение которых обеспечивает процесс реализации юридической (уголовной) ответственности, исполнения и отбывания уголовного наказания, регламентированные уголовно-исполнительным законодательством, представляют собой самостоятельный отраслевой вид мер государственного принуждения – меры пенитенциарного принуждения» [6, с. 14].

По нашему мнению, взаимодействие уголовной ответственности при реализации наказания с обеспечительными мерами пенитенциарного принуждения образуют механизм реализации наказания в виде лишения свободы [7].

Функцию принуждения, выполняющую роль обеспечения реализации ответственности (наказания), выделяют теоретики права. Например, Б. Т. Базылев отмечал, что «неправильно отождествлять государственное принуждение с юридической ответственностью», есть самостоятельные меры, обеспечивающие осуществление юридической ответственности [2, с. 31].

О сложном принудительном характере правоохранительных средств, одним из которых является наказание, писали дореволюционные ученые-юристы. Например, С. П. Мокринский выделял два характерных признака наказания: а) преднамеренное причинение страдания; б) государственное принуждение к страданию [8, с. 3].

Надо полагать, что и у того и другого автора мысль сводится к тому, что следует различать принуждение, связанное с ответственностью, и государственное принуждение, обеспечивающее эту ответственность.

Из советских ученых, занимавшихся проблемами уголовного и уголовно-исполнительного права, наиболее последовательно эту мысль проводил И. С. Ной. Он утверждал, что наказание – сложное явление, в котором есть принуждение с карательными элементами, причиняющими осужденному страдания, и принуждение, свободное от элементов кары, не причиняющее ему страданий. Карательные элементы, выраженные, по его мнению, в помещении осужденного в специальное учреждение, характере контактов с внешним миром, условиях отбывания наказания, направлены на достижение цели специальной и общей превенции. Некарательные элементы (мера предупреждения, воспитания, взыскания) используются преимущественно как средства достижения цели исправления осужденного, а также специальной превенции [9, с. 29]. Однако некарательные принудительные элементы автор предусматривал в содержании наказания, а не выводил их за его пределы.

Как и И. С. Ной, в юридической литературе наказание часто понимали как форму, которая включает в себе различные принудительные элементы карательного и некарательного свойства. Принудительные меры, обеспечивающие реализацию наказания и его цели, также, по мнению многих авторов, включаются в наказание.

На наш взгляд, такое понимание наказания в виде лишения свободы не совсем верно. Согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ для лишения свободы характерны общие признаки наказания, заключенные в предусмотренном уголовным законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного, и специфический признак, выраженный в изоляции осужденного от общества путем направления его в ИУ определенного вида режима (ч. 1 ст. 56 УК).

Таким образом, принудительные элементы, обеспечивающие реализацию наказания, законодатель в него не включает. Эти элементы предусматриваются нормами уголовно-исполнительного права как средства, с помощью которых администрация учреждения обеспечивает реализацию наказания и его цели. Например, меры безопасности, отмечает А. С. Червоткин, могут соединяться с уголовным наказанием параллельно (запрет иметь определенные вещи и предметы при отбывании лишения свободы), последовательно (административный надзор) либо использоваться в качестве альтернативы лишению свободы (правоограничения при отсрочке исполнения приговора) [10, с. 157]. Выделяя режимные специально-предупредительные меры как

вид принуждения, он также подчеркнул, что при исполнении наказания эти меры могут соединяться с ним, входя в состав некарательных институтов [11, с. 182].

Включать в наказание принудительный процесс обеспечения его реализации неправильно и бесперспективно. Кстати, в последнее время практические работники все больше склоняются к разделению процесса наказывания и процесса его обеспечения. На наш вопрос «Следует ли различать в лишении свободы принуждение как наказание (кара) и принуждение, обеспечивающее реализацию этого наказания», – абсолютное большинство (74 %) опрошенных респондентов (практических работников ИУ) ответили положительно и только 26 % – отрицательно.

Часть 3 ст. 11 УИК РФ определяет осужденному обязанность выполнять законные требования администрации учреждения, выступающей от имени государства. Как отмечает теоретик права С. С. Алексеев, право-требование – это правомочие на чужие действия, вспомогательное юридическое средство, призванное обеспечивать исполнение юридической обязанности другим лицом [12, с. 119].

Осужденный отбывает наказание, претерпевает его карательные условия на основе уголовного права-притязания государства за совершенное преступление. Администрация ИУ на основе права-требования от имени государства обеспечивает наказание осужденного путем создания для этого надлежащих условий и выполнения различного рода функций: контрольной, надзорной, предупредительной, воспитательной и т. д.

Кстати, очень интересную мысль в этом направлении высказали Б. З. Маликов и Ю. В. Пленкин: «Нам представляется, что исправительные учреждения призваны обеспечивать лишь тот уровень кары и исправительного принуждения, который определен в приговоре суда и нормах уголовно-исполнительного законодательства. На основании этого можно заключить, что исправительные учреждения не являются субъектом применения кары, а являются субъектами уголовно-исполнительной деятельности, в процессе которой ими лишь воспроизводятся правоограничения, определенные судом» [13, с. 133].

Абсолютное большинство (94 %) опрошенных практических работников подтвердили, что администрация ИУ не выполняет карательную функцию, а принудительно обеспечивает реализацию кары, заключенной в наказании при отбывании его осужденными. В связи с этим неверным будет утверждение, что администрация ИУ осуществляет карательно-воспитательный процесс. Администрация не карает, а обеспечивает отбывание осужденными наказания и достижение его целей.

Неверным будет также утверждение о том, что осужденный обязан претерпеть заложенные в наказании карательные условия его отбывания. Когда так говорят, то не задумываются о том, что в данном контексте у осужденного возникает обязанность отбыть наказание, а не претерпевать его. «Претерпевание, – пишет В. А. Елеонский, – означает переживание, испытание. В таком смысле оно характеризует не содержание уголовного наказания, а субъективное отношение к нему наказанных... Поскольку страдание, как переживание, выражает субъективную сторону процесса осознания внешнего мира, оно находится за пределами содержания уголовного наказания» [14, с. 51].

Переживание наказания – есть эффект его воздействия на сознание и волю осужденного, но оно не определяет его содержание. Если иметь в виду, что каждый осужденный по-своему воспринимает те или иные правоограничения в лишении свободы, и все это представлять как содержание наказания, то можно прийти к выводу, что оно для каждого из них разное. Но это утверждение абсурдно, наказание по объективным признакам одинаковое для всех осужденных, но воспринимается оно ими по-разному. Поэтому переживание наказания – это психологическая категория, и она лежит за пределами понятия наказания.

Интерес вызывает то, как администрация воспринимает сам процесс отбывания наказания осужденными. На подобный вопрос ответы респондентов распределились следующим образом: а) жизнедеятельность осужденного в рамках режима содержания, изоляции и правоограничений, установленных УИК РФ, – 61 %; б) исправление осужденного – 39 %.

Осуществление права-притязания государства к осужденному основано на признании общественной опасности совершенного преступления и личности. В этом проявляется императивный метод регулирования отношений, в соответствии с которым осужденный обязан отбыть наказание. Данный метод взаимодействует с диспозитивным методом, на основе которого осужденному предоставляются права с возможностью воспользоваться ими по своему усмотрению.

Принуждение, обеспечивающее реализацию наказания-принуждения, наделяется некарательным свойством, оно выступает как внешнее средство по отношению к наказанию-принуждению, способствуя достижению его целей. На основе принуждения-обеспечения строятся вторичные

уголовно-исполнительные правоотношения по отношению к основным уголовно-правовым отношениям, возникающим на основе реализации наказания-принуждения.

При обеспечении отбывания наказания отношения государства с осужденным также регулируются с помощью метода принуждения, но уже во взаимодействии с иными методами уголовно-исполнительного права: организационно-процедурным, разъяснительно-обязывающим (убеждением), стимулирующим, диспозитивным и предупредительным.

Специфика субъективного права-требования в уголовно-исполнительном праве заключается в том, что управомоченный субъект (персонал учреждения) может обеспечивать реализацию наказания вплоть до достижения его целей (ст. 1 УИК РФ), но эта деятельность во многом зависит от другого субъекта (осужденного), от того, как он соблюдает правоограничения, как исполняет свои обязанности, следует целям наказания. Наличие права-требования означает, что на активной стороне управомоченного субъекта имеется интерес, который может быть удовлетворен исключительно благодаря поведению другой стороны.

Если осужденный соблюдает правоограничения, исполняет обязанности, не совершает правонарушения, то интерес управомоченного субъекта (администрации учреждения) будет удовлетворен полностью и ему не нужно обращаться к уголовно-исполнительному принуждению. Если же осужденный не соблюдает правоограничения, не исполняет обязанности, совершает правонарушения, то интерес управомоченного субъекта может быть удовлетворен путем реализации его права на принуждение (постановка на профилактический учет, применение взыскания или меры безопасности и пр.).

В связи с этим главным в деятельности администрации ИУ должно быть не властное, а организационное правоприменение и убеждение в необходимости выполнять требования законов. Принуждение здесь должно выступать в качестве второстепенного способа обеспечения правореализации. В этом и проявляется специфика взаимодействия императивного метода реализации норм уголовно-исполнительного права с иными методами: организационно-процедурным, разъяснительно-обязывающим (убеждением), стимулирующим, диспозитивным и предупредительным.

Организационно-процедурный метод предполагает создание надлежащих условий саморегуляции поведения осужденных, проведение организационных мер и определение процедур реализации осужденными их прав и обязанностей. Это, например, производственное обеспечение ИУ, правильное размещение осужденных, создание для них нормальных жилищно-бытовых условий, обеспечение питанием и т. п.

Разъяснительно-обязывающий (убеждение) метод обеспечения реализации наказания является универсальным способом воздействия на осужденных. Убеждение всегда направлено на разъяснение необходимости выполнения осужденными правоограничений и обязанностей. Поэтому этот метод и получил название «разъяснительно-обязывающий». Администрация учреждения, используя этот метод, воздействует на правосознание осужденного, позволяет добиться внутреннего согласия с правовыми методами, необходимостью их соблюдать. Убеждение – нравственно-воспитательное средство воздействия на интеллектуальную и эмоциональную сферы сознания осужденных. Это воздействие на уровне правовой психологии от требований, закрепленных в законе, к внутреннему убеждению, а от него – к положительным поступкам.

Стимулирующий метод обеспечения реализации наказания заключается в побуждении с помощью материальных, моральных и льготных средств к добровольному соблюдению установленных в ИУ правил отбывания наказания. Этот способ способствует саморегуляции поведения осужденных, так как они не способны глубоко повлиять на его правосознание и изменить мировоззрение. Стимулирование – пассивное средство активизации правомерного поведения осужденного.

С помощью предупредительного способа обеспечения реализации наказания достигается предупреждение правонарушений как во время отбывания наказания, так и после освобождения от него. Во время отбывания наказания применяются такие непринудительные профилактические средства, как содержание осужденных в локальных участках, передвижение строем по территории колонии, вежливое обращение с администрацией и другие дисциплинирующие меры. К мерам, направленным в постпенитенциарную сферу, можно отнести подготовку осужденных к освобождению, оказание помощи в социальной адаптации после освобождения, обеспечение различного рода иной помощи, например, в восстановлении социально полезных связей и т. п.

Диспозитивный метод обеспечения реализации наказания основан на предоставлении осужденным субъективных прав, реализация которых в значительной мере обеспечивает самореализацию поведения осужденных. Со стороны государства предполагается создание процедур реализации этих прав, например, определение порядка проведения свиданий, получения посылок и передач, приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости и т. п.

Все указанные методы реализации наказания взаимодействуют с принудительным методом, который применяется или параллельно, или последовательно, или в порядке их дополнения. Параллельно, например, осуществляются меры социального контроля за поведением осужденных (при проведении надзорных мероприятий изымаются запрещенные предметы, охрана осужденных, обыски и пр.), последовательно – меры взыскания, дополнительно – установление административного надзора.

Принуждение – второстепенный метод обеспечения реализации наказания, так как путем его применения происходит его вторичное обеспечение, когда безрезультатной оказалась реализация непринудительных способов при новом проявлении общественной опасности личности и неправомерном поведении осужденного. Принуждение подстраховывает основные непринудительные методы обеспечения реализации наказания, находится как бы в «боевой готовности» и тем самым выполняет свою социально полезную функцию.

Библиографический список

1. Серегина В. В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. 120 с.
2. Базылев Б. Т. Социальное назначение государственного принуждения в советском обществе // Правоведение. 1968. № 5. С. 29–36.
3. Ременсон А. Л. К вопросу о восприятии осужденными к лишению свободы карательно-воспитательных последствий // Доклады второй научной конференции юридических факультетов. 1970. 3 декабря. Томск, 1971. С. 144–148.
4. Кожевников С. Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Социальные проблемы исправления и перевоспитания: сб. науч. трудов. М., 1984. № 71. С. 47–53.
5. Попкова Е. С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными формами государственного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 23 с.
6. Курганова А. С. Уголовно-исполнительная система в механизме государственного принуждения: общеправовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 29 с.
7. Южанин В. Е. Механизм реализации наказания в виде лишения свободы: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия МВД России, 1996. 525 с.
8. Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. СПб., 1902. 157 с.
9. Ной И. С. Теоретические вопросы лишения свободы. Саратов, 1965. 167 с.
10. Червоткин А. С. Цель специального предупреждения преступлений и средства ее достижения при применении уголовного наказания // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1984. С. 157–159.
11. Червоткин А. С. О понятии специальных предупредительных мер некарательного характера в институте условного осуждения // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск, 1984. С. 181–182.
12. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с.
13. Маликов Б. З., Пленкин Ю. В. Уголовно-правовая природа изоляции осужденных к лишению свободы на определенный срок // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний: материалы научно-практ. сем. Рязань, 2005. С. 133–137.
14. Елеонский В. А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1979. 83 с.

Reference

1. Seregina V. V. Gosudarstvennoe prinuzhdenie po sovetskomu pravu [State coercion under Soviet law]. Voronezh, 1991, 120 p. [in Russian].
2. Bazylev B. T. Social'noe naznachenie gosudarstvennogo prinuzhdeniya v sovetskom obshchestve [Social purpose of state coercion in Soviet society]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1968, no. 5, pp. 29–36 [in Russian].
3. Remenson A. L. K voprosu o vospriyatii osuzhdennymi k lisheniyu svobody karatel'no-vozpitatel'nyh posledstvij [To the question about the perception of convicts to imprisonment punitive and educational consequences]. *Doklady vtoroj nauchnoj konferencii yuridicheskikh fakul'tetov. 1970. 3 dekabrya* [Proceedings of the second scientific conference of law faculties]. Tomsk, 1971, pp. 144–148 [in Russian].

4. Kozhevnikov S. N. Gosudarstvennoe prinuzhdenie: osobennosti i sodержanie [Government coercion: characteristics and content]. *Social'nye problemy ispravleniya i perevospitaniya: sb. nauch. trudov* [Social problems of corrections and rehabilitation: collection of scientific works. labours']. Moscow, 1984, no. 71, pp. 47–53 [in Russian].

5. Popkova E. S. Yuridicheskaya otvetstvennost' i ee sootnoshenie s inymi formami gosudarstvennogo prinuzhdeniya. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Legal responsibility and its relation with other forms of state coercion. Extended of candidate's of Law thesis]. Moscow, 2001, 23 p. [in Russian].

6. Kurganova A. S. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema v mekhanizme gosudarstvennogo prinuzhdeniya: obshchepravovoj analiz. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal-Executive system in the mechanism of state coercion: General legal analysis. Extended of candidate's of Law thesis]. Vladimir, 2007, 29 p. [in Russian].

7. Yuzhanin V. E. Mekhanizm realizacii nakazaniya v vide lisheniya svobody. Diss. doktora yurid. nauk [A mechanism for the implementation of the penalty of deprivation of liberty. Doctor's of Law thesis]. Moscow: Akademiya MVD Rossii, 1996, 525 p. [in Russian].

8. Mokrinskij S. P. Nakazanie, ego celi i predpolozheniya [Punishment, his goals and assumptions]. Saint-Petersburg, 1902, 157 p. [in Russian].

9. Noj I. S. Teoreticheskie voprosy lisheniya svobody [Theoretical issues of imprisonment]. Saratov, 1965, 167 p. [in Russian].

10. Chervotkin A. S. Cel' special'nogo preduprezhdeniya prestuplenij i sredstva ee dostizheniya pri primenenii ugolovnogo nakazaniya [The Purpose of special prevention of crimes and means of its achievement in the application of criminal punishment]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Topical issues of combating crime]. Tomsk, 1984, pp. 157–159 [in Russian].

11. Chervotkin A. S. O ponyatii special'nyh predupreditel'nyh mer nekaratel'nogo haraktera v institute uslovnogo osuzhdeniya [On the concept of special preventive measures of non-punitive nature in the Institute of conditional conviction]. *Aktual'nye voprosy gosudarstva i prava na sovremennom etape* [Actual issues of state and law at the present stage]. Tomsk, 1984, pp. 181–182 [in Russian].

12. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. In 2 t. Moscow: Yurid. lit., 1982, t. 2, 360 p. [in Russian].

13. Malikov B. Z., Plenkin Yu. V. Ugolovno-pravovaya priroda izol'yacii osuzhdennykh k lisheniyu svobody na opredelennyj srok [Criminal-legal nature of the exclusion of persons convicted to deprivation of freedom for a definite period]. *Aktual'nye problemy ispolneniya ugolovnykh nakazaniy: materialy nauchno-prakt. sem.* [Actual problems of enforcement of criminal sanctions]. Ryazan', 2005, pp. 133–137 [in Russian].

14. Eleonskij V. A. Ugolovnoe nakazanie i vospitanie pozitivnoj otvetstvennosti lichnosti [Criminal punishment and education of positive responsibility of the person]. Ryazan', 1979, 83 p. [in Russian].

УДК 378.147

Андрианова Анна Семеновна

преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт Министерства внутренних
дел Республики Беларусь,
212011, Республика Беларусь, г. Могилев, ул. Крупской, 67,
e-mail: andrian-anna@yandex.ru

Anna S. Andrianova

Teacher of the Legal Disciplines Department,
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Belarus Republic,
Krupskaya str., 67, Mogilev, Republic of Belarus, 212011,
e-mail: andrian-anna@yandex.ru

АКАДЕМИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КУРСАНТОВ КАК ОБЪЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Инструментальными средствами достижения целей образования являются компетенции, компетентности и ключевые квалификации. Все эти образовательные конструкты взаимосвязаны между собой, имеют внутреннюю структуру и находят отражение в образовательных стандартах Республики Беларусь высшего образования первой ступени, закрепляющих требования к академическим, социально-личностным и профессиональным компетентностям специалиста.

Основой для формирования профессиональных и социально-личностных компетентностей является академическая компетентность. В связи с этим актуализируется проблема развития у обучающихся качеств, позволяющих успешно решать задачи, моделирующие социально-профессиональные ситуации, адаптироваться и действовать в изменяющихся жизненных условиях.

Автором изучены исследования в области академической компетентности обучающихся, обобщен опыт осмысления содержания академической компетентности, выявлены сущностные характеристики данного понятия. На основе проведенного анализа определен перечень компетенций, входящих в состав академической компетентности курсантов учреждений высшего образования МВД Республики Беларусь, а также выделены компоненты для построения нормативной модели академической компетентности курсантов – будущих сотрудников органов внутренних дел: ценностно-мотивационный, деятельностный, когнитивный, рефлексивный. Для эффективности использования в образовательном процессе разработанной модели академической компетентности курсантов определены уровни и критерии оценки сформированности каждого из компонентов.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, метапредметные качества, базовые компетенции, академическая компетентность курсантов.

ACADEMIC COMPETENCE OF CADETS AS AN OBJECT OF PEDAGOGICAL RESEARCH

Summary. The instrumental means of achieving the goals of education are competences, competencies and key qualifications. All these educational constructs are interrelated, have an internal structure and are reflected in the educational standards of the Republic of Belarus of higher education of the first stage, fixing the requirements for academic, social, personal and professional competence of the specialist.

The basis for the professional and socio-personal competencies formation is academic competence. In this regard, the problem of the students development qualities that can successfully solve problems that simulate social and professional situations, adapt and act in changing living conditions is actualized.

The author studied the research in the field of students' academic competence, summarized the experience of understanding the content of academic competence, identified the essential characteristics of this concept. On the basis of the analysing the list of competencies included in the academic competence of cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Belarus Republic, as well as components for building a normative model of academic competence of cadets – future employees of internal affairs: value-motivational, activity, cognitive, reflective. For effective use in the educational process of the developed model of cadets' academic competence, the levels and criteria for assessing the formation of each of the components are determined.

Keywords: competence, competency, meta-subject qualities, basic competence, cadets' academic competence.

Перемены в обществе детерминируют переход от традиционных форм обучения, имеющих репродуктивный характер, к использованию инновационных технологий, что определяет в качестве вектора проектирования процесса обучения создание условий для стимулирования и обеспечения всестороннего развития личности. Данная деятельность невозможна без установления конечных результатов образования: знаний, умений и навыков, а также личностных качеств, позволяющих выпускнику быстро адаптироваться к своей профессиональной деятельности. В качестве таких эталонов в настоящее время выступают компетенции и компетентности, перечень которых закрепляется в образовательных стандартах различного уровня (дошкольного, общего среднего, профессионально-технического, среднего специального, высшего, специального образования и переподготовки руководящих работников и специалистов).

Следует отметить, что понятие «компетентность» характеризует не просто уровень образования, но и опыт, индивидуальные способности личности, ее потребность в непрерывном самосовершенствовании и повышении уровня образованности, а потому предопределяет формирование и развитие у человека качеств, позволяющих реализовывать данные потребности [1, с. 64]. Под компетенцией будем понимать (в соответствии с образовательным стандартом Республики Беларусь высшего образования первой ступени по специальностям 1–93 01 01 Правовое обеспечение общественной безопасности и 1–93 01 03 Правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности) совокупность «знаний, умений, опыта и личностных качеств, необходимых для решения теоретических и практических задач».

Соотнося понятия «компетенция» и «компетентность», будем придерживаться мнения о том, что компетентность обучающегося является реализованными в деятельности компетенциями, среди которых особое место занимают компетенции, дающие возможность эффективно решать проблемы и задачи в различных предметных областях, а также качественно выполнять учебные и профессиональные функции на основе знаний, умений и навыков, полученных в ходе обучения.

Для характеристики степени подготовки будущего специалиста, его способности работать в изменяющихся условиях общественной жизни и адаптироваться к модернизации, совершенствованию производства в 1974 г. Д. Мертенсоном был введен термин «ключевые квалификации». В современных педагогических и психологических исследованиях данные компетенции получили название метапредметных, надпредметных, ключевых, базовых, академических. А. В. Золотарева, Н. А. Мухамедьярова акцентируют внимание на синонимичном употреблении вышеперечисленных понятий, поскольку «границы между перечисленными видами настолько тонки, что разобраться, есть ли между ними разница или нет, достаточно сложно» [2, с. 60]. В рамках проводимого исследования будем применять термин «академическая компетентность», что соответствует образовательным стандартам Республики Беларусь для высшего образования первой степени.

В науке накоплен достаточно большой опыт осмысления сущности академической компетентности. Так, с точки зрения психологии данное понятие включает в себя совокупность качеств, необходимых личности для социальной адаптации в обществе (И. А. Зимняя) [3, с. 23], «совокупность умозрительного (абстрактного) и вербального интеллекта» (А. П. Лобанов) [4, с. 229], результат интеграции знаний, навыков и интеллектуальной составляющей образования (Э. Ф. Зеер, Э. Сыманюк) [5, с. 23]. При этом акцентируется внимание на первичности академических (базовых) компетенций, характеризующихся многофункциональностью, надпредметностью, междисциплинарностью.

В педагогике академическая компетентность обучающихся определяется как совокупность компетенций в сфере самостоятельной познавательной деятельности (логической, методологической, научной, проектной и др.) (Н. В. Гордеенко, А. В. Торхова и др.) [6, с. 17–18; 7, с. 12], «комплекс умений, способностей и личных качеств студента, обеспечивающих успешность его обучения в вузе» (О. П. Меркулова, Н. С. Михайлова) [8, с. 483], способность оперировать и применять в учебной и иной деятельности межпредметные понятия и универсальные учебные действия (Н. А. Тимошук) [9, с. 190], «совокупность жизненно важных компетенций: языковой, коммуникативной, читательской, культуроведческой, обеспечивающих комфортное существование человека в социокультурном пространстве» (Л. А. Ходякова, А. В. Супрунова) [10, с. 89].

В результате анализа приведенных дефиниций понятия «академическая компетентность» были выявлены следующие сущностные признаки:

- представляет собой совокупность качеств, способствующих саморазвитию личности, ее самосовершенствованию, позволяющих эффективно взаимодействовать с окружающей средой;
- развивается на протяжении всей жизни человека;
- в качестве неотъемлемой составляющей включает интеллектуальный компонент;

- обеспечивает успешность и эффективность осуществления деятельности (учебной, информационной, профессиональной, досуговой и др.);
- позволяет человеку определять траекторию личностного развития.

Академическая компетентность позволяет обучающимся самостоятельно управлять своей познавательной деятельностью (планировать, оценивать, переосмысливать), что оказывает положительное влияние на успешность процесса обучения и повышает успеваемость. На данном обстоятельстве акцентируют внимание В. Д. Шадриков, Е. И. Снопкова, А. В. Гагарин, Л. К. Раицкая и др.

Онтологическим коррелятором исследования сущности академической компетентности являются ее структурные компоненты (компетенции). Система европейских стандартов образования включает восемь ключевых компетенций, представляющих собой базис для построения моделей компетентностей, инвариантной основой которых, по мнению М. Д. Ильязовой и А. А. Вербицкого, являются две группы компетенций: общие, представляющие собой совокупность знаний, умений, навыков, опыта и готовность их использовать, и специальные, включающие в себя компетенции, необходимые для определенной профессиональной деятельности [11, с. 83].

Э. Ф. Зеер раскрывая содержание метакачеств (базовой компетентности) также выделяет две группы качеств: широкого радиуса функционирования, реализующиеся при выполнении многообразных видов учебно-познавательной и социально-профессиональной деятельности, и узкого радиуса действия, необходимые при выполнении конкретных профессиональных обязанностей [12, с. 32].

Несколько иной подход к определению содержания академической компетентности у И. А. Зимней, которая в качестве структурных компонентов рассматривает внутреннюю и внешнюю составляющие. Внутренняя составляющая включает базовый (интеллектуальные способности) и личностный (личностные качества, такие как самостоятельность, ответственность, целеустремленность, организованность) блоки, внешняя составляющая – социальный (способности к взаимодействию с окружающими людьми) и профессиональный (способности осуществлять профессиональную деятельность) блоки [13, с. 11–12].

Белорусскими и российскими учеными выделяются следующие компетенции, входящие в состав академической компетентности обучающегося (Э. Зеер, Э. Сыманюк, А. В. Хуторской, Н. В. Гордеенко, П. Д. Кухарчик, А. И. Андарало, А. В. Торхова, Г. Н. Каропа, Е. И. Луговцова, Ю. Н. Егорова, Э. Н. Макаренко, С. Ю. Аверьянова и др.):

1. Когнитивные компетенции, к которым относятся умения получать знания об окружающем мире, выявлять причинно-следственные связи происходящих явлений и др.
2. Креативные (творческие) компетенции, характеризующие творческий потенциал обучающегося, уровень развития фантазии, чувств, гибкость ума, критичность, способность генерировать способы решения проблем и др.
3. Методологические компетенции, включающие умение планировать свою деятельность, ставить цели и формулировать задачи, определять способы достижения поставленных целей, анализировать достигнутые результаты, вносить необходимые коррективы, что невозможно без рефлексивного мышления, способности к самоанализу и самооценке.
4. Коммуникативные компетенции, к которым относятся умение отыскивать, преобразовывать и передавать информацию, выполнять различные социальные роли в группе и коллективе, использовать современные телекоммуникационные технологии и др.
5. Мировоззренческие качества, включающие способность обучающегося к самопознанию и саморазвитию, умение определять свое место и роль в обществе и государстве, патриотические качества личности, способность к толерантности, знание норм права и т. п.

Также не менее важными элементами исследуемой компетентности являются инструментальная (опыт осуществления деятельности) и конативная (механизм саморегуляции) основы деятельности [14, с. 50]. Все эти личностные качества составляют ценностно-мотивационный и деятельностный компоненты академической компетентности обучающихся.

Группировка компетенций, входящих в состав академической компетентности, по компонентам в зависимости от сферы их реализации является необходимым условием для разработки модели развития академической компетентности обучающихся, определения уровней сформированности каждого из компонентов, разработки системы методического обеспечения для развития академической компетентности в образовательном процессе.

Однако изучение научных исследований в области академической компетентности позволило выявить и иной подход к определению ее содержания. Так, А. М. Новиков, О. М. Бобиенко, Л. В. Богданова, Б. К. Коломиец и др., характеризуя содержание академической компетентности

обучающегося, перечисляют базовые (ключевые, общие, универсальные) компетенции: компьютерная грамотность; базовые научные знания и исследовательские умения; коммуникативные способности; лидерство и инициативность; умение планировать, организовывать и оценивать свою деятельность; целеустремленность и упорство в достижении цели и т. д.

Для характеристики сущности академической компетентности обучающихся построим ее нормативную модель путем выделения конкретных структурных элементов (компетенций), сгруппированных в следующие блоки:

1. Ценностно-мотивационный компонент, предопределяющий учебную активность, настойчивость и усердие в получении знаний, умений и навыков.

2. Когнитивный компонент, позволяющий оценить степень владения обучающимися знаниями и умениями, необходимыми как в процессе обучения, так и в будущей профессиональной деятельности.

3. Деятельностный компонент, отражающий степень развития умений практического использования полученных знаний.

4. Рефлексивный компонент, определяющий возможность объективно оценивать уровень своих знаний и умений, а также задавать вектор саморазвития и самосовершенствования [15, с. 9].

Выделенные в составе академической компетентности обучающегося элементы будем использовать для определения и характеристики содержания академической компетентности курсантов.

Изучение исследований в области ключевых компетенций юристов (А. А. Ситников, К. М. Левитан, И. А. Жукова, Г. Н. Кузнецова, Т. И. Сороковик) позволило выявить систему требований, предъявляемых к специалисту с юридическим образованием:

- аналитические способности и профессиональные знания (когнитивный компонент);
- коммуникативные навыки, умение работать с большим объемом информации, способность принимать решения (деятельностный компонент).

Данные компоненты находят закрепление в образовательном стандарте Республики Беларусь высшего образования первой ступени по специальностям 1-93 01 01 Правовое обеспечение общественной безопасности и 1-93 01 03 Правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности. Однако деятельность сотрудника органов внутренних дел как представителя государства, наделенного властными полномочиями, предполагает не только наличие юридического образования, но и высоких моральных и гражданских качеств, способности организовать как себя, так и других людей, быстро принять взвешенные решения и нести за них ответственность.

Кроме того, специфика обучения курсантов состоит в том, что образовательный процесс включает в себя три компонента: несение службы, значительный объем физической подготовки и изучение учебного материала. Выпускник учреждения МВД должен быть готов к выполнению достаточно разнообразных функциональных обязанностей в будущем: участкового инспектора, инспектора ДПС ГАИ, оперуполномоченного уголовного розыска, инспектора по делам несовершеннолетних и др. Все это предопределяет необходимость более детальной разработки системы компонентов академической компетентности курсантов и дополнения общего перечня компетенций, предусмотренных образовательным стандартом для юристов, специальными компетенциями, необходимыми для подготовки будущего сотрудника органов внутренних дел.

В связи с этим представляется целесообразным рассматривать в качестве составляющих академической компетентности курсантов следующие компетенции:

1) уверенность в себе; умение регулировать собственное эмоциональное состояние, избегать эмоционального напряжения; нацеленность на успех (ценностно-мотивационный компонент);

2) знание методологии научного исследования в области юриспруденции; владение профессиональной лексикой, понятийным аппаратом, юридической техникой; знание структуры и содержания информационной составляющей образовательной среды учреждения высшего образования МВД Республики Беларусь; знание задач, видов и специфики предстоящей профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел (когнитивный компонент);

3) умение анализировать и систематизировать факты, имеющие юридическое значение, обобщать и делать выводы; умение работать с научной и учебной литературой, нормативными правовыми актами; коммуникативные умения; умение планировать свою деятельность; умение распределять внимание одновременно на несколько объектов (деятельностный компонент);

4) способность к самоанализу и самооценке; владение навыками самоконтроля; наличие системы внутренней самоорганизации по усвоению новых знаний, умений и навыков, направленной на собственное всестороннее развитие (самообразование) (рефлексивный компонент).

Разработанная модель академической компетентности курсантов может быть эффективно использована при подготовке специалистов при наличии следующих условий:

- 1) выделении уровней компетенций;
- 2) наличии специальной шкалы оценки, которая бы позволила ранжировать полученные результаты.

Степень развития академической компетентности у курсантов можно описать посредством констатации уровня сформированности каждого из компонентов: низкий, средний, высокий. Данные уровни отражают динамику формирования и развития академической компетентности курсантов: от теоретического изучения юридических дисциплин до применения полученных знаний в практической деятельности в период прохождения практик. Сущностные характеристики выделенных уровней академической компетентности курсантов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровни академической компетентности курсантов

Компоненты академической компетентности	Уровни проявления		
	низкий	средний	высокий
1. Ценностно-мотивационный	Поведение неуверенное. Курсант испытывает сложности в ситуациях, требующих принятия решения, но может взять на себя ответственность за их реализацию. Недостаточная удовлетворенность результатами деятельности	Поведение уверенное. Курсант способен принимать решения, однако избегает ответственности за их реализацию. Частичная удовлетворенность результатами деятельности	Поведение уверенное. Курсант способен как оперативно и быстро принимать решения, так и брать на себя ответственность за их реализацию. Полная удовлетворенность результатами деятельности
2. Когнитивный	Наличие пробелов в фактических знаниях и специальных для данной учебной дисциплины умениях, которые не позволяют охарактеризовать существенные элементы изучаемых понятий, законов, теорий, а также осуществить необходимые практические действия	Знание основных понятий, теорий, закономерностей, изучаемых в рамках данной учебной дисциплины, при отсутствии умений применения имеющихся знаний для решения практических задач	Знание основных понятий, теорий, закономерностей, изучаемых в рамках данной учебной дисциплины, и умение их применения для решения как типовых, так и нестандартных практических задач
3. Деятельностный	Наличие пробелов в навыках учебно-познавательной деятельности, снижающих темп работы настолько, что курсант не может за отведенное время овладеть необходимым объемом знаний, умений, навыков	Недостаточный уровень развития навыков учебно-познавательной деятельности, что создает сложности при освоении необходимого объема знаний за отведенное время	Уровень развития навыков учебно-познавательной деятельности позволяет курсанту в условиях ограниченного времени качественно изучить объем знаний, предусмотренный учебной программой, применить его для решения предложенных практических заданий. Умение вести научно-исследовательскую деятельность, что выражается в публикационной активности курсанта

4. Рефлексивный	Недостаточный уровень развития личностных качеств, не позволяющих курсанту проявить самостоятельность, настойчивость, организованность и другие качества, необходимые для успешного учения, а потому требуется постоянный контроль со стороны профессорско-преподавательского состава и курсового звена	Курсант может самостоятельно успешно приобретать знания, выполнять поставленные перед ним задачи, однако делает это не систематично либо не качественно, а потому его деятельность требует периодического контроля и коррекции со стороны профессорско-преподавательского состава и курсового звена	Курсант самостоятельно организует процесс обучения, оценивает его результаты, при необходимости вносит коррективы. Профессорско-преподавательский состав и курсовое звено выступают в роли тьюторов
-----------------	---	---	---

Низкий уровень характеризуется слабым развитием всех или большинства показателей, определенных в качестве критериев для каждого структурного элемента академической компетентности курсантов. Признаком среднего уровня результативности является неравномерность развития выбранных показателей при условии обеспечения реализации учебной деятельности курсантов в соответствии с целями и задачами образовательного процесса. Высокий уровень может быть констатирован при равномерном формировании всех показателей, осуществлении учебной деятельности курсантами на основе уже усвоенных академических компетенций.

Подводя итоги, следует отметить, что академическая компетентность – один из компонентов образовательной компетентности, под которой понимается способность самостоятельно получать, обрабатывать и применять знания и умения, определенные образовательными стандартами, учебными программами, при решении теоретических и практических задач. Академическая компетентность является инструментальной основой для успешного освоения содержания учебных дисциплин, предусмотренных образовательным стандартом. Специфика правоохранительной деятельности, осуществляемой сотрудниками органов внутренних дел, предопределяет необходимость уточнения понятия «академическая компетентность курсантов», под которой понимаем совокупность теоретических знаний в области юриспруденции, а также умений изучения и объяснения с теоретических позиций явлений, связанных с осуществлением правоохранительной деятельности, навыков поиска информации и принятия решения в нестандартных ситуациях. Данные умения могут быть применены не только в рамках процесса обучения, но и в последующем при осуществлении правоохранительной деятельности.

В структуре академической компетентности курсантов учреждений высшего образования МВД Республики Беларусь были выделены ценностно-мотивационный, когнитивный, деятельностный и рефлексивный компоненты, что позволило разработать модель академической компетентности курсантов, определить систему критериев для оценки уровня сформированности каждого из компонентов.

Библиографический список

1. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI в. М.: Совершенство, 1998. 428 с.
2. Золотарева А. В. Результаты исследования уровня сформированности кластера метапредметных компетенций у педагогических работников сферы дополнительного образования детей // Образование личности. 2017. № 4. С. 59–70.
3. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании: материалы ко второму заседанию методологического семинара. Авторская версия. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 40 с.

4. Лобанов А. П. Интеллектуальная компетентность в структуре профессиональной подготовки психологов // Журнал ГрГМУ. 2009. № 2. С. 227–232.
5. Зеер Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 23–30.
6. Межкультурная академическая компетентность студентов педагогических специальностей: теоретический аспект: пособие / П. Д. Кухарчик [и др.]; под общ. ред. А. В. Торховой. Минск: БГПУ, 2013. 116 с.
7. Гордеенко Н. В. Формирование академических компетенций у студентов учреждений высшего образования: дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2006. 168 л.
8. Меркулова О. П., Михайлова Н. С. Академическая компетентность студентов вуза // Инновационные технологии в современном образовании: сб. трудов по материалам III Международной научно-практической интернет-конференции. М.: Научный консультант, 2016. С. 480–484.
9. Тимошук Н. А. К вопросу о формировании метапредметных компетенций у будущих бакалавров и специалистов // Самарский научный вестник. 2016. № 2(15). С. 189–194.
10. Ходякова Л. А., Супрунова А. В. Читательская компетенция как составляющая общекультурной компетентности (диагностика метапредметных умений) // Наука и школа. 2015. № 6. С. 87–94.
11. Вербицкий А. А., Ильязова М. Д. Инварианты профессионализма: проблемы формирования: монография. М.: Логос, 2011. 288 с.
12. Зеер Э. Ф. Компетентностный подход в образовании // Образование и наука. 2005. № 3(33). С. 27–40.
13. Зимняя И. А. Социально-профессиональная компетентность как целостный результат профессионального образования (идеализированная модель) // Актуальные проблемы качества образования и пути их решения в контексте европейских и мировых тенденций: материалы XV Всероссийской научно-методической конференции. Кн. 2: Проблемы качества образования. Компетентностный подход в профессиональном образовании и проектировании образовательных стандартов. М.; Уфа, 2005. С. 10–19.
14. Ильязова М. Д. Инварианты профессиональной компетентности: сущность и структура // Педагогика и психология образования. 2011. № 1. С. 46–53.
15. Андрианова А. С. Понятие «академическая компетентность» в проблемном поле научных исследований // Веснік Магілёўск. дзярж. ўн-та імя А. А. Куляшова. Сер. С. Псіхалага-педагагічн. навукі: педагогіка, псіхалогія. 2018. № 2(52). С. 4–10.

References

1. Gershunskii B. S. *Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka* [Philosophy of education for the XXI century]. Moscow: Sovershenstvo, 1998, 428 p. [in Russian].
2. Zolotareva A. V. Rezul'taty issledovaniya urovnya sformirovannosti klastera metapredmetnykh kompetentsii u pedagogicheskikh rabotnikov sfery dopolnitel'nogo obrazovaniya detei [The results of the study of the level of formation of the cluster of metasubject competences of teachers in the sphere of additional education of children]. *Obrazovanie lichnosti* [The formation of personality], 2017, no. 4, pp. 59–70 [in Russian].
3. Zimnyaya I. A. Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii: materialy ko vtoromu zasedaniyu metodologicheskogo seminaru. [Key competence as effectively-targeted basis of competence approach in education]. Moscow: Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2004, 40 p. [in Russian].
4. Lobanov A. P. *Intel'ktual'naya kompetentnost' v strukture profes-sional'noi podgotovki psikhologov* [Intellectual competence in the structure of professional training of psychologists]. *Zhurnal GRGMU* [Journal GRGMU], 2009, no. 2, pp. 227–232 [in Russian].
5. Zeer E. H. *Kompetentnostnyi podkhod k modernizatsii professional'nogo obrazovaniya* [Competence-based approach to modernization of vocational education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2005, no. 4, pp. 23–30 [in Russian].

-
6. Mezhekul'turnaya akademicheskaya kompetentnost' studentov pedagogicheskikh spetsial'nostei: teoreticheskii aspekt: posobie [Intercultural academic competence of students of pedagogical specialties: theoretical aspect]. In A. V. Torkhova (ed.). Minsk: BGPU, 2013, 116 p. [in Russian].
 7. Gordeenko N. V. Formirovanie akademicheskikh kompetentsii u studentov uchrezhdenii vysshego obrazovaniya. Diss. kand. ped. nauk [Formation of academic competences of students of higher education institutions. Candidate's of Pedagogy thesis]. Stavropol', 2006, 168 p. [in Russian].
 8. Merkulova O. P., Mikhailova N. S. Akademicheskaya kompetentnost' studentov vuza [Academic competence of University students]. *Innovatsionnye tekhnologii v sovremennom obrazovanii: sb. trudov po materialam III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii* [Collection of works on the materials of the III International scientific and practical Internet conference]. Moscow: Nauchnyi konsul'tant, 2016, pp. 480–484 [in Russian].
 9. Timoshchuk N. A. K voprosu o formirovanii metapredmetnykh kompetentsii u budushchikh bakalavrov i spetsialistov [On the formation of metasubject competences of future bachelors and specialists]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara scientific Bulletin], 2016, no. 2(15), pp. 189–194 [in Russian].
 10. Khodyakova L. A., Suprunova A. V. Chitatel'skaya kompetentsiya kak so-stavlyayushchaya obshchekul'turnoi kompetentnosti (diagnostika metapredmetnykh umeniĭ) [Reader's competence as a component of General cultural competence (metasubject skills diagnostics)]. *Nauka i shkola* [Science and school], 2015, no. 6, pp. 87–94 [in Russian].
 11. Verbitskii A. A., Il'yazova M. D. Invarianty professionalizma: problemy formirovaniya: monografiya [Invariants of professionalism: problems of formation]. Moscow: Logos, 2011, 288 p. [in Russian].
 12. Zeer E. F. Kompetentnostnyi podkhod v obrazovanii [Competence approach in education]. *Obrazovanie i nauka* [Education and science], 2005, no. 3(33), pp. 27–40 [in Russian].
 13. Zimnyaya I. A. Sotsial'no-professional'naya kompetentnost' kak tselostnyi rezul'tat professional'nogo obrazovaniya (idealizirovannaya model') [Social and professional competence as an integral result of professional education (idealized model)]. *Aktual'nye problemy kachestva obrazovaniya i puti ikh resheniya v kontekste evropeiskikh i mirovykh tendentsii: materialy XV Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. Kn. 2: Problemy kachestva obrazovaniya. Kompetentnostnyi podkhod v professional'nom obrazovanii i proektirovanii obrazovatel'nykh standartov* [Actual problems of education quality and their solutions in the context of European and world trends: proceedings of the XV all-Russian scientific and methodological conference. Kn. 2: Problems Of quality of education. Competence approach in professional education and design of educational standards]. Moscow; Ufa, 2005, pp. 10–19 [in Russian].
 14. Il'yazova M. D. Invarianty professional'noi kompetentnosti: sushchnost' i struktura [Invariants of professional competence: essence and structure]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* [Pedagogy and psychology of education], 2011, no. 1, pp. 46–53 [in Russian].
 15. Andrianova A. S. Ponyatie «akademicheskaya kompetentnost'» v pro-blemnom pole nauchnykh issledovaniĭ [The concept of «academic competence» in the field of scientific research]. *Vestnik Magileysk. dzyarzh. yn-ta imya A. A. Kulyashova. Ser. C. Psikhologa-pedagogichn. navuki: pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of Mogilev state University named after A. A. Kuleshov. Series. C. Psychologists-pedagogical Sciences: pedagogy, psychology], 2018, no. 2(52), pp. 4–10 [in Russian].

УДК 378.147

Волошин Денис Владимирович

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности,
Томский ИПКР ФСИН России,
634057, Россия, г. Томск, ул. Говорова, 10,
e-mail: sdf111@sibmail.com

Denis V. Voloshin

Candidate of Pedagogics,
Assistant Professor of the Department of Crime Detection Activity,
Tomsk Institute for Further Education of Penal Officers of the Federal
Penitentiary Service of Russia,
Govorov str., 10, Tomsk, Russia, 634057,
e-mail: sdf111@sibmail.com

Дворцов Василий Борисович

кандидат педагогических наук,
начальник Томского ИПКР ФСИН России,
Томский ИПКР ФСИН России,
634057, Россия, г. Томск, ул. Говорова, 10,
e-mail: KR1021@yandex.ru

Vasiliy B. Dvortsov

Candidate of Pedagogics,
Chief of Tomsk Institute for Further Education of Penal Officers
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Tomsk Institute for Further Education of Penal Officers
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Govorov str., 10, Tomsk, Russia, 634057,
e-mail: KR1021@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ В СИСТЕМЕ ВЕДОМСТВЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Модернизация ведомственного профессионального образования актуализирует вопросы профессиональной компетентности преподавателей образовательных организаций ФСИН России и предполагает привлечение выпускников ведомственных вузов ФСИН России, а также практиков-профессионалов из органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, не имеющих базового педагогического образования, в педагогический процесс в качестве преподавателей.

В статье авторами делается акцент на проблемы формирования и совершенствования профессиональных педагогических компетенций преподавательским составом образовательных организаций ФСИН России, не имеющим базового педагогического образования. Это требует проведения комплекса мер, направленных на их переподготовку для нового вида профессиональной деятельности.

В рамках реализации таких мероприятий в год 140-летия образования централизованной отечественной УИС для обеспечения непрерывности образования и совершенствования профессионального потенциала в Томском ИПКР разработана и проходит педагогическую апробацию образовательная концепция повышения квалификации и переподготовки преподавательского состава, не имеющего профессионального педагогического образования. Она предполагает: закрепление в качестве соискателей по педагогическим специальностям в аспирантуре «гражданских» вузов; совершенствование системы стажировок преподавателей в практических пенитенциарных учреждениях по профилю преподаваемых дисциплин (предметов, тем); увеличение публикационной (научной и учебно-методической) активности преподавателей; проведение ежегодных конкурсов на лучшего преподавателя, на лучшее учебное пособие, на лучшую научную работу; интенсификацию и актуализацию «грантовой» поддержки преподавателей и т. д. Также было проведено эмпирическое исследование педагогических ожиданий преподавателей, анализ которого, выводы и перспективные пути решения проблемы приводятся в настоящей статье.

Ключевые слова: профессиональное образование, развитие образования, становление педагога, образовательные организации ФСИН России.

SOME ISSUES OF TEACHERS' TRAINING FOR EDUCATIONAL FACILITIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA IN THE DEPARTMENTAL PROFESSIONAL EDUCATION SYSTEM

Summary. Professional education upgrading highlights the professional competencies of the teachers of education facilities of the Federal Penitentiary Service (the FPS) of Russia and implies involving graduates of the high education facilities of the FPS, as well as experienced specialists without any basic teacher education serving at different penal facilities, into the education process as teachers.

The article focuses on the issues related to development and enhancement of professional competencies of those employees of the educational facilities of the Russian FPS, who do not have a basic teacher education. It requires comprehensive measures aimed at their retraining for the new professional activity.

In celebration of 140th anniversary of establishment of a centralized national penal system and in order to ensure a sustainable education process and enhancement of professional talents, the employees of Tomsk Institute of Further Training of Penal Officers have developed an education concept of professional development and further training of the teachers without a basic relevant education, which is now being tested and implemented. This concept implies the following: applying for post-graduate teaching programs in public, non-FPS universities; enhancing the internship system for the teachers in penal facilities in compliance with the taught subjects or topics; increasing the number of publications (both scientific and academic); holding annual competitions to award the best teacher, the best textbook, the best scientific research; intensifying and upgrading the fellowship support of the teachers, etc. The article provides the analysis of the experimental research of education expectations of the teachers, which has been conducted recently, as well as conclusions and prospective solutions based on it.

Keywords: professional education, education development, teacher formation, educational facilities of the FPS of Russia.

Современное российское общество находится в состоянии социальных и экономических реформ. Изменения коснулись всех сфер общественной жизни. Не осталась в стороне и система образования, своевременно реагирующая на происходящие в стране перемены. Обусловлен этот факт тем, что в современных условиях от работников (служащих, сотрудников, персонала и т. п.) требуются специальные профессиональные знания и профессиональные компетенции, мобильность, умение ориентироваться в новых технологиях и информационных потоках и т. д.

Социальный заказ общества к системе образования сформулирован в государственных нормативных правовых документах, определяющих стратегию ее современного и перспективного развития. К таким источникам относится Государственная программа «Развитие образования» (Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 (ред. от 22.01.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»), где в числе приоритетов заявлено: системное повышение качества и расширение возможностей сферы непрерывного образования за счет развития российского цифрового образовательного пространства; создание конкурентоспособной системы профессионального образования, обеспечивающей подготовку высококвалифицированных специалистов; обеспечение повышения доступности и качества результатов образования на разных его уровнях; совершенствование управления системой образования и т. д. Основной целью этой программы выступает поддержание высокой эффективности отечественного образования сообразно с видоизменением запросов граждан и решением ближайших и перспективных задач общества и государства.

Педагогическая реальность и образовательные тенденции последнего времени совместно с нормативным закреплением квалификационных требований к преподавателю (Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 сентября 2015 г. № 608н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования») актуализируют проблему профессиональной педагогической подготовки преподавателей образовательных организаций ФСИН России, не имеющих базового педагогического образования, и дают импульс для их дальнейшего профессионального роста и личностного развития, проявления своей профессионально-личностной характеристики. С. А. Грязнов и О. Н. Ежова справедливо замечают: «Целевая направленность профессионального образования обуславливает его преимущественную ориентацию на удовлетворение интегрированных потребностей общества, предполагающих соответствующую подготовку профессиональных кадров» [1, с. 145].

В формировании и развитии современного отечественного образовательного пространства в полной мере принимают участие образовательные организации ФСИН России и других правоохранительных органов. В этой связи актуализируется проблема повышения (формирования) педагогической компетентности преподавателей образовательных организаций ФСИН России и акцентируется необходимость создания эффективных организационно-педагогических условий для развития личностного педагогического потенциала преподавателя, его ориентирование на непрерывное повышение собственной профессиональной компетентности. Основное внимание следует уделять вопросам отбора на преподавательскую работу «талантливых, широко образованных людей, людей большой духовной культуры, способных нести свет людям и служить для них высоким нравственным образом» [2, с. 159].

Поиск путей и средств повышения эффективности процессов, направленных на реализацию профессиональной и личностной компетентности преподавателя, его способность достигать

конечной цели собственной профессиональной деятельности, ориентация на реализацию концепции опережающего образования, на творческое преобразование себя и обучаемого – одна из ведущих педагогических задач в образовательных организациях ФСИН России. Организация и осуществление педагогического процесса в них на современном уровне может проходить только при непрерывной опережающей подготовке самих преподавателей, готовых к последовательному внедрению и использованию инновационных образовательных идей в соответствии с уровнем прогнозируемых тенденций развития общества и перспективных потребностей государства.

Многолетняя практическая педагогическая деятельность авторов статьи наглядно показывает, что среда преподавателей образовательных организаций ФСИН России неоднородна и в ней выделяются две группы [3, с. 39].

Первая состоит из выпускников гражданских вузов, перенявших за время учебы методику классического «университетского» преподавания и предметный характер образования. Они, как правило, имеют поверхностные знания об особенностях практической деятельности подразделений УИС, непросто адаптируются к специфике системы ведомственного образования правоохранительного профиля и к модели подготовки специалиста для ФСИН России.

Другая же группа преподавателей, принятая на службу в образовательные организации ФСИН России из практических правоохранительных органах, не знает серьезных проблем с вхождением в педагогический коллектив и образовательный процесс: им знакомы и выполняемы требования, предъявляемые к сотрудникам УИС, известна ее среда, проблемы первоначальной межличностной коммуникации отсутствуют или не являются значимыми. Однако на первичном этапе профессиональной педагогической деятельности они большей частью недостаточно подготовлены в учебно-методическом плане, не владеют системой научно-методического поиска, так как не имеют специальных педагогических знаний, а запас теоретических и психолого-педагогических основ подготовки преподавателя минимален (для них характерен дидактический педагогический штамп – «учу так же, как учили меня»).

Авторы публикации, начинавшие свой педагогический путь с практических правоохранительных органов, никоим образом не разделяют преподавателей по степени их предыдущей погруженности в практическую пенитенциарную деятельность, лишь констатируют сложившуюся десятилетиями практику, обозначая педагогическую проблему. При этом в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» отсутствует классифицирование или иное разделение педагогических работников на имеющих базовое педагогическое образование и не имеющих такового (Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об образовании в Российской Федерации»).

Мы считаем, что важнейшее значение имеет лишь готовность и способность конкретного преподавателя быстрее и полнее раскрыть свои педагогические возможности и личностный творческий потенциал. Именно там в полной мере проявились бы его стремление и готовность к синтезу передовой образовательной мысли, преломлению собственных достоинств и эрудиции в профессиональную преподавательскую сферу, закреплению других важных для преподавателя профессионально-личностных качеств. Такой симбиоз профессионального обучения и практической деятельности с самосовершенствованием и самообразованием позволяет повысить эффективность системы развития (совершенствования) профессиональной компетентности преподавательского состава образовательных организаций ФСИН России. Под профессионализмом мы понимаем качественную характеристику труда (деятельностных процессов), которая определяется уровнем владения современным содержанием и актуальными средствами решения профессиональных задач, эффективными способами их решения, способностью и готовностью к саморазвитию в условиях самостоятельного выполнения профессиональных обязанностей. «Преподаватель, который сводит свое дело к сообщению слушателю только определенного объема информации (к изложению готовых схем, рецептов, предписаний), который не учит, а инструктирует его, – убивает живую мысль, сушит ее. Он занимается расширенным воспроизводством недумавших людей. Польза от него сомнительна, а вред очевиден» [2, с. 169].

Формирование (становление и развитие) преподавателя как профессионала поступательно проходит несколько временных отрезков, на которых он оказывается под влиянием различных (порой взаимоисключающих) факторов личностного и профессионального характера. Важнейшими из них, по нашему мнению, выступают: поиск, приобретение и совершенствование необходимых профессиональных теоретических знаний, осмысление и развитие собственного индивидуального

практического профессионального опыта в форме последовательного движения от первоначальной личностной мотивации к формированию собственной профессиональной позиции (концепции).

Для эффективного решения профессиональных задач преподавателю также необходимо иметь уровень квалификации, достаточный для осуществления профессиональной педагогической деятельности. Это может достигаться, например, прохождением стажировок в учреждениях и органах УИС для первой группы преподавателей и посещением всех видов занятий, проводимых преподавателями (профессорами, доцентами, начальниками кафедр, руководством образовательной организации), имеющими большой педагогический стаж (в том числе в сторонних «гражданских» образовательных учреждениях) – для второй.

Конечно, преподаватели могут приобрести определенный набор педагогических навыков и умений в условиях собственной практической профессиональной деятельности. Но такой процесс предполагает не только значительные временные затраты – неизбежно высокое число проб и ошибок, на устранение которых также требуются время и дополнительные силы. Более логичным и действенным представляется становление и развитие их профессиональной компетентности на базе современных методических научно обоснованных парадигм. При этом для лиц, не имеющих базового педагогического образования, этот процесс станет их профессиональной переподготовкой.

Среди основных направлений такой деятельности – обеспечение преемственности содержания образования, широкое использование наиболее эффективных педагогических технологий, что позволяет сделать учебный процесс более качественным, мобильным, повысить результативность самой системы преподавания. Успешность образовательного процесса часто находится в прямой зависимости от умения преподавателя использовать педагогически освоенные средства в разных условиях и в соответствии с избранными целями и содержанием учебного предмета (дисциплины).

В год 140-летия УИС для обеспечения непрерывного развития профессионального потенциала преподавателей в Томском ИПКР ФСИН России (далее – Институт) проходит педагогическую апробацию дополнительная профессиональная программа – программа переподготовки преподавательского состава, не имеющего профессионального педагогического образования (далее – Программа). Она предполагает формирование у слушателей профессиональных компетенций, необходимых для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации, путем подготовки преподавателя к самостоятельной учебно-методической и научно-исследовательской деятельности. Программа предусматривает содержание, позволяющее обучаемому выявлять и решать практические проблемы собственной педагогической деятельности, привлекая для решения теоретические положения профессиональной педагогики.

В Программу заложен ряд преимуществ по сравнению с процессом получения базового профессионального педагогического образования: вариативность учебного процесса; проведение занятий непосредственно в Институте как в практической образовательной организации; непродолжительный, в сравнении с базовым, срок обучения; возможность быстрой актуализации полученной информации в учебной аудитории путем самостоятельного проведения занятий во время стажировки и т. д.

Эмпирическое исследование, проведенное с целью выявления ожиданий лиц, приступающих к изучению Программы, показало наиболее актуальные проблемы: организационно-педагогические условия повышения эффективности учебного процесса, введения в него инновационных педагогических технологий. В опросе приняли участие 32 преподавателя Института. Основная часть респондентов вне зависимости от стажа педагогической работы осознают важность и испытывают потребность в систематическом обновлении профессиональных знаний о методах и технологиях обучения. Преподавателей со стажем от 5 лет больше интересуют вопросы педагогической психологии, начинающих (со стажем до 3 лет) – методические аспекты преподавательской деятельности.

Внимания заслуживают обозначенные респондентами виды затруднений в педагогической работе. В группе начинающих преподавателей ведущее место занимают вопросы, связанные с недостаточной теоретической и практической педагогической подготовкой и небольшим опытом работы в образовательной сфере. Почти в каждой группе (за исключением преподавателей со стажем более 10 лет) выделяют проблему, связанную с дефицитом времени на учебно-методическую и научно-исследовательскую работу, что связывают с отсутствием грамотного распределения бюджета рабочего времени; в группах преподавателей со стажем от 5 до 10 лет данная проблема указывается в качестве основной.

Являясь отражением потребностей практической образовательной деятельности, переподготовка преподавателей без базового (профессионального) педагогического образования проводилась до последнего времени весьма спонтанно и не обладала внутренней согласованностью исходных данных и базовых представлений как целостного многоаспектного процесса. Объективное возрастание роли такой переподготовки предусматривает тщательную разработку методологии, теории и организационных основ уже на начальном этапе обновления системы педагогической подготовки в образовательных организациях ФСИН России.

Воплощение такой образовательной парадигмы в жизнь, смеем надеяться, позволит в скором времени развернуть систему профессиональной переподготовки преподавательского состава межрегиональных учебных центров территориальных органов ФСИН России, имеющего существенные компетентностные педагогические отличия от преподавателей Института (например, по профилю обучения – межрегиональные учебные центры педагогически более нацелены на профессиональное обучение лиц, впервые принятых на службу на должности младшего и среднего начальствующего состава, тогда как Институт – на реализацию дополнительных профессиональных программ (программ переподготовки и повышения квалификации) действующих сотрудников по направлениям деятельности органов и учреждений УИС).

Укрепление межрегиональных образовательных связей позволит диверсифицировать структуру учебного процесса путем введения новых образовательных курсов и направлений при расширении учебно-методических и научных горизонтов, что окажет положительное взаимное влияние преподавателей друг на друга, обогатит их практический педагогический опыт.

Сегодня в структуре ведомственного образования можно эффективно и на высоком профессиональном уровне выполнять поставленные педагогические задачи только в том случае, когда имеется объективное представление о практической профессиональной деятельности сотрудников УИС, о социально-психологических характеристиках лиц, проходящих профессиональное обучение, профессиональное и дополнительное профессиональное образование, о целях и перспективных задачах, определяющих вектор развития отечественной УИС.

Подготовка лиц без базового (профессионального) педагогического образования к решению как текущих, так и более сложных перспективных задач неминуемо вносит изменения в профессиональную педагогическую деятельность конкретного преподавателя, расширяет потенциал и выбор функций педагогической деятельности, усложняет используемые педагогические технологии, что в итоге выступает важнейшим фактором, определяющим и обеспечивающим эффективность всей педагогической деятельности образовательных организаций ФСИН России.

Библиографический список

1. Грязнов С. А., Ежова О. Н. Профессиональная подготовка сотрудников УИС как условия пенитенциарной безопасности // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 3(11)/2013. С. 145–150.
2. Крылов С. М. Избранные труды (1967–1979) / сост. Г. А. Айрумян, В. М. Анисимков. М.: Академия управления МВД России, 1999. 204 с.
3. Волошин Д. В. К вопросу о профессиональной компетентности сотрудников пенитенциарной системы // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Педагогика. 2006. Вып. 10 (61). С. 37–40.

References

1. Gryaznov S. A., Yezhova O. N. Professional'naya podgotovka sotrudnikov UIS kak usloviya penitentsiarnoi bezopasnosti [Professional training of the employees of the penal system as a condition of penal safety]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskii zhurnal* [Bulletin of the Samara law Institute: scientific and practical journal], no. 3(11)/2013, pp. 145–150 [in Russian].
2. Krylov S. M. Izbrannye trudy (1967–1979) [Selected works]. Sost. G. A. Airumyan, V. M. Anisimkov. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 1999, 204 p. [in Russian].
3. Voloshin D. V. K voprosu o professional'noi kompetentnosti sotrudnikov penitentsiarnoi sistemy [To the question of formation of professional competence of the personnel of the penal system]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Pedagogy], 2006, no. 10 (61), pp. 37–40 [in Russian].

УДК 378.1

Румянцев Николай Викторович

доктор юридических наук,
главный научный сотрудник НИЦ-3
Научно-исследовательского института ФСИН России,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а,
e-mail: lambrador2@gmail.com

Nikolay V. Rumyantsev

Doctor of Law,
Chief Researcher of SRC 3 of the Scientific Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Narvskaya str., 15 a, Moscow, Russia, 125130,
e-mail: lambrador2@gmail.com

Бондарева Ольга Александровна

кандидат педагогических наук, доцент,
начальник отдела методологического обеспечения
кадровой работы ФКУ ЦНТЛ ФСИН России,
ФКУ ЦНТЛ ФСИН России,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а,
e-mail: lambrador2@gmail.com

Olga A. Bondareva

Candidate of Pedagogics, Associate Professor,
Head of the Department of Methodological Support for Personnel
Work of the Central normative-technical laboratory of the Federal
Penitentiary Service of Russia,
Central normative-technical laboratory of the Federal Penitentiary
Service of Russia,
Narvskaya str., 15 a, Moscow, Russia, 125130,
e-mail: lambrador2@gmail.com

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ АККРЕДИТАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ПО ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ФСИН РОССИИ¹**

Аннотация. В статье рассматривается проблема создания системы проведения профессионально-общественной аккредитации образовательных программ в образовательных организациях, подведомственных ФСИН России. Авторами сформулированы предложения по использованию оценки независимых ассоциаций экспертов и представителей работодателя при проведении профессионально-общественной аккредитации в образовательных организациях правоохранительной системы с учетом ее специфических характеристик и условий конкретной среды. С участием авторов в рамках Комплексного плана научного обеспечения деятельности ФСИН России на 2018 г. проведено исследование по обоснованию и методическому обеспечению проведения профессионально-общественной аккредитации образовательных программ в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Рассмотрены ожидаемые результаты внедрения института профессионально-общественной аккредитации в ведомственных образовательных организациях ФСИН России: повышение качества реализуемых образовательных программ, уровня организации обучения сотрудников УИС, качества и востребованности образовательных услуг, имиджа службы в УИС. Материалы исследования расширяют образовательную парадигму, предполагая моделирование процессов трансформации в системе высшего образования.

Ключевые слова: образовательная политика, профессионально-общественная аккредитация, качество образования, этапы проведения.

**THE PROFESSIONAL AND PUBLIC ACCREDITATION OF EDUCATIONAL PROGRAMS
FOR THE PREPARATION OF SPECIALISTS OF THE SYSTEM OF FSIN RUSSIA**

Summary. The article deals with the problem of professional and public accreditation of educational programs for training specialists of the Federal Penitentiary Service of Russia. The authors formulated suggestions on the use of evaluation of independent associations of experts and employers and the creation of professional and public accreditation in educational organizations of the law enforcement system, taking into account its specific characteristics and conditions of a particular environment. With the participation of the authors in the framework of the Comprehensive Plan of Scientific Support of the FPS of Russia for 2018, a study was conducted to substantiate and provide methodological support for the professional and public accreditation of educational programs in the penitentiary system of Russian Federation. The expected results of introducing the institute of professional and public accreditation in departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia are considered: improving the quality of implemented educational programs, the level of organization of training for UIS staff, the quality and relevance of educational services, the image of the service in the UIS. The research materials expand the educational paradigm, suggesting the modeling of transformation processes in the higher education system.

Keywords: educational policy, professional and public accreditation, quality of education, stages of implementation.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ аккредитация связана с проверкой деятельности образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность, по определенным критериям и требованиям российских, иностранных и международных организаций на соответствие образовательным стандартам. У нас образовательными стандартами предъявляются три требования: к результату обучения, к процессу обучения и к материальной базе образовательной организации. В мире аккредитация (от латинского *accredo* – «доверять») связана с доверием к качеству образования. При аккредитации во главу угла ставится оценка качества выпускников. Понятно, что в этом случае, прежде всего, оценку дают работодатели. Однако поскольку сегодня все больше выпускников не работают по полученной специальности, то интересно мнение и самих выпускников о качестве полученного образования. И, конечно же, спрашивают экспертное сообщество. Таким образом, при аккредитации должен быть проведен опрос работодателей, выпускников и экспертного сообщества. Экспертное сообщество, безусловно, работает и с вузовской документацией, но по четко прописанным аккредитующей организацией критериям.

Сегодня проблема многих органов власти заключается в том, что они перешли в режим ручного управления и перестали привлекать профессиональное сообщество. Точнее, они сами отбирают экспертов, и далеко не всегда эти эксперты референтны ведомственному профессиональному сообществу. Результаты профессионально-общественной аккредитации рассматриваются при проведении государственной аккредитации образовательных организаций и формируют рейтинг аккредитованных ими образовательных программ.

С учетом требований времени считаем целесообразным использовать оценку независимых ассоциаций экспертов и работодателей. В мире эти ассоциации играют большую роль. Такие ассоциации есть и в России, многие из которых проводят свои аккредитации. Анализ мнений экспертов и ученых, отраженных в сборнике научных трудов «Разработка системы профессионально-общественной аккредитации образовательных программ сельскохозяйственного профиля в Российской Федерации», и опыта проведения профессионально-общественной аккредитации показал, что на сегодняшний день созданы аккредитующие организации и советы по профессиональным квалификациям в ракетной технике и космической деятельности; в области сварки; в жилищно-коммунальном хозяйстве; в машиностроении; в отрасли судостроения и морской техники и других областях [1]. Координирует работу, связанную с проведением процедур профессионально-общественной аккредитации в организациях, Национальный совет при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям, созданный на основании Указа Президента Российской Федерации [2]. Подчеркнем, что проблема создания системы проведения профессионально-общественной аккредитации в образовательных организациях правоохранительной системы с учетом ее специфических характеристик и условий конкретной среды (внутренней службы, традиций и т. п.) так и не решена.

Необходимо отметить, что далеко не всегда аккредитация, в том числе общественная, проходит по ясным критериям и с привлечением референтных профильных (ведомственных) экспертов. Поэтому использовать вместо госаккредитации независимую профессионально-общественную аккредитацию нужно опять-таки по совместному решению органа власти и профсообщества. Точнее, нужно принять нормативные акты, в которых описывается, при каких условиях профессионально-общественная аккредитация заменяет государственную. В качестве независимых экспертов по направлениям подготовки могли бы выступать представители профильных структурных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. При этом следует указать, что аккредитованные ими образовательные программы должны быть освобождены от государственной аккредитации. То есть нужно определить профессионально-общественные сообщества, оценки которых могли бы быть основанием для освобождения от процедур государственной аккредитации.

Определение профессионально-общественной аккредитации обозначено в ч. 4 ст. 96 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» «...профессионально-общественная аккредитация основных профессиональных образовательных программ, основных программ профессионального обучения и (или) дополнительных профессиональных программ (далее – ПОА) представляет собой признание качества и уровня подготовки выпускников, освоивших образовательные программы в конкретной организации, осуществляющей образовательную деятельность, отвечающими требованиям профессиональных стандартов, требованиям рынка труда к специалистам, рабочим и служащим соответствующего профиля» [3].

Согласно постановлению Правительства Российской Федерации, «формирование и ведение перечня организаций, проводящих профессионально-общественную аккредитацию образовательных программ высшего образования и (или) соответствующих дополнительных профессиональных программ, осуществляются Министерством науки и высшего образования Российской Федерации с последующим размещением перечня в открытом доступе на официальном сайте Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [4].

Среди приоритетных целей развития ПОА можно выделить: обеспечение качества образовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами; сохранение высокого уровня институционального функционирования; укрепление сервисных возможностей образовательных организаций [5].

Целями и задачами проведения ПОА для образовательных организаций, выполнение которых обеспечит решение проблем формирования и оценки конкурентных преимуществ образовательных организаций, являются:

- мониторинг и прогнозирование потребности на рынке труда профессиональных квалификаций;

- включение в реестр АИС «Мониторинг профессионально-общественной аккредитации»;

- включение в реестр Национального совета при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям;

- получение полноценного отчета, включающего рекомендации по улучшению образовательных программ и подтверждению качества образования;

- мониторинг появления новых профессий, изменений в трудовых функциях, независимая оценка квалификации специалиста ведомственной образовательной организации;

- престиж учреждения;

- привлекательность ведомственной образовательной организации для будущих абитуриентов, потребителей образовательных услуг;

- международное признание степеней, присуждаемых ведомственной образовательной организацией;

- улучшение качества подготовки обучающихся и систематизация нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность образовательных организаций в преломлении к их типовой принадлежности;

- прохождение рейтинга, мониторинга организаций.

Анализ предложенных решений проблемы формирования и оценки конкурентных преимуществ образовательных организаций показывает, что все проблемы, обозначенные нами выше, невозможно решить на уровне одной образовательной организации.

М. В. Петропавловский в учебном пособии «Профессионально-общественная аккредитация в аграрном образовании: модель проекта Темпус РАСАгро» указывает на то, что решение проблемы развития профессионально-общественной аккредитации, в том числе в ведомственных образовательных организациях, состоит во взаимном сотрудничестве экспертного сообщества и создании системы мониторинга аналитических срезов в разрезе отраслей, профессий, образовательных стандартов и других параметров; проведения многомерного анализа данных в разрезе субъектов Российской Федерации; построения прогноза развития профессионально-квалификационной сферы [6].

Для того чтобы найти оптимальные решения проблем российской пенитенциарной системы, в первую очередь надо опираться на данные о том, как она работает сейчас, на анализ опыта подготовки специалистов ведомственными образовательными организациями. Вместе с тем полезно понимать, какие проблемы в отношении качества образования существуют, какие способы применялись для их решения, какие из них оказались успешными, а какие нет.

ФКУ НИИ ФСИН России совместно с УК ФСИН России в рамках Комплексного плана научного обеспечения деятельности ФСИН России на 2018 г. провели исследования по обоснованию и методическому обеспечению проведения профессионально-общественной аккредитации образовательных программ в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС). В проведенных исследованиях установлено, что активное внедрение института профессионально-общественной аккредитации в ведомственных образовательных организациях ФСИН России будет способствовать повышению качества реализуемых образовательных программ, уровня

организации обучения сотрудников УИС, качества и востребованности образовательных услуг, а также имиджа службы в УИС.

В чем выгода для работодателей, для экспертов?

На сегодняшний день, на самом деле, многие работодатели все меньше смотрят на диплом и все больше уделяют внимание личным качествам, бэкграунду пришедшего специалиста.

Рассмотрим этапы проведения ПОА, раскрывающие ряд вопросов.

Анализ положений нормативных правовых актов позволяет выделить основные этапы проверки:

- издание распорядительного документа (приказа, распоряжения);
- уведомление проверяемого учреждения (организации) о проведении проверки;
- проведение проверки;
- составление акта проверки, ознакомление с ним руководителя проверяемого учреждения (организации);
- составление и утверждение отчета по итогам проверки;
- принятие мер для устранения выявленных несоответствий (при наличии);
- контроль за устранением выявленных несоответствий (при наличии).

Информирование общества и всех заинтересованных сторон о соответствии аккредитованных образовательных программ требованиям профессиональных стандартов, требованиям рынка труда к специалистам, рабочим и служащим соответствующего профиля – одна из важнейших целей ПОА. Поэтому публичное представление результатов ПОА образовательных программ является неотъемлемым элементом качества образовательных услуг, предоставляемых образовательными организациями.

Результаты ПОА образовательных программ размещаются:

- на сайтах ОО, прошедших процедуру профессионально-общественной аккредитации образовательных в форме краткого отчета о проведенной ПОА;
- на сайтах Министерства науки и высшего образования Российской Федерации или Министерства просвещения Российской Федерации;
- на сайте Национального совета при Президенте Российской Федерации по профессиональным компетенциям;
- на сайтах институтов гражданского общества (общественных объединений, союзов, ассоциаций и организаций) в форме краткого отчета о ПОА по согласованию.

Результаты профессионально-общественной аккредитации используются в следующих целях:

- информирования профессиональных и научных сообществ, обучающихся (родителей и законных представителей обучающихся), работодателей (объединений работодателей), общественности и институтов государства о качестве образовательных услуг, предоставляемых образовательной организацией;
- защиты интересов «конечных потребителей» основных профессиональных образовательных программ, основных программ профессионального обучения и (или) дополнительных профессиональных программ, по которым образовательные организации ведут подготовку обучающихся, на предмет гарантии качества и требуемого уровня подготовки;
- предоставления образовательным организациям сертификата (свидетельства) о прохождении ПОА.

В настоящее время в ФСИН России отсутствуют организации, которые наделены полномочиями проводить профессионально-общественную аккредитацию основных профессиональных образовательных программ, основных программ профессионального обучения и (или) дополнительных профессиональных программ в интересах безопасности и правопорядка Российской Федерации. Осуществляется работа по включению ФКУ НИИ ФСИН России Минобрнауки России в перечень организаций, наделенных полномочиями проведения профессионально-общественной аккредитации основных профессиональных образовательных программ, основных программ профессионального обучения и (или) дополнительных профессиональных программ, а также разрабатываются и утверждаются документы, необходимые для проведения профессионально-общественной аккредитации образовательных программ, реализуемых в интересах безопасности и правопорядка в федеральных государственных образовательных организациях, подведомственных ФСИН России.

Библиографический список

1. Разработка системы профессионально-общественной аккредитации образовательных программ сельскохозяйственного профиля в Российской Федерации. «Development of Public Accreditation of Agricultural programs in Russia (PACAagro)» (543902-TEMPUS-1-2013-1-SK- TEMPUS-SMGR): сборник научных трудов. – СПб.: ФГБОУ ВО СПбГ АУ, 2017. 251 с.
2. О Национальном совете при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям: Указ Президента Российской Федерации от 16.04.2014 № 249 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 06.05.2019).
3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 06.05.2019).
4. О порядке формирования и ведения перечня организаций, проводящих профессионально-общественную аккредитацию основных профессиональных образовательных программ, основных программ профессионального обучения и (или) дополнительных профессиональных программ: Постановление Правительства Российской Федерации от 11.04.2017 № 431 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 06.05.2019).
5. Гедулянова Н. С., Гедулянов М. Т. Качество образования – цель и результат инноваций // Эко-потенциал. 2015. № 3(11). С. 46–49.
6. Петропавловский М. В. Профессионально-общественная аккредитация в аграрном образовании: модель проекта Темпус PACAgro: учебное пособие. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2017. 120 с.

References

1. Razrabotka sistemy professional'no-obshchestvennoj akkreditacii obrazovatel'nyh programm sel'skohozyajstvennogo profilya v Rossijskoj Federacii. «Development of Public Accreditation of Agricultural programs in Russia (PACAagro)» (543902-TEMPUS-1-2013-1-SK- TEMPUS-SMGR): sbornik nauchnyh trudov [Development of a system of professional and public accreditation of educational programs of agricultural profile in the Russian Federation]. Saint-Petersburg: FGBOU VO SPbG AU, 2017, 251 p. [in Russian].
2. O Nacional'nom sovete pri Prezidente Rossijskoj Federacii po professional'nyh kvalifikacijam: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 16.04.2014 № 249 [On the National Council under the President of the Russian Federation for professional qualifications: decree of The President of the Russian Federation of 16.04.2014 no. 249]. SPS «Konsul'tant Plyus» [SPS Consultant Plus] (Accessed: 06.05.2019) [in Russian].
3. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ [About education in the Russian Federation: Federal law of 29.12.2012 no. 273-FZ]. SPS «Konsul'tant Plyus» [SPS Consultant Plus] (Accessed: 06.05.2019) [in Russian].
4. O poryadke formirovaniya i vedeniya perechnya organizacij, provodyashchih professional'no-obshchestvennyu akkreditaciju osnovnyh professional'nyh obrazovatel'nyh programm, osnovnyh programm professional'nogo obucheniya i (ili) dopolnitel'nyh professional'nyh programm: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11.04.2017 № 431 [About the order of forming and maintaining the list of the organizations conducting professional and public accreditation of the main professional educational programs, the main programs of professional training and (or) additional professional programs: the Order of the Government of the Russian Federation of 11.04.2017 no. 431]. SPS «Konsul'tant Plyus» [SPS Consultant Plus] (Accessed: 06.05.2019) [in Russian].
5. Gedulyanova N. S., Gedulyanov M. T. Kachestvo obrazovaniya – cel' i rezul'tat innovacij [Giduljanov the Quality of education – the purpose and result of the innovation]. Eko-potencial [Eco-potential], 2015, no. 3(11), pp. 46–49 [in Russian].
6. Petropavlovskij M. V. Professional'no-obshchestvennaya akkreditaciya v agrarnom obrazovanii: model' proekta Tempus PACAgro: uchebnoe posobie [Professionally-public accreditation of agricultural education: a model of the Tempus project PACAgro]. Joshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2017, 120 p. [in Russian].

УДК 159.9

Ежова Олеся Николаевна

кандидат психологических наук, доцент,
профессор кафедры пенитенциарной психологии
и педагогики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: e_olesja2008@mail.ru

Olesya N. Ezhova

Candidate of Psychology, Associate Professor,
Professor of the Department of penitentiary psychology
and pedagogics,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: e_olesja2008@mail.ru

Ушков Федор Игоревич

первый заместитель начальника Управления
воспитательной, социальной
и психологической работы ФСИН России,
Управление воспитательной, социальной
и психологической работы ФСИН России,
119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14,
e-mail: ushkov.f.i@yandex.ru

Fedor I. Ushkov

First Deputy Chief of the Department of Educational, Social
and Psychological Work of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Department of Educational, Social and Psychological Work of the
Federal Penitentiary Service of Russia,
Zhitnaya str., 14, Moscow, Russia, 119991,
e-mail: ushkov.f.i@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПСИХОЛОГА

Аннотация. В статье рассматривается исторический аспект создания и развития психологической службы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также современное состояние ее структуры и нормативное правовое регулирование.

Отдельно раскрываются основные направления деятельности и функции пенитенциарного психолога в рамках двух направлений деятельности психологической службы УИС: психологического сопровождения подозреваемых, обвиняемых и осужденных и психологического обеспечения профессиональной деятельности работников учреждений и органов УИС, а также учебно-воспитательного процесса в образовательных организациях ФСИН России.

Проведен анализ и сравнение деятельности гражданского психолога и пенитенциарного психолога с учетом профессиональных и специальных служебных обязанностей.

Особое внимание уделено анализу факторов, влияющих на качество работы пенитенциарного психолога (многозадачность деятельности и объем работы, личностные качества и статус пенитенциарного психолога в учреждении уголовно-исполнительной системы, добровольность оказания психологической помощи и результат работы пенитенциарного психолога), и объективным и субъективным критериям оценки эффективности его деятельности.

Ключевые слова: пенитенциарный психолог, осужденный, психологическая помощь, объективные и субъективные критерии оценки деятельности, эффективность деятельности, успешность деятельности, экспертная оценка.

THE PROBLEM OF EFFICIENCY OF A PENITENTIARY PSYCHOLOGIST

Summary. The article discusses the historical aspect of the creation and the development of the psychological service of the penitentiary system of the Russian Federation, as well as the current state of its structure and regulatory legal regulation.

Separately, the main activities and functions of the penitentiary psychologist are disclosed within the two areas of the psychological service of the penitentiary system of the Russian Federation: psychological support of suspects, accused and convicted and psychological support of professional activities of employees of institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation, as well as the educational process in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia.

The analysis and comparison of the activities of a civilian psychologist and a penitentiary psychologist, taking into account professional and special official duties.

Particular attention is paid to the analysis of the factors affecting the quality of work of a penitentiary psychologist (multitasking activity and workload, personal qualities and status of a penitentiary psychologist in the institution of the penitentiary system, voluntariness of psychological assistance and the result of the work of a penitentiary psychologist) and objective and subjective criteria for evaluating effectiveness of his activities.

Keywords: *a penitentiary psychologist, a prisoner, psychological assistance, objective and subjective criteria for evaluating activity, work efficiency, progress, expert assessment.*

Должности психологов в пенитенциарной системе нашей страны появились еще в 1974 г., но история развития в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) психологической службы берет свое начало с создания в 2000 г. на базе Главного управления исполнения наказаний Минюста России самостоятельного структурного подразделения – отдела психологической службы. Через год (в 2001 г.) психологическая служба стала представлять собой уже сложную систему, включающую в себя 12 межрегиональных психологических лабораторий (далее – МПЛ), работающих на базе территориальных органов. В функции МПЛ входило не только оказание практической помощи управлениям (или главным управлениям) Федеральной службы исполнения наказаний соответствующего территориального органа в решении возникающих у них проблем в сфере психологии, но и изучение, обобщение и распространение положительного опыта психологической работы, а также проведение научно-прикладных исследований, направленных на разработку новых психологических технологий; организация стажировок психологов [1, с. 24].

Современная структура психологической службы УИС определена в Инструкции по организации деятельности психологической службы УИС, утвержденной приказом Минюста России от 12.12.2005 № 238, и представляет собой централизованно управляемую организационную систему, образованную структурными подразделениями и должностями специалистов (психологов). Психологи осуществляют психологическое обеспечение деятельности:

- следственных изоляторов;
- специальных подразделений по конвоированию;
- учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы;
- учреждений, исполняющих уголовные наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества;
- образовательных учреждений, входящих в Федеральную систему исполнения наказаний;
- отделов специального назначения территориальных органов УИС.

Выделяют два направления деятельности психологической службы:

1) осуществление психологического сопровождения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и осужденных вне зависимости от вида наказания (с лишением свободы или без изоляции от общества);

2) психологическое обеспечение профессиональной деятельности работников учреждений и органов УИС, а также учебно-воспитательного процесса в учебных центрах, институтах повышения квалификации, учреждениях высшего и высшего профессионального образования, подведомственных ФСИН России.

В настоящее время сложилась целостная система психологического обеспечения деятельности персонала УИС, которая включает в себя:

- первичный психологический отбор кандидатов на службу (учебу);
- психологическое сопровождение вновь принятых сотрудников;
- профессионально-психологическую подготовку и консультирование персонала;
- психологическое обеспечение работы с резервом кадров на выдвижение;
- психологическую подготовку сотрудников к действиям в экстремальных ситуациях;
- изучение социально-психологического климата в коллективах и разработка мер, направленных на его оптимизацию;
- осуществление контроля за изменениями, происходящими в психическом состоянии аттестованного и гражданского персонала, работающих в УИС;
- оценку рисков, возникающих при разрешении допуска к несению службы с оружием, а также анализ причин возникновения негативных явлений у персонала учреждений и разработка рекомендаций, направленных на их предотвращение;
- проведение просветительской работы с персоналом УИС в рамках проведения занятий по служебной подготовке;
- психопрофилактику и психологическую коррекцию деструктивного поведения, эмоционального выгорания и профессиональной деформации сотрудников, а также оказание помощи персоналу при возникновении у них проблемных и кризисных ситуаций [2, с. 8].

Целью психологического сопровождения подозреваемых, обвиняемых и осужденных является деятельность, направленная на выявление их индивидуально-психологических особенностей,

от учета которых зависит эффективность осуществления уголовного наказания, предупреждения негативных явлений в их среде и проведения воспитательной работы с осужденным. Работа психолога с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными включает в себя:

- проведение углубленного диагностического обследования, подготовка психологических характеристик (психологических портретов осужденных, на основании которых делается прогноз их возможного поведения в различных ситуациях в условиях социальной изоляции);
- выявление осужденных из группы риска (в целях предотвращения с их стороны правонарушений в соответствии с Инструкцией по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, которая утверждена приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2013 г. № 72) и подозреваемых и обвиняемых, склонных к суицидальному поведению;
- участие в решении вопросов, касающихся личности осужденных (распределение по камерам или отрядам, изменение условий содержания, выезд за пределы мест лишения свободы, передвижение осужденного без конвоя);
- выработка рекомендаций для сотрудников, осуществляющих непосредственное взаимодействие с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными (начальники отрядов, сотрудники оперативного отдела, службы тыла, производства, отдела воспитательной работы, отдела режима), прогнозирование возможности возникновения различных эксцессов в среде осужденных;
- помощь подозреваемым, обвиняемым и осужденным в адаптации к условиям изоляции от общества, преодолении кризисных и острых стрессовых состояний, в разрешении внутриличностных и межличностных конфликтов, в подготовке к выходу на свободу из исправительных учреждений, тюрем и воспитательных колоний;
- проведение профориентационной и просветительской работы с осужденными, подготовка их к освобождению;
- изучение социально-психологического климата в среде осужденных;
- коррекция поведения осужденных (индивидуальная и групповая работа, разработка программ).

Однако, несмотря на такой широкий круг служебных обязанностей, нередко можно услышать вопрос об эффективности деятельности пенитенциарного психолога. В основе этих сомнений лежит вера в доброго и мудрого волшебника, который, взмахнув волшебной палочкой, исправит все упущения других социальных институтов и сделает у осужденных сердце добрым, ум – светлым, а ценности – истинными.

Проанализируем факторы, влияющие на качество работы пенитенциарного психолога, и критерии эффективности его деятельности.

1. Пенитенциарный психолог является, прежде всего, сотрудником УИС, главная цель которого – повышение эффективности учреждений и органов УИС. Психолог должен помимо своих непосредственных должностных обязанностей выполнять и другие служебные обязанности, которые частично входят в противоречие с требованиями, предъявляемыми к характеру профессионального взаимодействия психолога с клиентом и кодексу этики психолога (необходимость использования информации, полученной в ходе работы с осужденным, подозреваемым или обвиняемым, в практической деятельности учреждения УИС). Данный факт снижает доверие к психологу, а следовательно, и эффективность его консультационной и коррекционной работы как с осужденными, так и с сотрудниками (для преодоления этого барьера доверия часто требуется достаточно много времени).

2. Личностные качества психолога во многом определяют степень его успешности как профессионала. Качества, которые необходимы пенитенциарному психологу для успешного выполнения задач, стоящих перед ним в рамках служебной деятельности, можно условно разделить на три группы качеств личности:

1) общие (организованность, оптимизм, креативность, ответственность, способность к рефлексии (оценка своих поступков и эмоциональных реакций, самокритика), способность принимать критику, любознательность, гибкость поведения, самостоятельность суждений, способность самостоятельно принимать решение, наблюдательность, усидчивость, терпеливость, общительность, способность к саморазвитию);

2) профессиональные (увлеченность своей работой, способность беспристрастно оценивать людей, высказывать конструктивную критику, естественность и искренность в общении, коммуникативные

(умение слушать, понимать другого человека, четко и ясно выражать свои мысли, достигать цели, поставленной в общении), эмоциональная и стрессоустойчивость, способность к эмпатии);

3) нравственные (уважительное отношение к людям, отзывчивость, доброжелательность, гуманность, тактичность, вежливость, альтруистичность и т. д.).

Г. В. Протасова [3] провела исследование профессионально-личностных качеств курсантов (будущих пенитенциарных психологов), в результате которого было установлено, что основной акцент при подготовке психологов к будущей служебной деятельности делается на формировании служебно ориентированных качеств (ответственность, умение принимать решения и т. д.), а не на качествах, определяющих эффективность психолога как профессионала (инициативности, креативности и эмпатии).

2. Несмотря на то что законодательство в сфере исполнения наказаний при определении целей деятельности УИС ставит на первое место исправление осужденных, а уже потом предупреждение противоправных действий как со стороны осужденных, так и со стороны сотрудников (ст. 1 УИК РФ), психологическая помощь осужденным осуществляется на добровольной основе, а в случае согласия осужденного на участие в психокоррекционной (групповой или индивидуальной) программе заключается соглашение в письменной форме между осужденным и психологом, в котором оговариваются права и обязанности сторон. Необходимость добровольного согласия проходить психодиагностическое обследование подтверждает тот факт, что подозреваемые, обвиняемые и осужденные имеют право отказаться не только от прохождения диагностических процедур, но и от участия в мероприятиях с психологом, а также в мероприятиях воспитательного характера (на основании этого составляется только акт об отказе, который приобщается к личному делу (для подозреваемых и обвиняемых), у осужденных факт отказа фиксируется в карточке индивидуально-воспитательной работы).

3. Статус пенитенциарного психолога. Деятельность гражданского психолога рассматривается в обществе в соответствии с п. 3 ст. 20 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» как социально-психологический вид социальных услуг. Действия психолога регламентируются Этическим кодексом психолога, который принят на V съезде Российского психологического общества 14.02.2012. Фразы «Клиент всегда прав» и «Психолог должен работать по запросу клиента» не приемлемы для пенитенциарного психолога, от деятельности которого во многом зависит обстановка в учреждении и предотвращение нежелательных эксцессов со стороны осужденных.

Деятельность пенитенциарного психолога осуществляется в правовом поле и регламентируется как международными нормативными актами, так и российским законодательством.

В нашей стране отношение к психологу настороженное, люди предпочитают обратиться за психологической поддержкой к друзьям и близким людям. Часто люди, обращающиеся к психологу, ожидают получить либо конкретный совет (чтобы психолог взял на себя ответственность за их жизнь), либо действенную помощь (непосредственное решение существующих проблем), а не совместную работу, часто очень тяжелую, в которой основная роль отводится не психологу. Эффективность деятельности психолога определяется не сразу, а только после определенного периода совместной работы, при этом критерии ее оценки всегда неоднозначны.

Психолог – тоже человек, поэтому он может ошибаться и заблуждаться, что разрушает образ «мудрого волшебника». В связи с этим пенитенциарный психолог в обязательном порядке должен проходить личную терапию (не переносить свои проблемы на клиентов) и заниматься собственным профессиональным совершенствованием.

Однако пенитенциарный психолог ограничен не только в возможности повышения своей квалификации (для данной профессии важно повышать свою квалификацию не раз в 5 лет, а постоянно, а для этого нужны желание, время и деньги, что не всегда представляется возможным из-за специфики службы в УИС), но и в возможности профессионального общения.

При этом пенитенциарный психолог всегда находится в зоне пристального внимания к его личности, что вызывает у него беспокойство и дополнительное напряжение [4].

4. Объем работы. Задачи, стоящие перед пенитенциарным психологом, отличаются сложностью и чрезвычайным функциональным разнообразием. Общая численность психологов, работающих в УИС, составляет 3343 человек, из которых 365 сотрудников работают в уголовно-исполнительных инспекциях.

На 1 апреля 2019 г. по статистическим данным, представленным на официальном сайте ФСИН России, в учреждениях УИС содержалось 554 995 человек, из которых 101 685 человек –

в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях, а 1319 – несовершеннолетних.

503 351 осужденным назначено судами наказание без лишения свободы, и они стоят на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (сотрудники инспекций также осуществляют контроль за 6614 подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых судами избрана мера пресечения в виде домашнего ареста).

Штатная численность персонала УИС составляет 295 967 человек.

Таким образом, даже с учетом психологов, которые работают в управлениях, на каждого психолога приходится в среднем 190 осужденных (у психологов, работающих в уголовно-исполнительных инспекциях, – 1390) и 89 сотрудников.

В исправительных колониях для взрослых только 2 % осужденных имеют сроки заключения менее года, а в колониях-поселениях, следственных изоляторах и уголовно-исполнительных инспекциях сроки осужденных – незначительные, поэтому к основным функциям, которые выполняют в данных учреждениях пенитенциарные психологи, относят диагностическую, просветительскую, прогностическую. В исправительных учреждениях и воспитательных колониях психологи кроме этих функций в значительном объеме осуществляют также консультативную, психокоррекционную и исследовательскую функции.

5. Результат деятельности. К сожалению, результат деятельности пенитенциарного психолога не всегда очевиден. Окончательный результат зависит не только от пенитенциарного психолога, но и от согласованности действий психолога и сотрудников других структурных подразделений исправительного учреждения, которые также осуществляют непосредственное взаимодействие с осужденным. Рекомендации, которые психолог пишет на основе анализа личностных качеств осужденного (подозреваемого, обвиняемого), приобретают актуальность только в случае выявления у осужденного (подозреваемого, обвиняемого) деструктивного поведения или по факту произошедшего эксцесса с его стороны. Виды работ пенитенциарного психолога с персоналом исправительных учреждений, следственных изоляторов и их родственниками не предполагают огласки, поэтому деятельность в этой сфере не очень заметна окружающим.

Оценка профессиональной деятельности пенитенциарного психолога является комплексной, так как оценке подвергается сам психолог, процесс и результат (продукт).

Одной из важнейших характеристик деятельности является ее эффективность. Часто эффективность и результативность воспринимаются как синонимы, хотя они не тождественны. В соответствии с системой менеджмента качества (ГОСТ ISO 9000–2011 – Межгосударственный стандарт, который введен в действие приказом Росстандарта от 22.12.2011 № 1574-ст.) результативность (effectiveness) представляет собой степень достижения запланированных результатов (умение выбрать основную цель, хотя результат может быть и незапланированным), а эффективность (efficiency) – связь между использованными ресурсами и достигнутым результатом [5, с. 79]. При оценке деятельности психолога имеет смысл рассматривать эффективность как соотношение успешности и неуспешности деятельности в некоторый период времени, где под успешностью понимаются действия, которые могут и не отражаться прямо на результативности, но либо вести к ее повышению в будущем, либо позитивно отражаться на деятельности партнеров по взаимодействию [6].

Оценка эффективности деятельности психолога как представителя социомической профессии (профессия типа «человек – человек») вызывает определенное затруднение из-за повышенных требований, предъявляемых к представителям этой профессии; отсутствия единых и четких требований не только к самому процессу профессиональной деятельности психолога, но и к продукту его труда; отсутствия показателей (внешних, так как основная часть работы психолога скрыта от внешнего наблюдения), на основании которых можно однозначно сделать вывод об эффективности труда психолога [7, с. 40–42].

Традиционно при оценке эффективности деятельности гражданского психолога выделяют три критерия, с помощью которых оценивается количество выполненной работы, ее качество и профессионализм (экспертная оценка).

При оценке количественных показателей (количество диагностических обследований, консультаций, отчетов и т. п.) затруднение вызывает оценка вклада пенитенциарного психолога в результаты работы всего учреждения.

На качественные критерии (качество подготовленных документов, проведенных консультаций, проведенных психокоррекционных занятий, подтверждение правильности выданных рекомендаций и т. д.) требуется большое количество времени, так как они являются очень громоздкими.

Экспертная оценка деятельности структурных подразделений учреждения, с которыми работал психолог (анкетирование), требует разработки критериев экспертной оценки, подготовки экспертов и является субъективной.

При оценке деятельности психолога выделяют объективные и субъективные критерии, при этом основной упор делается на поиск объективных критериев эффективности (параметры, которые относятся к результату деятельности, которые можно зафиксировать), хотя для саморазвития психолога как профессионала (формирование профессионального мировоззрения) важную роль играют именно субъективные критерии, которые вырабатываются самим психологом (оценка на основании их является интуитивной, так как они не имеют законодательного закрепления и индивидуальны). Следует отметить, что в психологическом анализе возможны взаимопереходы субъективного и объективного (усваивая социальные нормы психолог переводит объективные нормы в разряд субъективных, а субъективные нормы, подтверждаясь на практике, становятся объективными).

Объективные критерии связаны с функциями пенитенциарных психологов и установленными для них нормативными временными затратами (приказ Минюста России от 12.12.2005 № 238), в которых отражены социальные ожидания по отношению к пенитенциарному психологу, процессу его деятельности и продукту труда. К ним относятся:

- квалификационные требования к уровню образования, стажу работы, повышению квалификации;
- знание законодательной базы, регламентирующей их служебную деятельность;
- ведение необходимого документооборота;
- количество отчетов, справок, заключений, рекомендаций, проведенных лекций, консультаций, психокоррекционных занятий и психодиагностических обследований;
- методическое и материально-техническое обеспечение деятельности пенитенциарного психолога (соответствие требованиям, предъявляемым к кабинетам и его оборудованию).

Оценка результативности деятельности со стороны самого психолога формируется на основании субъективных критериев (достижения, проблемы, качественные сдвиги в работе с клиентами), является изменчивой, так как результаты деятельности пенитенциарного психолога часто отдалены во времени, но эта оценка мотивирует психолога заниматься постоянным самообразованием.

Одним из критериев, которые могут свидетельствовать об эффективности деятельности пенитенциарного психолога, выступают показатели благоприятного психологического климата (разрешение конфликта) в подразделении или отряде осужденных, с которыми он работал.

Оценка деятельности пенитенциарного психолога во многом зависит также и от того, какую желаемую модель этой деятельности берут за основу: психолог как сотрудник, исполняющий задачи, поставленные перед ним руководством, или как профессионал, оказывающий эффективное психологическое воздействие на клиентов (успешность в каждом случае определяется по-разному). Данные модели в УИС являются взаимно дополняющими, хотя предпочтение в УИС и отдается первой модели, но при оценке поведения осужденных, подозреваемых и подозреваемых – второй.

Целью психологической работы пенитенциарного психолога является не только оптимизация функционирования труда всех структурных подразделений учреждения, но и предупреждение деструктивного поведения как со стороны осужденных, так и со стороны сотрудников, а также подготовка осужденных к освобождению.

В связи с этим при оценке эффективности деятельности пенитенциарного психолога следует использовать интегральный критерий, объединяющий в себе комплекс показателей и критериев (объективных и субъективных). При этом следует четко разделять сферы ответственности, так как конечный результат зависит не столько от эффективности деятельности самого психолога, сколько от слаженной работы всех сотрудников учреждений и органов УИС.

Библиографический список

1. Дебольский М. Г., Ушков Ф. И., Михайлов А. Н. Становление и развитие психологической службы уголовно-исполнительной системы // Психологическое обеспечение деятельности силовых структур в современной России: сборник материалов I Всероссийской научно-

практической конференции специалистов ведомственных психологических служб. СПб., 2012. Т. 1. С. 23–28.

2. Психологическая работа с сотрудниками, состоящими в группе повышенного внимания: учебное пособие / О. Н. Ежова [и др.]. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2018. 97 с.

3. Протасова Г. В. Развитие профессионально-личностных качеств будущих психологов в процессе обучения в высших образовательных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2004. 23 с.

4. Аксенчук Т. А. Особенности профессиональной деятельности психолога в пенитенциарном учреждении // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/06/24071> (дата обращения: 07.02.2019).

5. Костин А. А., Посметухина Е. А. Соотношение понятий «эффективность» и «результативность» на примере таможенной деятельности // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 3. С. 75–88.

6. Дубова М. В. Организация проектной деятельности младших школьников: практическое пособие для учителей начальных классов. М.: Баласс, 2010. 80 с.

7. Якунина Ю. Е. Субъективные критерии эффективности профессиональной деятельности в профессиях типа «человек – человек»: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 175 с.

References

1. Debol'skiy M. G., Ushkov F. I., Mikhaylov A. N. Stanovleniye i razvitiye psikhologicheskoy sluzhby ugovolno-ispolnitel'noy [Formation and development of the psychological service of the penitentiary system]. *Psikhologicheskoye obespecheniye deyatel'nosti silovykh struktur v sovremennoy Rossii: sbornik materialov I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii spetsialistov vedomstvennykh psikhologicheskikh sluzhb* [Psychological support of the activities of power structures in modern Russia: collection of materials of the First All-Russian Scientific and Practical Conference of Specialists of Departmental Psychological Services]. Saint-Petersburg, 2012, t. 1, pp. 23–28 [in Russian].

2. Psikhologicheskaya rabota s sotrudnikami, sostoyashchimi v grappe povyshennogo vnimaniya: uchebnoye posobiye [Psychological work with employees who are in the group of increased attention: a textbook]. Samara, 2018, 97 p. [in Russian].

3. Protasova G. V. Razvitiye professional'no-lichnostnykh kachestv budushchikh psikhologov v protsesse obucheniya v vysshikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii. Avtoref. diss. kand. psikh. nauk [The development of professional and personal qualities of future psychologists in the process of learning in the higher educational institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Extended of candidate's of Psychology thesis]. Ryazan', 2004, 23 p. [in Russian].

4. Aksechuk T. A. Osobennosti professional'noy deyatel'nosti psikhologa v penitentsiarnom uchrezhdenii [Features of the professional activity of a psychologist in a penitentiary institution]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya* [Humanitarian scientific research], 2017, no. 6. URL: <http://human.snauka.ru/2017/06/24071> (Accessed: 07.02.2019) [in Russian].

5. Kostin A. A., Posmetukhina Ye. A. Sootnosheniye ponyatiy «effektivnost'» i «rezul'tativnost'» na primere tamozhennoy deyatel'nosti [Relationship between the concepts of «efficiency» and «effectiveness» on the example of customs activity]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 2014, t. 15, no. 3, pp. 75–88 [in Russian].

6. Dubova M. V. Organizatsiya proyektnoy deyatel'nosti mladshikh shkol'nikov: prakticheskoye posobiye dlya uchiteley nachal'nykh klassov [Organization of project activities of younger students]. Moscow: Balass, 2010, 80 p. [in Russian].

7. Yakunina Yu. Ye. Sub'yektivnyye kriterii effektivnosti professional'noy deyatel'nosti v professiyakh tipa «chelovek – chelovek». Diss. kand. psikh. nauk [Subjective criteria for the effectiveness of professional activity in professions of the type «man-man». Candidate's of Psychology thesis]. Moscow, 2004, 175 p. [in Russian].

УДК 159.9

Родионова Ольга Геннадьевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры пенитенциарной психологии
и педагогики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: rodionova_olga.g@mail.ru

Olga G. Rodionova

Candidate of Psychology, Associate Professor,
Assistant Professor of the Department of penitentiary psychology
and pedagogics,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryl'skaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: rodionova_olga.g@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН О МЕЖЛИЧНОСТНОМ КОНФЛИКТЕ

Аннотация. Исследования психологов-пенитенциаристов показывают, что осужденные (и мужчины, и женщины), отбывающие наказание в местах лишения свободы, характеризуются повышенной конфликтностью и агрессивностью. Эти особенности повышают риск совершения ими пенитенциарных преступлений. Несмотря на то что пенитенциарная преступность – это проблема юридическая, ее истоки лежат в психологии межличностных взаимоотношений осужденных, осужденных и сотрудников УИС. Умение предотвращать, выявлять и разрешать межличностный конфликт в пенитенциарной среде входит в структуру профессиональной компетентности сотрудника УИС. По этой причине конфликтологическая подготовка сотрудников исправительных учреждений и обучающихся ведомственных вузов представляет собой актуальную проблему современной пенитенциарной системы.

В статье говорится о том, что сотрудникам уголовно-исполнительной системы для организации и проведения работы по профилактике и урегулированию конфликтов в исправительных учреждениях необходимы знания об основах конфликтного поведения, сторонах, видах и причинах пенитенциарных конфликтов. Автор обращает внимание на гендерные особенности, обуславливающие специфику работы с осужденными женщинами в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы.

Основное содержание статьи составляет анализ исследования представлений о конфликте с другими людьми. В работе использовалась авторская проективная психодиагностическая методика «Рисунок конфликта» и представлена удобная в использовании схема анализа работ испытуемых.

Выводы о полученных результатах исследования, сформулированные в статье, имеют несомненную практическую значимость и могут быть использованы при организации как превентивной, так и психокоррекционной работы с осужденными в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: пенитенциарный конфликт, межличностный конфликт, конфликтные личности, осужденные женщины, проективные методы диагностики, представления о межличностном конфликте.

SPECIFICS OF THE IDEAS AMONG CONVICTED WOMEN OF INTERPERSONAL CONFLICT

Summary. Studies of penitentiary psychologists show that convicted persons, both men and women, who are serving sentences in places of deprivation of liberty, are characterized by increased conflict and aggressiveness. These features increase the risk of their committing penitentiary crimes. Despite the fact that perennial crime is a legal problem, its origins lie in the psychology of interpersonal relations between convicts, convicts and employees of the penitentiary system. The ability to prevent, detect and resolve interpersonal conflict in the penitentiary environment is part of the professional competence structure of the employee of the penitentiary system. For this reason, conflict studies training of correctional institutions and trainee departmental universities is an actual problem of the modern penitentiary system.

The article says that the staff of the penitentiary system for organizing and carrying out work on the prevention and resolution of conflicts in correctional institutions need knowledge of the principles of conflict behavior, parties, types and causes of prison conflicts. The author draws attention to gender characteristics that determine the specifics of working with convicted women while serving their sentence of imprisonment.

The main content of the article is the analysis of the study of ideas about conflict with other people, the author used the projective psychodiagnostic technique «Picture of Conflict» and presented an easy-to-use scheme for analyzing the work of the subjects.

The findings of the findings of the study, formulated in the article, have undoubted practical significance and can be used in organizing both preventive and psychocorrective work with convicts in correctional institutions.

Keywords: *penitentiary conflict, interpersonal conflict, problem personalities, convicted women, projective methods of diagnosis, ideas of interpersonal conflict.*

Психолого-педагогическая работа по профилактике и урегулированию конфликтов в женских исправительных учреждениях строится на основе знания основ конфликтологии, специфики женской психологии и конфликтного поведения осужденных женщин и особенностей женской психологии в целом [1, с. 103].

Любая актуальная ситуация, в которой взаимодействующие женщины убеждены, что их интересы расходятся и не могут быть достигнуты одновременно, является конфликтной [2, с. 113].

Осужденная женщина, которая является инициатором частых конфликтов, а также легко провоцируется на конфликтное взаимодействие, называется конфликтной личностью [3, с. 64].

Специфическим видом конфликтов, свойственным только исправительным учреждениям, является пенитенциарный конфликт, которым называется любое «эмоциональное напряжение, возникающее в силу столкновения противоположных импульсов или интересов между субъектами по поводу и в процессе исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы» [4, с. 66].

В основе конфликта (конфликтной ситуации) между осужденными и персоналом учреждения, исполняющего уголовное наказание, находится комплекс неудовлетворенных социально-психологических, организационно-управленческих и социокультурных потребностей, порождающих конфликты различных типов [5, с. 38].

Устойчивый интерес психологов к проективной диагностике сохраняется уже более полувека. Различные проективные методики широко используются в практике исследования личности во всех областях современной психологии [6, с. 124]. С их помощью не только получают какие-либо знания о личности. Нередко они служат рабочим инструментом для проверки тех или иных теоретических положений.

Исследование представлений осужденных женщин о конфликте проводилось с применением проективного метода. Испытуемым было предложено нарисовать конфликт с другим человеком. Рисунки выполнялись на листе формата А4 простыми карандашами.

Рисунки анализировались по следующим критериям в соответствии с разработанной структурой представлений о конфликте (см. рис. 1) [7, с. 73].

1. Эмоциональная направленность рисунка:

- позитивная – положительный эмоциональный настрой (улыбки, разрешение конфликта);
- нейтральная – нейтральный эмоциональный настрой, равнодушное отношение;
- негативная – отрицательный эмоциональный настрой (разрушение отношений, авиакатастрофа, у дома непогода сорвала крышу, отсутствие рисунка).

2. Организационные атрибуты:

- разрушение – люди сидят, стоят спиной друг к другу, расходятся в разные стороны; разбитое сердце; сломанное дерево; крушение самолета; разломанное яблоко; потухшая свеча; молния разрушает дом;
- разрешение – за человеком, оказавшимся на крыше, прилетает воздушный шар; тетрис (все многоугольники подстраиваются друг к другу); из-за тучки выглядывает солнце, потухшие вулканы.

3. Функциональные атрибуты:

- межличностный конфликт – конфликт между двумя людьми (супругами, родителем и ребенком, водителями);
- внутриличностный – потухшая свеча, одинокий слон под дождем, одинокая девушка в непогоду, разбитое сердце, сломанный ствол дерева.

4. Целевая установка:

- человекоцентрическая – люди: супруги, родители и дети, клоуны, водители, боксеры и т. п.;
- биоцентрическая – природа: деревья, вулканы, животные, природные катаклизмы (дождь, ветер, вихрь, тайфуны);
- символическая – символы и предметы: нервная система, смайлики, сердца, разломанное яблоко, череп с костями, тетрис, знак молнии, огонь, открытый оскалившийся рот, плачущий глаз;
- на результат – катастрофа: авиакатастрофа, у дома ураганом сорвана крыша.

Эмоциональная направленность			ПРЕДСТАВЛЕНИЕ о конфликте				Целевая установка			
			Организационные атрибуты		Функциональные атрибуты					
позитивная	нейтральная	негативная	разрушение	разрешение	внутриличностный	межличностный	человекоцентрическая	биоцентрическая	символическая	на результат

Рис. 1. Структура представлений осужденных женщин о конфликте

Исследование было проведено в ФБУ ИК-15 УФСИН России по Самарской области. Обследованные женщины были разделены на три группы: 1 группа – от 20 до 30 лет; 2 группа – от 30 до 50 лет; 3 группа – старше 50 лет. Общее количество испытуемых составило 105 человек. Осужденные женщины, принимавшие участие в исследовании, отбывают наказание: за насильственные преступления (ст. ст. 105, 111 УК РФ); преступления, связанные с наркотиками (ст. 228 УК РФ); мошенничество (ст. 159 УК РФ); кражи (ст. 158 УК РФ).

Исследование позволило выявить следующую специфику субъективных представлений о межличностном конфликте осужденных женщин (см. рис. 1, 2 и 3).

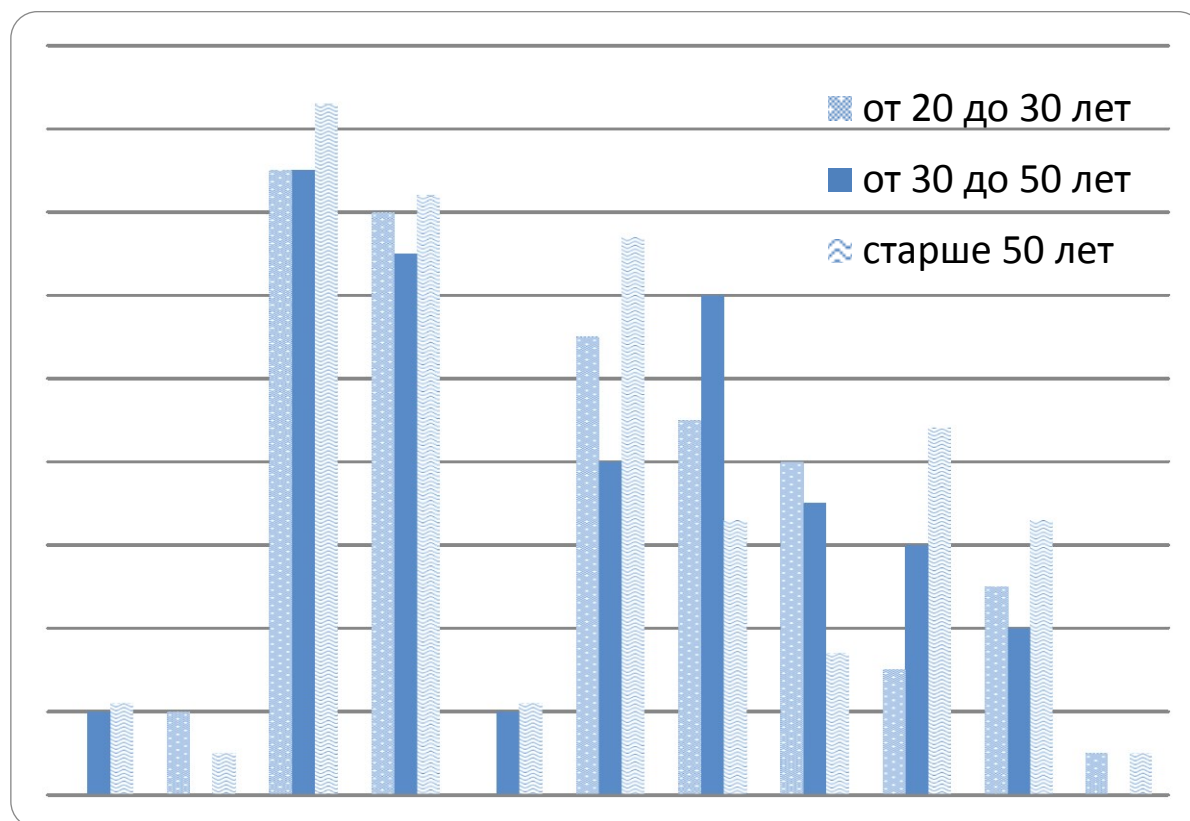

Рис. 2. Динамика представлений о конфликте осужденных женщин разных возрастных групп (в %)

1. Наиболее явные различия, подтвержденные статистически ($\chi^2=100$; $p \leq 0,001$), выявлены между двумя возрастными категориями: первой (от 20 до 30 лет) и третьей (от 50 и старше).

2. Во всех возрастных группах преобладает негативная эмоциональная направленность рисунков, то есть в опыте осужденных женщин, предположительно, отсутствуют представления о положительных функциях конфликта – разрядки напряжения в отношениях, «оздоровление», прояснения и как итог – укрепление отношений.

3. У осужденных женщин младшей возрастной категории, в отличие от двух других возрастных групп, присутствует нейтральная эмоциональная направленность представлений о конфликте (10 %), но при этом вообще отсутствует позитивное восприятие межличностного конфликта. В представлениях осужденных старшей возрастной группы наблюдается как позитивная, так и негативная эмоциональная направленность (11 % и 83 % соответственно). Различия выявлены на высоком уровне статистической значимости ($\chi^2=100$; $p \leq 0,001$). Эти данные указывают на то, что у осужденных молодежного возраста представления о конфликте не настолько эмоционально насыщенные, чем у осужденных женщин других возрастов.

4. Во всех трех группах преобладает представление о конфликте как о разрушении чего-то целого – будь то какой-то предмет (например, сердце или яблоко) или межличностные отношения (скандал, потом разрыв отношений и уход в противоположные стороны). Мало кто из осужденных женщин может проявлять гибкость в ситуации конфликтного взаимодействия, разрешить конфликт без разрыва отношений, с примирением в будущем. Разрешение конфликтной ситуации не встречается в представлениях у осужденных младшей возрастной группы, в отличие от осужденных двух других возрастных групп (у 10 % женщин в возрасте от 30 до 50 лет и у 11 % женщин в возрасте старше 50 лет).

5. Чаще всего «разрушение» встречается в рисунках старшей возрастной группы (72 %). Это может быть объяснимо тем, что среди женщин старше 50 лет большое количество отбывает наказание за причинение тяжкого вреда здоровью и за убийство, то есть в их жизненном опыте межличностный конфликт привел к разрушению отношений, судьбы, кардинальному изменению жизненного пути.

6. В представлениях о конфликте у осужденных первой и третьей возрастной групп преобладает представление о внутриличностном конфликте (55 % и 67 %). Возможно, это связано с тем фактом, что большинство представительниц первой группы (20–30 лет) осуждены за преступления, связанные с распространением и употреблением психоактивных веществ; употребление наркотиков всегда связано с глубоким внутриличностным конфликтом и приводит к устойчивым характерологическим изменениям личности. А женщины третьей группы (старше 50 лет), как уже говорилось ранее, в большинстве случаев отбывают наказание за насильственные преступления, что, вероятно, сопровождается внутриличностным конфликтом, в основе которого предположительно лежат морально-нравственные переживания. Это и отражено в их рисунках конфликта – уединение, одиночество, предметность (картины природы; символизм). У женщин среднего возраста (от 30 до 50 лет) в представлениях о конфликте преобладает представление именно межличностного конфликта (60 %).

7. Человекоцентрическая установка преобладает в 40 % представлений осужденных женщин в возрасте от 20 до 30 лет. Биоцентрическая и символическая – в представлениях осужденных женщин двух других возрастных групп (44 % и 33 % соответственно). Установка на негативный результат (изобразили конфликт в виде авиакатастрофы и разрушения жилых домов) присутствует в равной мере в первой и третьей возрастных группах.

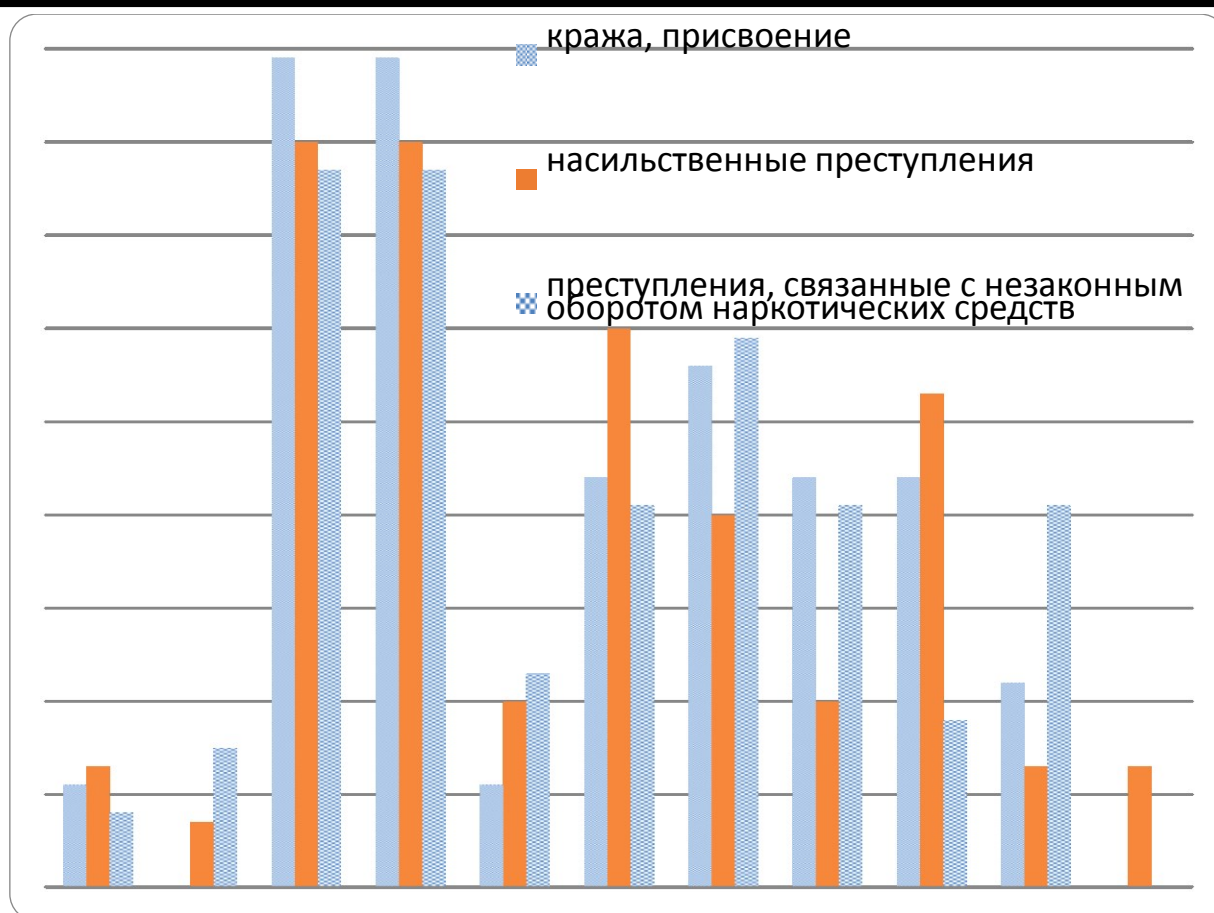

Рис. 3. Специфика представлений о конфликте осужденных женщин в зависимости от совершенных преступлений (в %)

8. Статистически значимых различий в специфике представлений о конфликте осужденных женщин, отбывающих наказание за различные категории преступлений (ст. ст. 105, 111 – насильственные преступления; ст. ст. 158, 160 – кража, присвоение; ст. 228 – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств), не выявлено.

9. В представлениях о конфликте у всех категорий осужденных в равной степени наблюдается негативная эмоциональная направленность и такой организационный атрибут образа, как разрушение (89 %, 80 %, 77 % соответственно).

10. Женщины, отбывающие наказание за насильственные преступления, чаще изображали внутриличностный конфликт, чем межличностный, а женщины, осужденные за кражи и преступления по ст. 228 и 228.1, – наоборот. Данная тенденция выявлена путем качественного анализа рисунков; а не на уровне статистически значимых различий.

11. Человекоцентрическая установка чаще всего встречается в рисунках женщин, отбывающих наказание за кражи, присвоение и мошенничество (44 %). В рисунках осужденных за насильственные преступления преобладает неодушевленная природа, установка на негативный результат, катастрофу (53 %). Символическая установка в представлениях на конфликт преобладают в рисунках женщин, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (41 %).

Подводя итог, можно отметить, что осужденные женщины характеризуются:

- тенденцией к пребыванию в негативных эмоциональных переживаниях;
- 2/3 осужденных женщин не имеют активной антиобщественной установки;
- стойкая криминальная направленность личности в основном отмечается у женщин,

осужденных за кражу;

- осужденных женщин, как правило, характеризует неблагополучное детство;
- большинство осужденных женщин имеют низкую самооценку, высокую конформность,

неудовлетворенность своим поведением;

– многие осужденные женщины повышено внушаемы и совершали преступления под влиянием мужчин [8, с. 537].

По сравнению с осужденными мужчинами, осужденные женщины:

- более дорожат родственными семейными связями и стараются их сохранить;
- труднее адаптируются к условиям отбывания наказания в исправительном учреждении;
- чаще переживают чувство вины и раскаиваются за совершенное преступление;
- эмоционально более ранимы, чувствительны, тревожны;
- чаще переживают отчаяние и депрессию;
- более демонстративны в поведении;
- реже прибегают к открытой агрессии (оскорбления, рукоприкладство) и чаще – к косвенной (интриги, сплетни) [9, с. 185].

Доминирующими стратегиями конфликтного поведения осужденных женщин являются компромисс и приспособление. При этом осужденные женщины старше 50 лет к компромиссу прибегают редко. У осужденных за мошенничество стратегия соперничества встречается чаще, чем у осужденных за другие преступления.

Во всех возрастных группах преобладает негативная эмоциональная направленность рисунков, то есть в опыте осужденных женщин, предположительно, отсутствуют представления о положительных функциях конфликта – разрядки напряжения в отношениях, «оздоровление», прояснения и как итог – укрепление отношений.

У осужденных молодежного возраста представления о конфликте не настолько эмоционально насыщены, чем у осужденных женщин других возрастов.

Во всех трех группах преобладает представление о конфликте как о разрушении чего-то целого – будь то какой-то предмет (например, сердце или яблоко) или межличностные отношения (скандал, потом разрыв отношений и уход в противоположные стороны). Мало кто из осужденных женщин может проявлять гибкость в ситуации конфликтного взаимодействия, разрешить конфликт без разрыва отношений, с примирением в будущем.

Женщины, отбывающие наказание за насильственные преступления, чаще изображали внутриличностный конфликт, чем межличностный, а женщины, осужденные за кражи и преступления по ст. ст. 228 и 228.1, – наоборот.

Библиографический список

1. Плотникова А. Л., Родионова О. Г. Психологические особенности конфликтного поведения осужденных женщин [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. Т. 8. № 2–1. С. 103–120. URL: <https://ej.soc-journal.ru/index.html> (дата обращения: 21.03.2019).
2. Емельянов Н. С. Криминологическое исследование конфликтов с участием осужденных: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2015. 171 с.
3. Датий А. В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам социальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 68–75.
4. Громов В. Г. Пенитенциарная преступность [Электронный ресурс] // Современное право. 2007. № 9. С. 65–69. URL: <https://studopedia.org/1-126670.html> (дата обращения: 21.03.2019).
5. Детков А. П. Методологические парадигмы пенитенциарной конфликтологии: уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 53 с.
6. Романова Е. С., Потемкина О. Р. Графические методы в психологической диагностике. М.: Дидакт, 1982, 256 с.
7. Родионова О. Г. Социально-психологические особенности представлений субъектов образования о школе будущего: дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2011. 168 с.
8. Сапрунова Я. Р. Психологические особенности женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы [Электронный ресурс] // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. № 11(24). С. 533–541. URL: <http://www.bulletennauki.com/sapronova> (дата обращения: 05.05.2019).
9. Емельянова Е. В. К вопросу о профилактике пенитенциарных конфликтов оперативными сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 14 (1–4). № 2. С. 184–188.

References

1. Plotnikova A. L., Rodionova O. G. Psikhologicheskie osobennosti konfliktnogo povedeniya osuzhdennykh zhenshchin [Psychological features of the conflict behavior of convicted women]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Research of Social Problems]. URL: <https://ej.soc-journal.ru/index.html> (Accessed: 21.03.2019) [in Russian].
2. Emel'yanov N. S. Kriminologicheskoe issledovanie konfliktov s uchastiem osuzhdennykh. Diss. kand. yurid. nauk [Criminological study of conflicts involving convicts. Candidate's of Law thesis]. Vladimir, 2015, 171 p. [in Russian].
3. Datii A. V. Kharakteristika zhenshchin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody (po materialam sotsial'noi perepisi 2009 goda) [Characteristics of women sentenced to imprisonment (according to the materials of the 2009 social census)]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied judicial psychology], 2013, no. 3, pp. 68–75 [in Russian].
4. Gromov V. G. Penitentsiarnaya prestupnost' [Penitentiary crime]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 2007, no. 9, pp. 65–69. URL: <https://studopedia.org/1-126670.html> (Accessed: 21.03.2019) [in Russian].
5. Detkov A. P. Metodologicheskie paradigmy penitentsiarnoi konfliktologii: ugovno-pravovye, ugovno-ispolnitel'nye i kri-minologicheskie aspekty. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Methodological paradigms of penitentiary conflictology: criminal law, criminal-executive and criminological aspects. Extended of candidate's of Law thesis]. Ekaterinburg, 2013, 53 p. [in Russian].
6. Romanova E. S., Potemkina O. R. Graficheskie metody v psikho-logicheskoi diagnostike [Graphic methods in psychological diagnostics]. Moscow: Didakt, 1982, 256 p. [in Russian].
7. Rodionova O. G. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti predstavlenii sub»ektov obrazovaniya o shkole budushchego. Diss. kand. psikh. nauk [Socio-psychological characteristics of representations of subjects of education about the school of the future. Candidate's of Psychology thesis]. Saratov, 2011, 168 p. [in Russian].
8. Saprunova Ya. R. Psikhologicheskie osobennosti zhenshchin, otbyvayushchikh nakazanie v vide lisheniya svobody [Psychological features of women serving sentences of imprisonment]. *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of science and practice], 2017, no. 11(24), pp. 533–541. URL: <http://www.bulletennauki.com/saprunova> (Accessed: 05.05.2019) [in Russian].
9. Emel'yanova E. V. K voprosu o profilaktike penitentsiarnykh konfliktov operativnymi sotrudnikami ugovno-ispolnitel'noi sistemy [On the issue of prevention of penitentiary conflicts by operational officers of the penitentiary system]. *Ugovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal law], 2018, t. 14 (1–4), no. 2, pp. 184–188 [in Russian].

УДК 343.8

Грязева Надежда Викторовна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: g.nadezhd@mail.ru

Закиров Тимур Маратович

курсант 4-го курса,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: science@samlawin.ru

Nadezhda V. Gryazeva

Candidate of Law,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: g.nadezhd@mail.ru

Timur M. Zakirov

4th year cadet,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: science@samlawin.ru

ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ, ИЗЪЯТИЯ, ПОРЯДКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ РЕЖИМНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ (ОБЫСКА И ДОСМОТРА) В РАССЛЕДОВАНИИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

***Аннотация.** В статье осуществляется общетеоретический анализ проблем фиксации, изъятия, порядка предоставления и использования результатов режимных мероприятий (обыска и досмотра) в расследовании пенитенциарных преступлений.*

Актуальность исследования данной темы определяется необходимостью урегулирования на законодательном уровне вопросов использования результатов режимных мероприятий в расследовании пенитенциарных преступлений. Усилия авторов нацелены на устранение пробелов правового регулирования рассматриваемого института.

Авторы выделяют режимное мероприятие как одно из главных средств, способствующих соблюдению законности и правопорядка в исправительном учреждении, а также непосредственно влияющих на эффективность раскрытия и расследования преступлений, совершаемых осужденными в расположении указанных учреждений. Предлагают регламентировать в Уголовно-исполнительном кодексе РФ перечень режимных мероприятий, разработать единую процедуру принятия и оформления решения о проведении режимных обыска и досмотра в ИУ. Обосновывают регламентацию унифицированной процедуры изъятия запрещенных предметов (без конкретизации их вида) в нормативном акте, регулирующем порядок проведения обысков и досмотров в ИУ; формулируют правила для сотрудников ИУ по производству режимных мероприятий и получению результатов – потенциальных носителей доказательственной информации, акцентируя внимание на криминалистических рекомендациях обнаружения, фиксации и изъятия материальных следов преступления.

Наряду с вышеперечисленными результатами авторы предлагают структуру и содержание разделов Инструкции о порядке предоставления результатов режимных мероприятий в орган дознания, следователю или в суд.

***Ключевые слова:** исправительные учреждения, режимные мероприятия, обыск, досмотр, результаты режимных мероприятий, расследование преступлений, пенитенциарные преступления.*

SPECIAL FEATURES OF DOCUMENTATION, SEIZURE, PRESENTATION AND USING THE RESULTS OF REGIME MEASURES (SEARCH AND INSPECTION) IN THE INVESTIGATION OF PENITENTIARY CRIMES

***Summary.** The article provides a General theoretical analysis of the problems of fixation, seizure, procedure for the provision and use of the results of regime measures (search and inspection) in the investigation of penitentiary crimes.*

The relevance of the study of this topic is determined by the need to settle at the legislative level the issues of using the results of regime measures in the investigation of penitentiary crimes. The authors' effort aimed at addressing gaps to address the legal regulation of the Institute under review.

The authors identify the secure events as one of the main means to promote the rule of law and order in the penal institution, as well as directly affecting the efficiency of detection and investigation of crimes committed by convicts in the location of these institutions. I propose to regulate in the criminal-Executive code of the Russian Federation the list of secure events, to develop a uniform procedure for the adoption and execution of decisions on the implementation of security searches and screening at the penal institution. They substantiate the regulation of the unified procedure for the seizure of prohibited items (without specifying their type) in the normative act regulating the procedure for conducting searches and inspections in the penal institution; formulate the rules for the employees of the penal institution for the production of regime measures and obtaining results – potential carriers of evidence, focusing on forensic recommendations for the detection, fixation and seizure of material traces of crime.

Along with the above results, the authors propose the structure and content of the sections of the Instruction on the procedure for providing the results of regime measures to the body of inquiry, the investigator or the court.

Keywords: *penal institutions, secure activities, search, inspection, results regime activities, investigation of crimes, penitentiary crimes.*

Пенитенциарные преступления представляют угрозу безопасности уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) и нивелируют значение уголовной ответственности. Общественная опасность преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях (далее – ИУ), вытекает из последствий их совершения в виде дезорганизации нормальной деятельности учреждений, что затрудняет достижение целей уголовного наказания.

Несомненно, одним из главных средств, способствующих соблюдению законности и правопорядка в ИУ, а также эффективности раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений, являются режимные мероприятия. Согласно данным официальной статистики за 2018 г. в учреждениях УИС в ходе производства режимных мероприятий сотрудниками ИУ было изъято 5988 единиц холодного оружия и колюще-режущих предметов, конструктивно схожих с ним, которые могли служить орудием совершения преступлений, связанных с причинением вреда здоровью [1]. Из 914 преступлений, совершенных за рассматриваемый отчетный период в учреждениях УИС, 192 – действия, дезорганизующие деятельность учреждений УИС, 25 – умышленные преступления против жизни, 28 – умышленные преступления, связанные с причинением вреда здоровью, 103 – побеги (ст. 313 УК РФ) [2].

В настоящее время механизм использования результатов режимных мероприятий в доказывании по уголовным делам о преступлениях, совершаемых на территории учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, находится в стадии становления. Изучением проблем в рассматриваемой сфере правоотношений занимался С. Д. Аверкин [3]. Однако и спустя 10 лет после выхода работы в свет предложения С. Д. Аверкина в части урегулирования использования результатов режимных мероприятий остаются без внимания.

В уголовно-исполнительном законодательстве РФ и иных нормативных актах, регулирующих вопросы исполнения наказаний, не определено понятие, содержание и перечень режимных мероприятий. Учитывая это обстоятельство, будем придерживаться общепринятого понимания рассматриваемого понятия, в соответствии с которым режимными мероприятиями являются установленные уголовно-исполнительным законодательством средства обеспечения режима [4]. Наряду с этим считаем целесообразным закрепить в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ) перечень режимных мероприятий: режимный обыск, режимный досмотр, цензура корреспонденции осужденных, контроль телефонных разговоров.

Наиболее часто в целях обеспечения режима отбывания наказания, раскрытия и расследования конкретных преступлений, совершенных осужденными в ИУ, используются результаты режимного досмотра и обыска [5]. Данное обстоятельство обусловило рассмотрение в настоящей статье спектра проблем использования в доказывании по делам о преступлениях, совершаемых на территории ИУ, результатов именно этих режимных мероприятий. Проведение обыска и досмотра позволяет обнаружить, зафиксировать и изъять следы противоправного деяния, вещественные доказательства, орудия совершения преступления, воссоздать картину происшедшего события, выявить лиц, причастных к нему, установить очевидцев преступления.

Обыск и досмотр определяются как комплекс организационно-режимных мероприятий, осуществляемых администрацией учреждения УИС с привлечением собственных сил, а также специальных подразделений и средств по выявлению и изъятию запрещенных к хранению

и использованию в местах лишения свободы предметов, профилактике побегов и иных противоправных действий осужденных в целях обеспечения основанной на законе жизнедеятельности учреждения [6, с. 5].

Получение результатов в соответствии с установленной законом формой является одной из ключевых стадий проведения обысков, так как для расследования преступлений необходимо получение доказательств в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

При оформлении результатов проведенного досмотра в обязательном порядке указывается лицо, по решению которого он проводился. Результаты проведения обысков и досмотров оформляются актами с последующим докладом начальнику учреждения УИС, а в отсутствие начальника – его заместителю по безопасности и оперативной работе. В случае обнаружения запрещенных предметов составляются три акта, где указывается лицо, у которого изъяты запрещенные к хранению предметы, для применения к осужденному мер взыскания. Акты за одним номером регистрируются в Журнале учета рапортов и актов о нарушениях установленного порядка отбывания наказания. Один из актов передается начальнику учреждения УИС для принятия решения по изъятым предметам и определения необходимости проведения проверки с дальнейшим приобщением к материалам личного дела, второй акт используется для сдачи вещей осужденных на хранение, третий акт для учета сдается в отдел безопасности.

При обнаружении в результате проведения обыска, досмотра признаков совершаемого или совершенного преступления либо административного правонарушения дальнейший обыск проводится в присутствии понятых либо с применением фото-, видеозаписи или иных установленных законом РФ способов фиксации вещественных доказательств. По каждому факту изъятия наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, оружия и боеприпасов, а также иных предметов, которые могут служить орудием, предметом посягательства или являются доказательством преступления, оформляется отдельный протокол.

При обнаружении предметов или веществ, за изготовление, приобретение или хранение которых предусмотрена уголовная ответственность, последние передаются в органы дознания, которые принимают решение в соответствии с законодательством РФ. Изъятие вещей, явившихся орудиями совершения преступления, осуществляется в присутствии двух понятых. В качестве понятых привлекаются любые не заинтересованные в исходе дела совершеннолетние лица, в том числе работники УИС, не являющиеся субъектами обыска или досмотра. Число понятых должно быть не менее двух. Понятой удостоверяет в протоколе своей подписью факт совершения в его присутствии процессуальных действий (обыска, досмотра), их содержание и результаты.

Изъятые запрещенные личные вещи хранятся на складе для хранения личных вещей осужденных в течение срока отбывания наказания и 6 месяцев после его освобождения и могут быть уничтожены или обращены в доход государства по истечению указанного срока.

Для использования результатов режимных мероприятий в качестве доказательств необходимо обеспечить объективность и законность процедуры изъятия. Однако никакой нормативно-правовой акт не устанавливает порядок изъятия запрещенных предметов, имеющих на себе следы преступления. Исключением является порядок изъятия наркотических веществ, регламентированный Инструкцией по надзору за осужденными, процедура которого максимально приближена к изъятию материальных объектов – потенциальных вещественных доказательств в ходе следственных действий. Считаем, что данный порядок следует внедрить для изъятия всех запрещенных предметов, а унифицированную процедуру изъятия запрещенных предметов (без конкретизации их вида) изложить в нормативном акте, регулирующем порядок проведения обысков и досмотров в ИУ. Мы предлагаем следующую формулировку для закрепления в нормативном акте:

«При наличии оснований полагать, что предметы, изымаемые в ходе режимных обысков и досмотров, могут быть орудием, оборудованием или средством совершения преступления, либо предметом, сохранившим на себе следы преступления, либо иную информацию, имеющую значение для расследования преступления, обнаружение, изъятие и фиксация проводится в присутствии двух понятых, с составлением соответствующего акта (с подробным описанием изымаемого предмета и обстоятельств проведения режимных мероприятий), который подписывается дежурным помощником начальника колонии (учреждения), младшим инспектором и другими представителями администрации ИУ. Изъятый объект помещается в пакет, опечатывается в присутствии лиц,

участвовавших в его изъятии, которые расписываются на пакете. Сотрудник оперативного отдела под расписку на копии акта об изъятии получает изъятый объект и собранные материалы».

Изъятие предметов предполагается проводить с учетом криминалистических рекомендаций. В большей степени это касается упаковки изымаемых предметов с целью сохранения на них материальных следов преступления, подробного описания общих и частных признаков предмета, а также места его обнаружения. Данные рекомендации могут повысить доказательственное значение переданных следователю результатов режимных мероприятий. Кроме того, изъятые предметы могут быть исследованы в ходе производства судебной экспертизы.

Для повышения эффективности расследования и предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в учреждениях УИС, необходимо создать такой порядок предоставления результатов режимного обыска и досмотра, который позволил бы передавать документы и изъятые предметы непосредственно из учреждения УИС в орган, осуществляющий предварительное расследование.

Для достижения указанной цели С. Д. Аверкин и Т. П. Родичева предлагают разработать Инструкцию о порядке предоставления результатов режимных мероприятий в орган дознания, следователю или в суд [7].

Мы полностью солидарны с предложением указанных выше ученых-криминалистов и предпримем попытку изложить содержание данного нормативного акта.

В нем целесообразно выделить следующие разделы: 1) общие положения; 2) порядок предоставления результатов режимных мероприятий уполномоченным должностным лицам; 3) требования, предъявляемые к результатам режимных мероприятий; 4) приложения.

В общих положениях отражается правовая основа, в соответствии с которой выполняются данные действия, фактические и юридические основания, необходимые для предоставления результатов режимных мероприятий. Формальным основанием предоставления результатов режимных мероприятий будет являться постановление начальника учреждения УИС, либо его заместителя по безопасности и оперативной работе, которое выносится на основании рапорта лица, ответственного за проведение режимного мероприятия, или лица, изъявшего запрещенные предметы. Например, старший обысковой (досмотровой) группы должен будет написать рапорт на имя начальника учреждения об обнаружении предмета, имеющего признаки следов преступления.

Непосредственно сам порядок предоставления результатов должен быть указан во втором разделе. Предоставление результатов в орган дознания или следователю осуществляется силами и средствами учреждения УИС. При подготовке и оформлении для передачи в орган дознания или следователю результатов режимных мероприятий администрацией учреждения принимаются все необходимые меры по обеспечению их целостности, сохранности и секретности предоставления до уполномоченных должностных лиц. При предоставлении изъятых объектов совместно с ними предоставляется копия протокола об изъятии вещей и документов.

Следует заметить, что «предоставление» включает в себя не только фактическое доставление результатов режимного обыска или досмотра в орган дознания или следователю, но и заявление ходатайства о принятии этих изъятых объектов и использовании их в уголовном судопроизводстве.

Третий раздел должен содержать требования, в соответствии с которыми результаты режимных мероприятий могут быть приняты органом дознания или следователем в качестве доказательств. К таким требованиям следует отнести:

1) результаты режимных мероприятий должны содержать информацию, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, их подготавливающих, совершаемых или совершивших;

2) проведение режимных мероприятий в соответствии с целями и задачами, установленными ст. ст. 82, 83 УИК РФ и иными ведомственными нормативными актами;

3) наличие полномочий представителя администрации учреждения, проводившего обыск или досмотр;

4) законодательное закрепление проводимого режимного мероприятия;

5) законность оснований проведения режимных мероприятий;

6) фактическое соответствие результатов режимного досмотра или обыска описанию в протоколе или в сопроводительном письме.

Иными словами, для признания результатов режимных мероприятий доказательствами необходимо установить их относимость, допустимость и достоверность.

При соблюдении данных требований следователь выносит мотивированное постановление, в котором указывает, какие документы или предметы будут использоваться в качестве доказательств, а в случае несоответствия – мотивированное постановление об отказе в принятии и использовании результатов режимных мероприятий в качестве доказательств. Копия постановления вместе с переданными материалами должна направляться в учреждение УИС, предоставившее данные результаты.

Таким образом, по нашему мнению, нормативно-правовое регулирование использования результатов режимных мероприятий в расследовании преступлений необходимо совершенствовать, в связи с чем в данной статье мы предложили свое видение на решение рассматриваемых проблем.

Библиографический список

1. Обзор о состоянии режима и надзора за подозреваемыми в исправительных учреждениях и следственных изоляторах территориальных органов ФСИН России в 2018 г. от 28.03.2019 исх. №03-22260.
2. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы за 2018 г. (форма 2-УИС).
3. Аверкин С. Д. Использование результатов режимных мероприятий (досмотра и обыска), проводимых в исправительных учреждениях, в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2009. 231 с.
4. Валеев А. Т. Тактика обыска и выемки при производстве расследования преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы (научные и организационно-правовые основы): монография. Вологда, 2009. 228 с.
5. Производство дознания в учреждениях УИС Минюста России: учебное пособие / под ред. А. А. Крымова. Вологда, 2002.
6. Анишкин С. И., Бортник Л. Ю., Семенова Л. Ю. Правовое регулирование и тактика проведения обысков и досмотров в СИЗО и тюрьмах: учебное пособие. Томск, 2016. 61 с.
7. Родичева Т. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 238 с.

References

1. Obzor o sostoyanii rezhima i nadzora za podozrevaemymi v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah i sledstvennyh izolyatorah territorial'nyh or-ganov FSIN Rossii v 2018 godu ot 28.03.2019 iskh-03-22260 [Review of the status of the regime and supervision of suspects in correctional institutions and pre-trial detention facilities of territorial bodies of the FSIN of Russia in 2018 from 28.03.2009 Ref. 03-22260] [in Russian].
2. Otchet o sostoyanii prestupnosti sredi lic, soderzhashchihsya v uch-rezhdeniyah ugovovno-ispolnitel'noj sistemy za 2018 g (forma 2-UIS) [Report on the state of crime among persons held in institutions of the penitentiary system for 2018 (form 2-UIS)] [in Russian].
3. Averkin S. D. Ispol'zovanie rezul'tatov rezhimnyh meropriyatij (dosmotra i obyska), provodimyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah, v ras-sledovanii prestuplenij. Diss. kand. yurid. nauk [The Use of the results of regime measures (inspection and search) carried out in correctional institutions in the investigation of crimes. Candidate's of Law thesis]. Lyubercy, 2009, 231 p. [in Russian].
4. Valeev A. T. Taktika obyska i vyemki pri proizvodstve rassle-dovaniya prestuplenij, sovershennyh v uchrezhdeniyah ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (nauchnye i organizacionno-pravovye osnovy): monografiya [Tactics of search and seizure in the investigation of crimes committed in the institutions of the penal system (scientific and organizational and legal basis)]. Vologda, 2009, 228 p. [in Russian].

5. Proizvodstvo doznaniya v uchrezhdeniyah UIS Minyusta Rossii: ucheb. posobie [Production of inquiry in the institutions of the Ministry of justice of Russia]. In A. A. Krymov (ed.). Vologda, 2002 [in Russian].

6. Anis'kin S. I., Bortnik L. Yu., Semenova L. Yu. Pravovoe regulirovanie i taktika provedeniya obyskov i dosmotrov v SIZO i tyur'mah: uchebnoe posobie [Legal regulation and tactics of searches and inspections in jail and prisons]. Tomsk, 2016, 61 p. [in Russian].

7. Rodicheva T. P. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti pri raskrytii i rassledovanii prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv. Diss. kand. yurid. nauk [the Use of the results of operational investigative activities in the disclosure and investigation of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. Candidate's of Law thesis]. Moscow, 2006, 238 p. [in Russian].

УДК 343.11

Китаева Алина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: kitaeva.alina2013@yandex.ru

Alina V. Kitaeva

Candidate of Law, Associate Professor,
Assistant Professor of the Department of civil law disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: kitaeva.alina2013@yandex.ru

Закиров Тимур Маратович

курсант 4-го курса,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: science@samlawin.ru

Timur M. Zakirov

4th year cadet,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: science@samlawin.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье осуществляется общетеоретический анализ проблемных вопросов и перспектив участия осужденных в гражданском судопроизводстве. Актуальность исследования данной проблемы определяется необходимостью обеспечения конституционного права осужденных на судебную защиту своих законных интересов.

Авторы статьи выделяют две основные формы участия осужденных в гражданском судопроизводстве: участие осужденного в судебном заседании с использованием системы видеоконференц-связи и посредством составления доверенности на ведение дел в суде общей юрисдикции доверенному лицу. Раскрывается сущность использования системы видеоконференц-связи и особенности реализации института представительства интересов осужденных в судах.

Авторы статьи обращают внимание на некоторые проблемные моменты, связанные с участием осужденных в гражданском процессе. К ним следует относить отсутствие процедуры этапирования в суды общей юрисдикции по гражданским делам; невозможность осужденного, находящегося в исправительном учреждении, в полной мере проконсультироваться со своим представителем; нарушение права осужденного на конфиденциальное общение со своим представителем в следственном изоляторе при использовании системы видеоконференц-связи; недостаточное техническое обеспечение исправительных учреждений средствами телекоммуникации; отсутствие возможности обжаловать определение суда об отказе в использовании системы видеоконференц-связи; отсутствие лиц, на которых можно оформить доверенность, у осужденных, а также нежелание администрации исправительного учреждения содействовать осужденным в оформлении доверенности.

Авторы предлагают различные модели решения некоторых проблем.

Ключевые слова: проблемные вопросы, видеоконференц-связь, осужденные, представительство, доверенность, гражданское судопроизводство.

PROBLEMATIC ISSUES OF PARTICIPATION OF CONVICTS IN CIVIL PROCEEDINGS

Summary. The article provides a general theoretical analysis of problematic issues and the prospects for the participation of convicts in civil proceedings. The relevance of the study of this problem is determined by the considerable significance and the need to ensure the constitutional right of convicts to judicial protection of their legitimate interests.

The authors of the article single out two main forms of participation of convicts in civil proceedings: the system of videoconferences and the preparation of a power of attorney to represent their interests in court. The essence of the use of the video conferencing system, as well as the peculiarities of the implementation of the institution of representation of the interests of convicted persons in the courts are disclosed.

The authors of the article draw attention to some problematic issues related to the participation of convicts in civil proceedings. This should include: the lack of procedures for transferring to the courts of general jurisdiction in civil matters; the impossibility of the convicted person who is in a correctional institution to fully consult with his representative, who is in the courtroom; violation of the right of the convicted person to confidential communication with his/her representative in the remand prison while using the videoconferencing system; insufficient technical support to correctional institutions through telecommunications; the inability to appeal the court's decision not

to use the video conferencing system; perhaps the absence of convicts who are guaranteed power of attorney, as well as the reluctance of the prison administration to assist convicts in obtaining power of attorney.

The authors offer different models for solving some problems.

Keywords: *problematic issues, video conferencing, convicts, representation, power of attorney, civil proceedings.*

Лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, не имеют возможности лично участвовать в гражданском судопроизводстве, несмотря на то что в их правовой статус входит конституционное право на судебную защиту. Причиной этому является отсутствие в уголовно-исполнительном законодательстве процедуры этапирования в суды общей юрисдикции по гражданским делам.

Реализация гражданско-процессуальных прав осужденных осуществляется через институт представительства или посредством участия в гражданском судопроизводстве с помощью онлайн-процедуры – видеоконференц-связи (далее – ВКС).

Институт представительства как одна из форм участия осужденных в гражданском процессе, имеет очень важное значение, так как обеспечивает реализацию прав и законных интересов осужденных. Сущность представительства заключается в том, что, защищая свои права и отстаивая интересы в гражданском процессе, нет необходимости приглашать адвоката или вести свои дела лично, существует возможность оформления доверенности для ведения гражданских дел на своего представителя или иному лицу, которому осужденный может доверить защиту своих интересов. Причем представитель может участвовать в рассмотрении дела, если даже имеется возможность личного участия истца.

Второй формой участия осужденных в гражданском судопроизводстве является осуществление прав на судебную защиту посредством видеоконференц-связи. Ст. 155.1 ГПК РФ закрепляет порядок использования системы видеоконференц-связи, если у судов имеется такая техническая возможность [1]. Несмотря на наличие судебной практики и правовой регламентации данных форм участия в гражданско-процессуальных правоотношениях, в процессе их осуществления осужденные и иные участники гражданского процесса сталкиваются с рядом проблем.

При рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб осужденных были обнаружены проблемы в обеспечении права осужденного на непосредственное (личное) общение с представителем. Лицо, представляющее интересы осужденного на основе доверенности, находится в зале суда, а не в исправительном учреждении, где осужденный при помощи ВКС участвует в заседании. Соответственно осужденный не может в полной мере посоветоваться по различным аспектам дела со своим представителем, а представляющее интересы осужденного лицо в свою очередь не имеет возможности быстрого доведения важной информации до осужденного.

Еще сложнее ситуация в случае, если участие представителя в гражданском процессе обязательно, а осужденному и лицу, представляющему его интересы, необходимо согласовать позиции до начала заседания суда. Судебная коллегия может покинуть зал судебных заседаний и таким образом предоставить возможность осужденному и его представителю пообщаться с использованием ВКС в отсутствие посторонних лиц. Однако, например, в следственном изоляторе персонал учреждения обязан присутствовать при проведении процедуры ВКС, что нарушает право осужденного на конфиденциальность консультации со своим представителем.

Мы предлагаем закрепить на законодательном уровне возможность присутствия в исправительном учреждении представителя интересов осужденного при проведении судебного заседания с использованием ВКС. Также необходимо обеспечить конфиденциальность общения данных лиц.

Серьезным препятствием для более широкого использования видеоконференц-связи в гражданском судопроизводстве следует признать недостаточное техническое обеспечение средствами телекоммуникации учреждений пенитенциарной системы. Данная проблема связана с финансированием УИС и решается путем увеличения выделяемых из бюджета средств для технического обеспечения учреждений УИС.

По причине сложного устройства системы ВКС существует возможность возникновения технических ошибок и сбоев в работе системы, которые в свою очередь могут повлиять на установленный порядок проведения судебного заседания [2, с. 291]. Ст. 169 ГПК РФ предусматривает возможность возникновения данной ситуации и соответственно технические неполадки при использовании системы ВКС относит к основанию отложения судебного разбирательства [1], что приносит неудобства всем сторонам гражданского процесса.

ГПК РФ не закрепляет возможность обжаловать определение суда об отказе в использовании системы ВКС. До вступления в силу закона № 66-ФЗ, который внес изменения в ГПК РФ, такая возможность допускалась. Данное определение не исключало дальнейшего движения дела, хотя это и не было прямо предусмотрено в законодательстве РФ. Соответственно для предупреждения и исключения ошибок в суде и повышения эффективности обеспечения права граждан на обжалование определений суда об отказе в использовании системы ВКС необходимо урегулировать и данный вопрос.

Кроме того, следует рассмотреть вопрос бесплатности использования системы ВКС: ГПК РФ не предусматривает нормы, закрепляющей бесплатность ВКС, а значит, существует возможность возникновения споров о распределении судебных расходов между сторонами, что также требует законодательного закрепления.

В результате анализа материалов судебной практики нами по рассматриваемой проблеме были выделены следующие постановления: постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 27.04.2011 по делу № А 29-4520/2009 и постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2011 по делу № А 51-9641/2010, в которых по причине возможности участия в судебном заседании с использованием системы ВКС одна из сторон ссылалась на неразумность расходов на проезд. С данной позицией суды не согласились в обоих случаях [3, с. 6].

Следует отметить, что использование системы ВКС не учитывает психологические особенности участников сторон гражданского процесса: для кого-то данная процедура может быть неудобной, непривычной из-за страха, непонимания, неуверенности или по иным причинам, в том числе связанным с физическими недостатками участников процесса.

Еще одной особенностью использования системы ВКС является отсутствие возможности предоставления в суд различных доказательств. При этом отметим, что письменные и вещественные доказательства при наличии технической возможности могут быть предоставлены в арбитражном процессе: через доступные каналы связи копии таких документов направляются в рассматриваемое дело суд. Как правило, данный процесс происходит во время сеанса ВКС или после его завершения. Отсюда можно сделать вывод, что в отличие от системы арбитражных судов, где уже имеется принятое Пленумом ВАС РФ Постановление от 17.02.2011 № 12, практика применения ГПК РФ в редакции Закона № 66-ФЗ пока не сформировалась.

Институт представительства также имеет проблемные вопросы. Они, как правило, связаны с потерей осужденным связи с родственниками, друзьями или близкими людьми. Причем даже если родственники у осужденного имеются, между ними часто возникают конфликты, одной из причин которых является то, что оставшееся на свободе имущество присваивается родственниками, что является конфликтом. Поэтому следует разработать комплекс организационно-практических мер, который позволил бы обеспечить сохранность имущества осужденного в период отбывания наказания. Однако сущность данных мероприятий, реализующие их субъекты и обязанности должностных лиц являются предметом отдельного изучения.

Проблему представительства можно решить путем привлечения третьих лиц, которые будут бесплатно представлять интересы осужденных, при этом сами они должны быть заинтересованы в том, чтобы их помощь действительно способствовала обеспечению интересов осужденных.

Необходимо также отметить проблему отказа администрации учреждений содействовать осужденным в получении доверенности. По словам осужденных, доказать, что имело место обращение об оформлении доверенности, очень тяжело даже тогда, когда осужденный отдает должностным лицам администрации учреждения, в котором содержится, уже готовую доверенность, где требуется только поставить подпись, а начальнику учреждения – ее заверить. Дальнейшая обязанность администрации учреждения – провести регистрацию получения такой доверенности и сообщить обратившемуся под расписку входящий регистрационный номер. Однако, хотя это и установлено действующим регламентом, по сути, является актом доброй воли администрации, поскольку почти нельзя проконтролировать [4, с. 10].

Существенной проблемой является информированность осужденных о возможности их личного участия в судебном заседании. На практике осужденные часто вообще не знают, что, например, в отношении них подан иск, и тем более не знают про формы осуществления своих прав и законных интересов. Для этого необходимо возложить на администрацию учреждения УИС обязанность информировать осужденных о возможности участия в гражданском судопроизводстве посредством ВКС или с помощью института представительства во время бесед в карантинном отделении, разместить данную информацию на стендах.

Библиографический список

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 3 т. / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланаова; Ин-т государства и права РАН. М.: ЮрайтИздат, 2007. Т. 3. 633 с.
2. Китаева А. В. Участие в гражданско-процессуальных правоотношениях лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, посредством использования систем видеоконференц-связи // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. С. 289–291.
3. Лейба А. Видеоконференцсвязь: недостатки и неполадки // Эж-Юрист. 2013. № 27. С. 1–7.
4. Владимирова О. А. Роль институтов представительства и доверенности в деятельности УИС // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 5(31)/2018. С. 9–13.

References

1. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Comment to the Civil code of the Russian Federation]. In T. E. Abova, M. M. Boguslavskiy, A. G. Svetlanov (eds.). Moscow: JurajtIzdat, 2007, 633 p. [in Russian].
2. Kitaeva A. V. Uchastiye v grazhdansko-protseessual'nykh pravootnosheniyakh mezhdut litsami, otbyvayushchimi nakazaniye v vide predostavleniya svobody, posredstvom ispol'zovaniya sistem videokonferents-svyazi [Participation in civil procedural legal relations between persons serving a sentence in the form of granting freedom through the use of videoconferencing systems]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodejstvie nauki i praktiki: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy mezhvedomstvennoy konferentsii* [The criminal-Executive system at the present stage: the interaction of science and practice: materials of the international scientific and practical interdepartmental conference]. Samara, 2016, pp. 289–291 [in Russian].
3. Leyba A. Videokonferentsssvyaz': nedostatki i nepoladki [Video conferencing: flaws and problems]. *Ezh-Yurist* [Ezh-Lawyer], 2013, no. 27, pp. 1–7 [in Russian].
4. Vladimirova O. A. Rol' institutov predstavitel'stva i doverennosti v deyatel'nosti UIS [The role of institutions of representation and power of attorney in the activities of the penal system]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Bulletin of the Samara legal institute: scientific and practical journal], 2018, no. 5(31), pp. 9–13 [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДАЧЕ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА»

1. Для публикации научных материалов автор предоставляет в редакцию журнала: статью, оформленную по установленному стандарту; анкету автора публикации и оператора персональных данных (<http://sui.fsin.su/vestnik-syui-fsin-rossii/>) по адресу: 433022, г. Самара, ул. Рылесская, 24в.

Статья принимается в одном экземпляре, в распечатанном, а также электронном виде.

2. Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат и прочих сведений ответственность несет автор.

3. Каждый автор может опубликовать в одном номере журнала не более одной статьи. Количество статей одного автора, публикуемых в одном номере, может быть увеличено только по решению редакционной коллегии.

4. Электронная версия рукописи выполняется в редакторе Microsoft Word.

5. Формат страницы – А4, поля – по 2,5 см, шрифт основного текста и примечаний – Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал основного текста – полуторный, остального текста – одинарный, абзацный отступ основного текста – 1,25, выравнивание страницы – по ширине.

6. Объем статьи должен составлять от 10 до 20 страниц (предусматривая автоматическую расстановку переносов в тексте). В ином случае необходимо данный вопрос согласовать с редакционной коллегией журнала.

7. В начале рукописи указывается код УДК. Далее приводятся сведения об авторе на русском и английском языках, включающие: Ф.И.О., ученую степень, ученое звание, должность, организацию, почтовый адрес организации, e-mail. Для англоязычных метаданных необходимо соблюдать следующий вариант написания сведений об авторе: полное имя, инициал отчества, фамилия (Anna I. Ivanova).

8. Далее пропускается одна строка и по центру жирным шрифтом сначала на русском, а затем на английском языках набираются название статьи, аннотация и ключевые слова.

Аннотация и ключевые слова к статье набираются курсивом. В аннотации должны быть отражены актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и выводы. Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, ее объем – от 150 до 250 слов. Ключевые слова служат для автоматизированного поиска информации и должны отражать как общие, так и частные аспекты результатов представленного в статье исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 8–10.

9. Затем следует основной текст статьи, библиографический список.

В статье допускается наличие таблиц, формул и рисунков. Обязательно наличие подрисовочных подписей, подписей к таблицами и ссылок на них в тексте. Всем иллюстрациям и таблицам необходимо давать сквозную нумерацию. Иллюстрации, приведенные в статье, должны быть высокого качества, хорошо читаемы. Таблицы должны быть выполнены в Microsoft Word. Не допускается применение фоновых рисунков и заливки в схемах, таблицах. При наличии в тексте диаграмм они должны быть сохранены в формате «диаграмма Microsoft Word» в черно-белом виде, штрихах или оттенках серого, а макет диаграммы должен быть доступен для редактирования.

Библиографический список является обязательным атрибутом любой научной публикации.

Ссылки на упомянутую в тексте литературу приводятся в квадратных скобках (например [1, с. 7]) в порядке первого упоминания. Нежелательно включать в списки литературы анонимные источники и нормативные документы, предпочтительно их цитировать непосредственно в тексте или внутритекстовых сносках.

Источники в библиографическом списке оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

После библиографического списка приводится транслитерация References (перевод текста библиографического списка на латиницу). Для этого рекомендуется воспользоваться специальной программой (<http://translit.ru>, стандарт BSI). Кроме того, необходимо в квадратных скобках указывать название источника, переведенное на английский язык.

10. Все страницы рукописи, включая библиографический список, должны быть пронумерованы.

11. Статья должна быть подписана автором.

12. Перед подписью автор дает разрешение на публикацию в Интернете и гарантирует, что предоставленный в редакцию материал ранее не публиковался и не был предоставлен на публикацию одновременно в другие журналы.

Например: «Статья публикуется впервые. Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

13. В случае если автор является студентом, курсантом, аспирантом, адъюнктом или прикреплен к адъюнктуре (аспирантуре) для подготовки диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата наук, он должен предоставить ответственному секретарю рецензию от специалиста соответствующей отрасли науки, заверенную кадровым аппаратом соответствующего учреждения.

14. Материалы направляются в адрес редакции с пометкой «Вестник Самарского юридического института». В качестве имени файла русскими буквами указывается фамилия, инициалы автора (например, Петров А. А.doc).

15. Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

16. При несоблюдении указанных требований редакция журнала статьи к изданию не принимает.

*Адрес редакции: 443022, г. Самара, ул. Рылесская, 24в, тел. 205-67-14
e-mail: science@samlawin.ru*

Научное издание

**ВЕСТНИК
САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

Научно-практический журнал

2 (33) / 2019

Редактор *О. Е. Тимошина*
Техническая редакция – *О. Е. Тимошина, Д. Б. Кротков*
Компьютерная верстка – *Д. Б. Кротков*

Подписано в печать 10.06.2019
Усл. печ. л. 17,3
Тираж 100 экз. Заказ № 821
Цена свободная

Отпечатано в ООО «Прайм»
443544, Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, 49